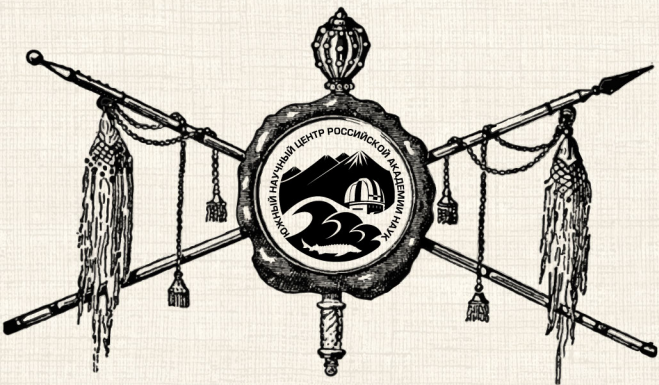

ISSN 3033-7763

Июль – Сентябрь
July – September

2026

К

Научный журнал **Том 2/ Номер 3**

АЗАКОВЕДЕНИЕ

Scientific journal "Kazakovedenie" **Vol. 2/ No. 3**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК» (ЮНЦ РАН)

Научный журнал
КАЗАКОВЕДЕНИЕ
(16+)

Сетевое издание

Том 2. № 3
2026

Основан в 2024 г.
Выходит 4 раза в год

ISSN 3033-7763

Главный редактор:
Матишов Геннадий Григорьевич, академик РАН

Редакционная коллегия:

Баранов Андрей Владимирович, д.и.н. (Краснодар)
Бритвин Николай Николаевич, общественный деятель, генерал-полковник (Ростов-на-Дону)
Венков Андрей Вадимович, д.и.н. (заместитель главного редактора) (Ростов-на-Дону)
Волвенко Алексей Александрович, к.и.н. (Таганрог)
Колесников Владимир Александрович, к.и.н. (Ставрополь)
Колесникова Марина Евгеньевна, д.и.н. (Ставрополь)
Лукьяшко Сергей Иванович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Малов Александр Витальевич, к.и.н. (Москва)
Матвеев Олег Владимирович, д.и.н. (Краснодар)
Матвеева Наталья Сергеевна, к.и.н. (Москва)
Мининков Николай Александрович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Очиров Уташ Борисович, д.и.н. (Элиста)
Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна, д.и.н. (Новочеркасск)
Ратушняк Олег Валерьевич, д.и.н. (Краснодар)
Рвачева Ольга Владимировна, д.и.н. (Волгоград)
Рыблова Марина Александровна, д.и.н. (Волгоград)
Сень Дмитрий Владимирович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Скорик Александр Павлович, д.и.н., д.филос.н. (Новочеркасск)
Тюменцев Игорь Олегович, д.и.н. (Волгоград)
Худобородов Александр Леонидович, д.и.н. (Оренбург)
Шадрина Алла Валерьевна, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Яровой Андрей Викторович, д.филос.н., к.соц.н. (Зерноград)
Бевза Татьяна Гарриевна (ответственный секретарь) (Ростов-на-Дону)

Утвержден ученым советом ЮНЦ РАН

Издание осуществляется при поддержке ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону)

Сетевое издание «Научный журнал "Казаковедение"»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-88811 от 02 декабря 2024 г.

Адрес редакции: 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41;
е-mail: kazak@ssc-ras.ru
Адрес сайта: <http://kazak.ssc-ras.ru>

© ЮНЦ РАН, 2026

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE "FEDERAL
RESEARCH CENTRE SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES" (SSC RAS)

Scientific journal

KAZAKOVEDENIE

(16+)

Online Media

Volume 2. No. 3
2026

First published in 2024
There are 4 issues a year

ISSN 3033-7763

Editor-in-Chief:

Matishov Gennadij Grigor'evich, D.Sc. (Geography), the academician of RAS

Editorial Board:

Baranov Andrej Vladimirovich, Dr (History) (Krasnodar, Russia)
Britvin Nikolaj Nikolaevich, Public figure, Colonel-General (Rostov-on-Don)
Venkov Andrej Vadimovich, Dr (History), Editor (Rostov-on-Don, Russia)
Volvenko Aleksej Aleksandrovich, PhD (History) (Taganrog, Russia)
Kolesnikov Vladimir Aleksandrovich, PhD (History) (Stavropol', Russia)
Kolesnikova Marina Evgen'evna, Dr (History) (Stavropol', Russia)
Luk'yashko Sergej Ivanovich, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Malov Aleksandr Vital'evich, PhD (History) (Moscow, Russia)
Matveev Oleg Vladimirovich, Dr (History) (Krasnodar, Russia)
Matveeva Natal'ya Sergeevna, PhD (History) (Moscow, Russia)
Mininkov Nikolaj Aleksandrovich, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Ochirov Utash Borisovich, Dr (History) (Elista, Russia)
Pankova-Kozochkina Tat'yana Viktorovna, Dr (History) (Novocherkassk, Russia)
Ratushnyak Oleg Valer'evich, Dr (History) (Krasnodar, Russia)
Rvacheva Ol'ga Vladimirovna, Dr (History) (Volgograd, Russia)
Ryblova Marina Aleksandrovna, Dr (History) (Volgograd, Russia)
Sen' Dmitrij Vladimirovich, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Skorik Aleksandr Pavlovich, Dr (History), Dr (Philosophy) (Novocherkassk, Russia)
Tyumencev Igor' Olegovich, Dr (History) (Volgograd, Russia)
Hudoborodov Aleksandr Leonidovich, Dr (History) (Orenburg, Russia)
Shadrina Alla Valer'evna, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Yarovoj Andrej Viktorovich, Dr (Philosophy), PhD (Sociology) (Zernograd, Russia)
Bevza Tat'yana Garrievna, Assistant Editor (Rostov-on-Don, Russia)

Approved by the Academic Council of the SSC RAS

The publication is supported by the SSC RAS (Rostov-on-Don)
The online publication "Scientific Journal KAZAKOVEDENIE"
is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media;
registration number: series EI No. FS77-88811 dated December 2, 2024

Editorial Office: 41 Chekhov ave., Rostov-on-Don, 344006;
e-mail: kazak@ssc-ras.ru
URL: <http://en.kazak.ssc-ras.ru>

© SSC RAS, 2026

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Венков А.В.</i> Донские казаки в преддверии войн «Николаевской России»	5
<i>Матишов Г.Г., Венков А.В.</i> Казаки на турецком фронте в 1916 году	16
<i>Скорик А.П.</i> Буденный как теоретик политики показачивания на Северном Кавказе во второй половине 1920-х гг.	28
<i>Скорик А.П.</i> Осуществление социально-политической кампании «За советское казачество» на Юге России в 1930-е гг. (к 90-летию исторического события)	40

КАЗАЧЕСТВО В НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

<i>Горбенко В.П.</i> Очерк истории русско-черкесских отношений	95
---	----

ИЗЫСКАНИЯ КРАЕВЕДОВ

<i>Карташов Ю.И.</i> 5-й Донской казачий кавалерийский корпус. Личный состав. Обнаруженные на Верхнем Дону ветераны	105
---	-----

SCIENTIFIC ARTICLES

<i>Venkov A.V.</i> Don Cossacks on the Eve of the Wars of "Nicholas's Russia"	5
--	---

<i>Matishov G.G., Venkov A.V.</i> Cossacks on the Turkish Front in 1916	16
--	----

<i>Skorik A.P.</i> Budyonny as a theorist of the "Cossackization" policy in the North Caucasus in the second half of the 1920s	28
--	----

<i>Skorik A.P.</i> Implementation of the socio-political campaign "For Soviet Cossacks" in the South of Russia in the 1930s (on the 90 th anniversary of the historic event)	40
--	----

COSSACKS IN THE POPULAR CONSCIOUSNESS

<i>Gorbenko V.P.</i> Essay on the History of Russian-Circassian Relations	95
--	----

RESEARCH BY LOCAL HISTORIANS

<i>Kartashov Yu.I.</i> The 5 th Don Cossack Cavalry Corps. Personnel. Veterans Discovered on the Upper Don	105
---	-----

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 94(47)

ДОНСКИЕ КАЗАКИ В ПРЕДДВЕРИИ ВОЙН «НИКОЛАЕВСКОЙ РОССИИ»

© 2026 г. А.В. Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук
(Ростов-на-Дону, Россия)

Аннотация. В статье показаны состояние и уровень боеготовности донских казаков после тяжелых потерь, понесенных ими в ходе наполеоновских войн. Описано, как в контексте смены череды войн менялось отношение власти к казакам. Часть казаков, ушедших еще в XVIII в. за границу, оставалась оппозиционной или даже враждебной по отношению к России, но русское командование имело об этой ситуации смутное представление.

Ключевые слова: казаки, войны, власть, некрасовцы, боеспособность.

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2026 г., № гр. проекта 124012200178-4

DON COSSACKS ON THE EVE OF THE WARS OF “NICHOLAS’S RUSSIA”

A.V. Venkov

Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
(Rostov-on-Don, Russia)

Abstract. The article examines the condition and combat readiness of the Don Cossacks after the heavy losses they suffered during the Napoleonic Wars. It also shows how the attitude of the authorities towards the Cossacks changed in the context of a series of wars. Some Cossacks who had left Russia in the 18th century remained hostile to the state, a reality of which the Russian command had only a vague understanding.

Keywords: Don Cossacks, wars, power, Nekrasovites, combat capability.

Первые 15 лет XIX века Россия вела одновременно несколько войн – с Персией (1804–1813 гг.), с Турцией (1806–1812 гг.), с Австрией (1809 г.) и со Швецией (1808–1809 гг.), не говоря уже о войнах с Наполеоном, которые с перерывом тянулись с 1805 по 1815 г. И все это время, начиная с XVIII в., происходили непрерывные боевые действия в предгорьях Кавказа и на Кубани. С 1817 г. эти вооруженные столкновения были признаны настоящей войной – Кавказской войной.

Страна за это время понесла огромные потери. По сравнению со всей русской армией утраты среди донских казаков были, казалось бы, не столь значительны. Из примерно 60 тысяч воевавших (вместе с ополчением) погибло 22 тысячи человек. Количество служивых казаков (без ополченцев) на 1 июля 1812 г. составляло 47 765 чел., а 1 июля 1815 г. – 34 503 чел. [1, с. 262]. Потери превышали ¼ часть боеспособного служивого войска. Считается, что войска Древнего Рима после таких потерь теряли боеспособность [2, с. 360].

Русская армия, пополнявшаяся рекрутскими наборами, когда в армию шел один молодой человек, достигший служивого возраста, из двадцати, могла быстро нарастить количество войск, немного расширив призывной контингент. Утраты казаков были невосполнимы: они служили все, и брать призывной контингент откуда-то со стороны не было возможности.

В ходе наполеоновских войн так и не был разрешен ряд проблем на южных границах России, на Кавказе, в Закавказье и на Дунае. В 1816 г., утвердив позиции России в Европе, император Александр I начал переговоры с турками о выполнении договоренностей, достигнутых в 1812 г., в частности о непоощрении набегов черкесов из-за Кубани, незахватаывании грузов в Черном море и т.д. Дело шло к войне. В 1826 г. при том же Николае I принц Евгений Вюртембергский, генерал русской службы, даже составил план войны с Турцией [3, с. 273]. Но для настоящей серьезной войны тогда сил не хватало.

Через 10 лет для российской власти маленькая победоносная война стала необходимостью.

Из всех войн «Николаевской России» наибольшим вниманием историков пользовалась «Восточная война» 1853–1856 гг. Она стала одной из важнейших причин начала реформ Александра II. Другие войны имели либо характер «подавления народных движений», где Россия выступала в качестве «жандарма Европы» (и это не способствовало их популярности у советских и даже постсоветских историков), либо они были победоносны, но вела их априори считавшаяся отсталой, в том числе и в военном деле, «Николаевская Россия».

Таким образом, все эти войны были недостаточно изучены, и опираться приходится на довольно многочисленные источники, прежде всего мемуарного характера. Они, естественно, пристрастны, хотя дают исследуемым нами казакам довольно меткие характеристики и оценки. Сами же казаки мемуаров об этом периоде не оставили.

Цель исследования – показать, как после понесенных потерь казаки сохранили свои боевые качества и были готовы к новой череде войн. Для этого необходимо решить ряд задач: продемонстрировать, как стало меняться отношение командования к казакам; дать примеры боевой активности казаков в разных условиях при выполнении различных задач; обозначить, что не все проблемы взаимоотношений казаков с государством были разрешены – часть казаков оставалась за границей.

Методологической основой нашей работы стали принципы историзма и системности. Кроме того, использовались историко-генетический и историко-сравнительный методы.

Вступление императора Николая I на престол сопровождалось большим кровопролитием, всколыхнувшим общественное мнение и вызвавшим сильное возмущение в образованных кругах. Хотя эта часть населения составляла лишь небольшую долю жителей страны, ее мнение имело значительный политический вес. Осознавая свое влияние, представители «общества» демонстрировали несогласие, вынуждая императора считаться с их позицией. Николай I, учитывая опыт декабристского восстания, не был уверен в стопроцентной поддержке дворянства и стал искать ее в других слоях населения. В 1827 г. наследник престола был назначен верховным атаманом всех казачьих войск. И сам Николай Павлович постоянно подчеркивал свою любовь к казачеству, в том числе во внешнем проявлении – ношении казачьего мундира, в котором он даже встречался с английской короле-

вой. И похоронить себя велел в форме лейб-казацкого полка, хотя по традиции царей хоронили в преображенском мундире. Кроме того, для расположения к себе населения нужна была популярная в обществе маленькая победоносная война.

После наполеоновских войн международная обстановка складывалась в пользу Российской империи. В соответствии с традициями европейской политики того времени, Россия демонстрировала приверженность принципам миролюбия. Камнем преткновения в русско-турецких отношениях стали попытки России заступиться за ведущих национально-освободительную борьбу греков. Турция, не желая дальнейшего вмешательства в свои внутренние дела, заключила в 1826 г. Аккерманскую конвенцию. Этот документ подтверждал условия Бухарестского мира 1812 г., которые ранее неоднократно нарушались турецкой стороной. Обострение греко-турецкого противостояния вынудило ведущие европейские страны, включая Россию, потребовать от Османской империи предоставления грекам автономии. Однако турецкое правительство ультиматум проигнорировало. Кульминацией конфликта стала Наваринская битва 8 октября 1827 г., в которой объединенные эскадры России, Великобритании и Франции разгромили турецкий флот. У турок уцелел лишь один корабль, погибло свыше 7000 человек.

После этого Турция расторгла Аккерманскую конвенцию, и султан Махмуд IV объявил священную войну против России. Это была своего рода дипломатическая победа Николая I: не мы объявили войну, а нам ее объявили.

Николай I намеревался к продолжению военных действий против Османской империи объединенными усилиями и предложил Англии и Франции поучаствовать в этой войне. Однако англичане дипломатично отказались, а Франция, утратившая после наполеоновских войн свои позиции в Восточном Средиземноморье, все же послала в Морею экспедиционный корпус под командованием маршала Оскара де Мармона.

За три предшествующих столетия Россия воевала с турками девять раз. При Николае I началась пятая по счету русско-турецкая война (1828–1829 гг.), достаточно недолгая, но принесшая победу России. Особый исследовательский интерес к этой кампании обусловлен рядом факторов, в том числе мемуарными свидетельствами Ф.Ф. Торнау – русского офицера и квалифицированного военного специалиста. В своих воспоминаниях он отмечает, что его удивило веселье в войсках и в штабах: «Турки, лихорадка, горячки и даже чума, расстилавшая свой широкий саван по всему краю, не были в силах умертвить русской беззаботной веселости» [4, с. 70].

Почему они так веселились? Предыдущие три войны с турками были победоносными. В последней (1806–1812 гг.) взяли в плен целую турецкую армию. Потом русские пережили тяжелейшую войну с Наполеоном, сдачу и пожар Москвы, торжественное вступление в Париж. Они победили объединенные силы Западной Европы. И теперь война на юго-восточных задворках этой самой Европы, в Румынии, в Болгарии, в самой Турции, с теми самыми турками, казалась им вынужденным пикником в скучной провинции. А на пикнике обычно веселятся.

Согласно воспоминаниям И.П. Дубецкого, эта война была наименее кровопролитной на поле боя, но наиболее смертоносной из всех русско-турецких войн [5, с. 113]. Высокий уровень смертности давали санитарные потери. Умерло от болезней гораздо больше людей, чем было убито [6, с. 417]. Офицер конных егерей приводил факты о состоянии двух пехотных дивизий за три месяца: июль, август и сентябрь. В июле в госпитали ежедневно отсылали от 100 до 125 человек, в августе стали

слать от 200 до 225 человек в сутки, а в сентябре – уже до 300, «а обратно из госпиталей уже не возвращался никто» [7, с. 357].

Дать оценку боевым качествам русской армии того времени трудно. С одной стороны, прошло чуть более десяти лет с того, как русские войска прошли всю Европу и вступили в Париж. Более половины бойцов 2-й армии, собранной теперь на турецкой границе, участвовало в победоносной кампании 1813–1814 гг. Но, с другой стороны, как вспоминал И.Ф. Паскевич, через год после наполеоновских походов войну забыли, «а военные качества заменились экзерцирмейстерской ловкостью» [8, с. 69]. Командовавший 3-й пехотной дивизией генерал Рот за год отправил в отставку всех бывших на войне офицеров [8, с. 68].

Рекрутская система набора в армию, когда из молодых людей, достигших нужного возраста, служить шел лишь каждый 20-й, исключала подготовку к службе до момента призыва. Поэтому обучение призванных в армию занимало очень долгое время. Первые 10 лет службы солдат считался «молодым». Кроме того, по воспоминаниям А.И. Михайловского-Данилевского, одной из проблем армии стало качество унтер-офицерского состава. В унтер-офицеры стали набирать «людей видных собою и умеющих хорошо маршировать» [9, с. 199].

Иностранцы такую систему набора характеризуют кратко: в России в армии дисциплина основывалась на порке, повинность лежала на крепостных крестьянах, «которые ее боялись и ненавидели, а еще одним источником рекрутов являлись преступники, подкидыши и солдатские дети»; русские солдаты, набранные из крепостных, не бежали с поля боя и не впадали в панику – «у них, взятых из рабства, нет и мысли о том, чтобы действовать по своему разумению, когда рядом кто-нибудь из начальства» [10, с. 298, 387]. Фактически была создана армия смертников со всеми положительными и отрицательными чертами, присущими такой организации.

В духе Николаевского времени стала ясно видна тенденция к усилению «регулярства» на казачьих территориях, в казачьих войсках. И в 1833 г. управление казачьими войсками было вынесено из общих департаментов в Департамент военных поселений, в котором в 1835 г. было создано Отделение иррегулярных войск.

Но в самом начале царствования Николая I пока еще работал созданный в 1818 г. Комитет по устройству Донского войска. Его деятельность была далека от завершения, и казаки все еще благоденствовали «в первобытном состоянии». Система службы и воинская повинность оставались те же, что и в начале века.

По сравнению с регулярными войсками русской армии у казаков перед войнами в этом регионе было преимущество. Казачьи части несли службу на южных границах России постоянно, были знакомы с местной природой, климатом и отчасти с местным населением. И к началу военных действий в рядах 2-й армии, которой предстояло сражаться на Дунае, были донские полки, которые дослуживали 3-й или даже 4-й год. Это полки Урюпинского, Табунщикова, Бегидова. Так, с 1825 г. по 3 июля 1828 г. на стыке турецкой и австрийской границ стоял полк Алексея Степановича Грекова 2-го. На Кавказе и в Закавказье с 1825 г. служили полки Басова, Леонова, Шурупова.

В 1826 г. одни только донцы выставили на службу 13 полков. Из них 9 – Фомина, Золотарева 4-го, Уткина, Студеникина, Шамшева, Платонова, Победнова 1-го, Карпова 2-го, Сергеева 1-го – послали на Юг, на Кавказ и в Закавказье, во 2-ю армию. Видимо, названных полков хватало, и в 1927 г. донские казаки отправили на службу всего один полк – Ильина.

Зато в 1827 г. казачьи части стали стягиваться к границе задолго до войны. С февраля 1828 г. в Бессарабию стали выступать полки с Дона. С 3 февраля ушли полки Борисова и Рыковского. 6 февраля двинулся в поход Атаманский полк.

Больше чем через месяц, 17 марта, выступил к Белграду (Аккерману) полк Грекова 3-го, за ним 19 марта в распоряжение командира 3-го корпуса отправился полк Ступачевского. На следующий день с достаточно неясным направлением – «ко 2-й армии» – ушел полк Золотарева 2-го, за ним, 21 марта, и туда же – 2-я Донская конно-артиллерийская рота, а 22 марта сразу два полка – Секретева и Тацина 2-го.

С 5 апреля войска стали стягивать непосредственно к границе. Первая Донская конноартиллерийская рота пошла через Бессарабию к селению Водолуй-Исак на самую границу. Ротой командовал Петр Федорович Тацин, который уже отвоевал наиболее продолжительную войну с турками в 1806–1812 гг. В командование ротой он вступил в 1810 г., как раз во время той войны.

14 апреля 1828 г. в войсках объявили о войне. Во 2-й армии, которой предстояло воевать с турками на Дунае, было 9 казачьих полков.

Следует отметить, что за это короткое время между наполеоновскими войнами и войнами, которые вела Россия при Николае I (с Персией, с Турцией, с восставшими поляками, с восставшими мадьярами, со всей Европой в 1853–1856 гг.), изменилось отношение к казакам и само применение казаков. Их больше не концентрировали и не бросали в глубокие рейды по территории, занятой противником.

В многочисленных наставлениях по поводу ведения войны против турок о боевых порядках войск казаки почти не упоминаются. О них вспоминали, когда надо было проявить превосходство индивидуального бойца. Например, в связи с действиями стрелков: «Они и казаки стреляют противу наездников» [8, с. 100].

Наиболее удачливый из генералов – Гейсмар – запретил драгунам «фланкировать с турками, употребляя на этот предмет исключительно казаков» [4, с. 42].

Тем не менее казакам безусловно доверяли. Охрана лагерей неслась казачьими пикетами, выставленными на полверсты от лагеря. Иногда их выставляли всего два [4, с. 96]. И они без необходимости не рисковали. К лагерю противника или к крепости приближались обычно на пушечный выстрел [4, с. 99].

Встречаясь с разъездами противника, казаки на них нападали. Так, в 1829 г. на дороге из Силистрии в Шумлу при появлении турок, даже вдали, сразу же бросались за ними в погоню [4, с. 69].

Казаки считались образцовыми разведчиками, и им безоговорочно верили. Вот сцена, записанная русским офицером во время осады Шумлы летом 1828 г.: «При окончании работы [Батальон пехоты весь день возводил батарею. – А. В.] фельдфебель Карулин донес, что на нас будет сильная вылазка.

— Как ты узнал?

— Казак из цепи приезжал, сказал» [11, с. 303].

Офицеры отвели батальон на гору, а как стемнело 10 тысяч конных турок выехали из Шумлы и атаковали возведенное укрепление, уже пустое. Силы были заведомо неравные, и офицер считал, что «спас от неминуемой гибели до 600-т человек» [11, с. 303].

Остается вопрос, как находящиеся в передовой цепи казаки определили, что будет вылазка и именно против строящегося редута? Тщательное наблюдение и анализ увиденного?

Казачьи небольшие силы сопровождали регулярные части во время их переброски на разные участки театра боевых действий, но не всегда ввязывались в серьезные бои в таких случаях. Так, А.Г. Розалион-Сошальский вспоминал, что 16 августа 1828 г. он был послан с депешами из блокадного корпуса в главную квартиру, с ним был лейб-эскадрон С.-Петербургского уланского полка и команда казаков. «Козаки, шедшие впереди, скоро донесли, что направо, верстах в двух, показываются из долины какия-то войска» [12, с. 176], но, когда дело дошло до серьезного боя, казаки ускакали, а Розалион-Сошальский попал в плен [12, с. 178].

Доктор Зейдлиц описал, как казаки берут турок в плен. Преследуя противников, казаки били их в спину тупыми наконечниками своих пик. «Казаки ими не убивают, а только выбивают из седла, а затем сильным ударом по голове саблей или нагайкой оглушают противника» [13, с. 426].

Казаки проявили себя как незаменимые гонцы. Расстояние в 170 верст – 16 часов пути – казачий офицер со срочным донесением проскакал за 12 часов [8, с. 206].

Как писал генерал В.Ф. фон-дер-Лауниц, казаки были прикомандированы «по одному к каждому офицеру генерального штаба и адъютанту» и возили за ними «маленькие запасы» – солдатские сухари, сыр и молдавское вино [14, с. 10].

Казаки сопровождали офицеров генерального штаба в их разведках. П.А. Тучков вспоминал, что при рекогносцировке 2 августа 1828 г. под Шумлой он с одним казаком прополз между турецкими ведетами в кустах и, добравшись до возвышенности, рассмотрел турецкий лагерь и запомнил путь, по которому ему предстояло вести колонну на фланги турецких укреплений. Возвращаясь, опять пришлось пробираться через неприятельскую цепь. В конце концов он добрался до своей лошади, «оставленной с другим казаком и скрытой за густыми деревьями в ½ версте от неприятельских ведетов» [15, с. 491].

В трудной ситуации казаки обычно полагались на лошадь. Торнау рассказывал, как группа ночью заблудилась. Командиры совещались, подъехал казак и сказал, что на месте прежней стоянки его лошадь кормили овсом. Он считал, что лошадь запомнила это место и сама найдет туда дорогу. «Не находя другого способа, мы решились поручить себя чутью умного коня» [4, с. 362], – вспоминал Торнау. Лошадь действительно вывела их к русскому укреплению.

Считалось, что казачьи лошади лучше турецких. Турецкие лошади якобы легче и быстрее, но скоро устают, «между тем, как для лошади казачей проскакать пять верст – игрушка, и после того она делается еще быстрее и неутомимее» [16, с. 146].

Были случаи, когда казаки, потерявшие лошадей, пешими ходили в цепь, чтобы мстить туркам за убитых товарищей. Впрочем, по воспоминаниям одного гвардейского офицера, они были пьяны, «мыкали горе водкой» [17, с. 390].

Бытовало мнение, что казаки «чувствуют» войну. Природным чутьем они определяют, где неприятель, спокойно переплывают на конях реки и озера и не могут заблудиться в неизвестных лесах. Как наездники они не уступают черкесам, «которые с вершин Кавказа устремляются на добычу свою и смешивают разбойничество с войною» [18, с. 181].

Созданная при Павле Петровиче донская артиллерия славилась своей высокой проходимостью. Граф А.Ф. Бенкендорф вспоминал о конных артиллеристах Донского войска: «...там, где казалось страшно даже пробираться пешеходу, они мастерски спускали передки своих орудий» [19, с. 494].

Казачьи артиллеристы к тому времени научились вести бой повсюду, даже в лесной местности. Заткнув шапки за пояс, чтобы сучьями с головы не сорвало, они «заряжали с остротою молнии, разумно выжидали, вовремя отдавали выстрел, когда нужно было, повторяли или поспешно на лямках отвозили орудие» [4, с. 377].

Сами же донцы были не в восторге от описываемых времен. Начальство стало постоянно требовать исправности в одежде и снаряжении: «Казачьи и в походе были затянуты в мундиры и не снимали киверов» [20, с. 71].

Высший командный состав старался копировать повадки казаков. Казаки делали для генералов своеобразные шалаши, набрасывая на пики бурки и ковры. «Попоны служили вместо постели» [4, с. 96]. Доктор Зейдлиц вспоминал, что «тогда было в моде носить всегда казацкую нагайку» [13, с. 427].

Отмечалось, что казаки склонны к «самоснабжению». Ф. Торнау говорил, что они «любят, как у них говорится, пошарить» [4, с. 98].

Пограничную службу казаки осуществляли системой постов. Перед войной посты по реке Прут содержал полк Золотарева 4-го. Здесь он стоял с 1826 г. Участник войны Ф.Ф. Торнау назвал в своих воспоминаниях Золотарева «стариком» [4, с. 110]. Что касается поста, то есть прекрасное описание его А.С. Пушкиным: «Казак привез меня прямо к посту. Мы остановились у палатки, куда спешил я войти. Тут нашел я двенадцать казаков, спящих один возле другого. Мне дали место; я повалился на бурку, не чувствуя себя от усталости» [21, с. 404].

Охранная служба казаков не была безупречна. Штабс-капитан Коноплин, боровшийся со шпионажем и передачей писем через границу, писал 27 ноября 1827 г. Киселеву, что он, Коноплин, полагает, что некоторые казаки на постах ненадежны и могут передавать письма через границу, так как долго квартируют на одном месте и потому имеют связи с жителями обеих сторон, и еще делают это «по сродной им склонности к интересу» [8, с. 157]. Казаков видели среди базарных лавок в Яссах. И беглые солдаты, возвращенные в свои полки, показали, что переходили Прут по льду в трех верстах от Скулян и «не видели ни одного казака и прошли без всякой опасности» [8, с. 157–158]. Наконец, в начале января 1828 г. поймали двух евреев, которые возвращались в Молдавию из Скулян, и они показали, что перевел их через границу один казачий офицер, «уже и сознавшимся в том добровольно» [8, с. 158].

Следует отметить, что не все казаки в это время служили России. Разведка обратила внимание на проживающих на территории Турции запорожцев и некрасовцев. Генерал Дибич опасался, что в случае войны и наступления этот контингент «может причинить в тылу армии большой вред» [8, с. 131]. Он запрашивал мнение главнокомандующего Киселева стоит ли принять меры «к истреблению или переселению оного в пределы Российской Империи или к удержанию в своих жилищах» [8, с. 132].

Опыт показывал, что в предыдущую войну с турками в 1806–1812 гг. часть некрасовцев находилась в турецких войсках, а часть отступала к Мраморному морю. Отчасти они отступали из-за «междоусобицы с запорожцами, непримиримыми врагами их» [22, с. 18–19]. Невзирая на вражду, и некрасовцы, и запорожцы служили в турецкой армии. Некрасовцы в донских традициях сражались в конном строю, и только они содержали передовую ночную цепь главной турецкой армии, поскольку к такому роду службы якобы были неспособны. Запорожцы воевали в пешем строю и в лодках. «Они были свирепы и привержены к старым обычаям, которые Оттоманская порта по возможности сохраняла между ними» [22, с. 19].

К некрасовцам убегали дезертиры из русской армии. Так, от излишней муштры из 2-го батальона Камчатского полка, занимавшего караулы в крепости Хотине, в самое непродолжительное время бежало за реку Прут до пятидесяти человек, в том числе много старослуживых; бежавшие «скрылись безвозвратно» [23, с. 161]. Граф А.Х. Бенкендорф считал, что некрасовцы – «воры по ремеслу» [19, с. 498].

Ответ Киселева показал, что знания русского командования о предмете были весьма поверхностны. 17 августа 1826 г. он писал, что «запорожские казаки под названием некрасовцев» живут при устье Дуная и в крепостях Тульче, Исакче и Бабадаге [8, с. 132]. Во время прошлой войны с Турками, в 1810–1812 гг., генерал Тучков поселил часть их при Измаиле. Теперь они достигает 7 тысяч. Часть турки насильно забирали на службу в гарнизоны турецких дунайских крепостей [8, с. 132]. Часть некрасовцев в августе 1809 г. ушла к Балканам, остальные укрылись в лесу между Мачином, Исакчей и Бабадагом и тревожили русские войска [8, с. 132]. Киселев предлагал в случае войны «дать им атамана под влиянием русского начальства» или выслать в Россию [8, с. 133].

Сведения от местных властей были более точными. Новороссийский генерал-губернатор, граф Воронцов в 1826 г. сообщал в Петербург, что запорожцы бегут в Россию, чтобы не служить в турецкой армии [8, с. 133]. У них сохранилась Сечь, она находится в реке Дунаец. Сохраняются обычаи. В Сечи находятся 6 куреней (домов), в которых живут холостые казаки, от 2 до 5 человек в каждом доме. Есть еще две деревни – Казацкая Рая и Калагурман, – где живут женатые, не более 200 семей. «Казаки имеют атамана или кошевого, который управляет ими с неограниченной властью» [8, с. 134].

Воронцов считал, что не стоит применять меры «к их истреблению», так как они хотят вернуться в Россию. Турки посылали их воевать в Морею и теперь набирают в крепости на работы. Это запорожцам не нравится. Конкретно в 1826 г. 200 человек были набраны турками в конное войско, которое должно было называться казачьим и походить на казаков русской армии «по одежде и снаряжению» [8, с. 134]. 500 человек турки забрали в Дунайскую флотилию. Дома оставались примерно 1000 человек [8, с. 134].

Тем не менее оставалось опасение, что у турок среди запорожцев есть своя агентура, которая связана через запорожцев с населением на русской территории [8, с. 156–157].

В целом запорожцы, некрасовцы и татары из Добруджи считались «неприятными племенами» по отношению к России [22, с. 22]. Граф А.Х. Бенкендорф считал, что в «войнах против России запорожцы оказывали большие услуги Порте, отличаясь ожесточенною ненавистью к прежним своим соотечественникам и превосходя свирепую храбростью даже самих фанатических турок» [19, с. 480].

Как видим, об отношении к казакам, оказавшимся за границами России, единого мнения не было, и сама информация о них была поверхностной.

Таким образом, понеся тяжелые потери в наполеоновских войнах, казаки сохранили достаточно высокую боеспособность. Они оставались незаменимы в разведке, охране, преследовании разбитого противника. На отношении к ним высшей власти сказались внутриполитические проблемы. После восстания декабристов на казаков делали ставку как на наиболее верные войска, появилась своеобразная мода на казаков. Но в обыденной жизни казаков это проявилось как подтягивание дисциплины, требования к внешнему виду и пр.

Часть казаков оставалась за границей и использовалась ее противниками. Российское командование имело о таких казаках поверхностное представление и иногда отождествляло запорожцев с некрасовцами. Впрочем, командование ожидало в перспективе возвращения этих казаков в Россию и не предполагало их истребления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Максимов К.Н., Очиров У.Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 519 с.
2. Венков А.В. Казаки против Наполеона. От Дона до Парижа. М.: Вече, 2013. 368 с.
3. Елец Ю.Л. Военная энциклопедия: в 18 т., 1911–1915. Т. 9: Двина Западная. СПб.: Изд-во Сытина, 1912. 322 с.
4. Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. М.: АИРО–XXI, 2002. 384 с.
5. Записки Иосифа Петровича Дубецкого // Русская старина. 1895. № 6. С. 107–141.
6. Из записок Ивана Гавриловича Поливанова // Русский архив. 1877. № 11. С. 414–441.
7. Воспоминания о действиях 1-й конно-егерской дивизии в Турецкой кампании 1828 года // Военный сборник. 1858. № 4. С. 333–380.
8. Епанчин Н. Очерк похода 1829 г. в Европейскую Турцию. Ч. 1. Подготовка к походу. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1905. 488 с.
9. Записки А.И. Михайловского-Данилевского // Русская старина. 1893. № 7. С. 195–207.
10. Исдейл Ч.Д. Наполеоновские войны. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. 544 с.
11. Записки Александра Андреевича Половцова // Русская старина. 1913. № 11. С. 301–317.
12. Записки русского офицера, бывшего в плену у турок в 1828 и 1829 годах // Военный сборник. 1858. № 5. С. 173–220.
13. Воспоминания доктора Зейдлица о турецком походе 1829 года // Русский архив. 1878. № 4. С. 413–436.
14. Из военно-походных записок о кампании 1829 года в Турции (Бывшего личного адъютанта гр. Толя, впоследствии ген.-адъютанта В.Ф. фон-дер-Лауница) // Военный сборник. 1874. № 7. С. 5–17.
15. Записки Павла Алексеевича Тучкова // Русская старина, 1881. № 11. С. 455–518.
16. Отрывок из походных записок, 1828 года // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1847. Т. 65. № 262. С. 131–159.
17. Двадцать пять лет лейб-гвардии в егерском полку (Из записок старого егеря) // Военный сборник. 1877. № 2. С. 365–410.
18. Пушкин А. Взгляд на военное состояние турецкой империи // Сын отечества. 1826. № 10. С. 173–191.
19. Император Николай в 1828–1829 гг. (Из записок графа А.Х. Бенкендорфа) // Русская старина. 1896. № 6. С. 471–510.
20. Картины былого Тихого Дона. Краткий очерк истории войска Донского. Т. 2. М.: Граница, 1992. 224 с.
21. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Проза. М.: Правда, 1983. С. 315–355.
22. Лукьянович Н.А. Описание Турецкой войны 1828 и 1829 годов. Ч. 1. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1844. 360 с.
23. Воспоминания И.Л. Варун-Секрета о службе в армии. 1823–1860 // Русская старина. 1879. № 5. С. 159–172.

REFERENCES

1. Maksimov K.N., Ochirov U.B. 2012. *Kalmyki v napoleonovskikh voynakh*. [Kalmyks in the Napoleonic Wars]. Elista, Dzhangar: 51. (In Russian).
2. Venkov A.V. 2013. *Kazaki protiv Napoleona. Ot Dona do Parizha*. [Cossacks against Napoleon. From the Don to Paris]. Moscow, Veche: 368. (In Russian).
3. Yelets Yu.L. 1912. *Voyennaya entsiklopediya*. [Military Encyclopedia]. Vol. 9. Dvina Zapadnaya. St. Petersburg, Sytin Publishing House: 322. (In Russian).

4. Tornau F.F. 2002. *Vospominaniya russkogo ofitsera. [Memoirs of a Russian Officer]*. Moscow, AIRO–XXI: 384. (In Russian).
5. [Notes by Iosif Petrovich Dubetsky]. *Russkaya Starina. [Russian antiquity]*. 1895. 6: 107–141. (In Russian).
6. [From the notes of Ivan Gavrilovich Polivanov]. *Russkiy Arkhiv. [Russian archive]*. 1877. 11: 414–441. (In Russian).
7. [Memories of the actions of the 1st Cavalry-Jäger Division in the Turkish campaign of 1828]. *Voyennyy sbornik. [Military Collection]*. 1858. 4: 333–380. (In Russian).
8. Epanchin N. 1905. *Ocherk pokhoda 1829 g. v Evropeyskuyu Turtsiyu. Ch. 1. Podgotovka k pokhodu. [An Essay on the 1829 Campaign in European Turkey. Part 1. Preparations for the Campaign]*. St. Petersburg, Printing House of the Main Department of Estates: 488. (In Russian).
9. [Notes by A.I. Mikhailovsky-Danilevsky]. *Russkaya Starina. [Russian Antiquity]*. 1893. 7: 195–207. (In Russian).
10. Isdale C.D. 1997. *Napoleonovskiye voyny. [The Napoleonic Wars]*. Rostov-on-Don, Phoenix: 544. (In Russian).
11. [Notes by Alexander Andreyevich Polovtsov]. *Russkaya Starina. [Russian antiquity]*. 1913. 11: 301–317. (In Russian).
12. [Notes by a Russian officer who was captured by the Turks in 1828 and 1829]. *Voyennyy sbornik. [Military Collection]*. 1858. 5: 173–220. (In Russian).
13. *Vospominaniya doktora Zeydlitsa o turetskom pokhode 1829 goda [Memoirs of Dr. Seidlitz about the Turkish Campaign of 1829]*. *Russkiy Arkhiv. [Russian archive]*. 1878. 4: 413–436. (In Russian).
14. [From military campaign notes about the 1829 campaign in Turkey. (Former personal adjutant of the Count. Tolya, later Adjutant General V. F. von der Launitz)]. *Voyennyy sbornik. [Military collection]*. 1874. 7: 5–17. (In Russian).
15. [Notes of Pavel Alekseevich Tuchkov]. *Russkaya starina. [Russian Antiquity]*. 1881. 11: 45–518. (In Russian).
16. *Otryvok iz pokhodnykh zapisok. 1828 goda [Excerpt from field notes, 1828]. Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voyenno-uchebnykh zavedeniy. [Journal for readings to pupils of military educational institutions]*. 1847. 65(262): 131–159. (In Russian).
17. [Twenty-five years of the Life Guards in the Jaeger regiment (From the notes of an old jaeger)]. *Voyennyy sbornik. [Military Collection]*. 1877. 2: 365–410. (In Russian).
18. Pushkin A. *Vzglyad na voyennoye sostoyaniye turetskoy imperii [Look at the Military State of the Turkish Empire]. Syn otechestva. [Son of the Fatherland]*. 1826. 10: 173–191. (In Russian).
19. [Emperor Nicholas in 1828-1829 (From the Notes of Count A. Kh. Benckendorff)]. *Russkaya Starina. [Russian Antiquity]*. 1896. 6: 471–510. (In Russian).
20. *Kartiny bylogo Tikhogo Dona. Kratkiy ocherk istorii voyska Donskogo. [Pictures of the Past of the Quiet Don. A Brief Outline of the History of the Don Cossacks]*. Moscow, Granitsa, 1992. 2: 224. (In Russian).
21. Pushkin A.S. 1983. [A Journey to Arzrum]. *Proza. [Prose]*. Moscow, Pravda: 464. (In Russian).
22. Lukyanovich N.A. 1844. *Opisaniye turetskoy voyny 1828 i 1829 gg. [Description of the Turkish War of 1828 and 1829]*. Part 1. St. Petersburg, Eduard Prats Printing House: 360. (In Russian).
23. [I.L. Varun-Sekret's Memoirs on Military Service. 1823–1860]. *Russkaya Starina. [Russian Antiquity]*. 1879. 5: 159–172. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЕНКОВ Андрей Вадимович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

VENKOV Andrey Vadimovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief researcher, Laboratory of the Cossacks, Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation.

E-mail: andrey_venk@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-4455-2822

© А.В. Венков, 2026

*Дата поступления в редакцию: 07.07.2026.
Дата принятия статьи: 27.07.2026.*

УДК 94(47)

КАЗАКИ НА ТУРЕЦКОМ ФРОНТЕ В 1916 г.

© 2026 г. Г.Г. Матишов

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук
(Ростов-на-Дону, Россия)

© 2026 г. А.В. Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук
(Ростов-на-Дону, Россия)

Аннотация. В статье показано участие казаков России в боевых операциях 1916 г. на турецком фронте. Боевые действия велись в непривычной для большинства казаков местности. Тем не менее бойцы казачьих частей проявили себя прекрасными, хорошо подготовленными воинами. В боях донские казаки участвовали в составе несвойственных им пеших частей. Эти части были созданы из казаков старших возрастов. Много внимания уделено штурму крепости Эрзерум, которая считалась неприступной.

Ключевые слова: казаки, турецкий фронт, пешие батальоны, боеспособность.

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2026 г., № гр. проекта 124012200178-4.

COSSACKS ON THE TURKISH FRONT IN 1916

G.G. Matishov

Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
(Rostov-on-Don, Russia)

A.V. Venkov

Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
(Rostov-on-Don, Russia)

Abstract. The article describes the participation of Russian Cossacks in military operations on the Turkish front in 1916. Most Cossacks fought in unfamiliar terrain, yet the men of the Cossack units proved to be highly capable and well-trained soldiers. The Don Cossacks took part in the fighting as members of non-traditional infantry formations largely composed of older Cossacks. The article focuses on the assault on the fortress of Erzerum, which was considered impregnable.

Keywords: Cossacks, the Turkish Front, foot battalions, and combat readiness.

The publication was prepared as part of the implementation of the State Plan of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences for 2026, project group number 124012200178-4.

В 2026 г. исполняется 110 лет боям на одном из фронтов Первой мировой войны – Кавказском фронте. Здесь в январе 1916 г. командование русской армией провело Эрзерумскую операцию с целью разгрома 3-й турецкой армии и овладения ее

базой снабжения и важным узлом коммуникаций – крепостью Эрзерум, которая считалась неприступной.

Наступление на Эрзерум началось еще в 1915 г. Были запланированы главный удар и несколько вспомогательных. Главный удар на Маслахат, Кеприкей на эрзерумском направлении наносили ударная группа генерала Волошина-Петриченко в составе 24 батальонов, 14 сотен, 68 орудий и 1-й Кавказский армейский корпус. В составе ударной группы действовали 3-я Кавказская казачья дивизия генерала Николаева, Донская пешая казачья бригада генерала Павлова и Сибирская казачья бригада генерала Калитина.

Вспомогательные удары наносились 2-м Туркестанским армейским корпусом на ольтинском направлении и 4-м Кавказским корпусом – на битлисском направлении. Во 2-й Туркестанский армейский корпус входили 3-я Кубанская пластунская бригада, 1-й Кавказский, 3-й Екатеринодарский, 3-й Горско-Моздокский казачьи полки, 14-я и 18-я особые Кубанские сотни.

В составе 4-го Кавказского армейского корпуса сражалась 2-я Кавказская казачья дивизия генерала Абациева. Ее боевые действия поддерживал огнем 2-й Кавказский казачий артиллерийский дивизион в составе 1-й и 5-й Кубанских казачьих батарей [1, с. 100].

Наступление на эрзерумском направлении началось 29–30 декабря 1915 г.

В Российском государственном военно-историческом архиве содержится развернутое донесение об этом наступлении командира 2-го Донского пешего батальона¹:

«28 декабря был объявлен поход на гору Коджут, откуда батальон должен был перейти в наступление. Вся Донская пешая бригада вошла в состав отряда, начальником которого был назначен начальник Донской бригады Генерал-Майор Волошин-Петреченко. В состав отряда входила Донская бригада 4-х батальонного состава, 264-й Георгиевский полк, 18-й Туркестанский, сотня 3-го Кавказского, 10 горных орудий и 2 гаубицы. Батальон выступил в поход в составе 5 сотен, конно-разведческой команды и нестрелецкой команды – всего строевых 904 штыка и 73 шашки.

Задача отряда: 30 декабря перейти в наступление и овладеть горою Кузучан, а затем энергично наступать в направлении селения Шарбаган, чтобы движением уступом вперед облегчить наступление колонны Генерала Воробьева, действующей левее.

Вся колонна Генерала Волошина-Петреченко подразделилась на три боевых участка. Второй батальон вошел в состав среднего боевого участка, начальником которого был назначен командир 2-го Донского батальона Полковник Полухин. Кроме 2-го батальона в составе среднего боевого участка были: 2 батальона Георгиевского полка с 8-ю пулеметами; два орудия 2-й батареи 9-го Сибирского дивизиона и два орудия 5-й горной батареи 39-й артиллерийской бригады.

Задача среднего боевого участка: выступить 30-го декабря с горы Коджут, захватить гору Александра-Невского, атаковать с востока гору Кузучан и закрепив их за собою продолжать наступление на д. Шарбаган...

30 декабря батальон в 3 часа ночи пришел на гору Каджут, вслед за ним подошли и другие части.

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранены.

Гора Александра-Невского была одним из главных оплотов первой оборонительной Турецкой линии; хорошо укрепленная, с двумя рядами окопов, снабженных бойницами, окруженная проволочными заграждениями, гора эта требовала значительных усилий для того, чтобы можно было ее взять.

Со взятием этой горы турки в силу необходимости должны были отступить по все линии отряда Генерала Волошина-Петреченко. 30 декабря в 4 часа 30 минут 2-й и 1-й Донские батальоны двинулись в боевом порядке к горе. Согласно приказа в наступление должен был идти батальон Георгиевцев, а 1-й Донской батальон должен был оставаться в резерве, по причине большого числа обмороженных и переизбавших солдат (более половины) этот батальон остался в резерве. Погода стояла крайне неблагоприятная: густой туман, сильный снег с ветром забивавший глаза, глубоко выпавший до 2-х аршин, все это чрезвычайно стесняло и задерживало движение, тем более, что батальон и другие части пришли сюда ночью и не видели местности при дневном освещении, а последнее обстоятельство играет в условиях кавказской войны, можно сказать самую важную роль, гораздо большую чем при условиях войны на равнине; да и знакомые с этой местностью проводники солдаты 18-го Туркестанского полка, раньше стоявшего здесь, и знакомые с местностью в такую ночь сбивались с пути и вели батальон не по тому направлению, по которому нужно было идти. К семи часам батальон выдвинулся на плато перед горою, турки заметили и открыли сильнейший огонь, но вследствие дальнего расстояния (около 1500) и сильного холода, от которого коченели руки, огонь их был пока малодейственным. Казаки без выстрела, ободряемые офицерами, утопая в снегу, медленно продвигались вперед. Наконец, подошли на расстояние ближнего огня. Дальнейшее движение без выстрела не было возможным. Цепи залегли и открыли огонь, заставив турок спрятаться в окопы. Цепи начали перебежки взводами и отделениями, но в эти моменты турки, хотя и обстреливаемые залегшими стрелками, наносили значительный урон, благодаря бойцам в окопах, почти незаметным для глаза наших стрелков. Два горных орудия, установившихся на позиции, не могли оказать своим огнем какой-либо поддержки вследствие сильного тумана и снега и почти не стреляли. В таком же положении находилась и турецкая артиллерия. Изредка залетающие снаряды ее большею частью зарывались в снег и не разрывались. Наибольший вред нам наносил ружейный и пулеметный огонь, но, несмотря на все эти условия, казаки медленно и неуклонно продвигались вперед; они помнили приказ Начальника бригады и в данном случае начальника колонны, взять гору во что бы то ни стало. Каждый человек от командира батальона до последнего рядового казака помнил свой долг – исполнить возложенную на него задачу и не посрамить славное Донское казачество. К 17 часам цепи подошли к самым проволочным заграждениям и с криком “Ура” бросились вперед, быстро перерезали проволоку и ворвались в окопы. Первою вскочила 3-я сотня во главе со своим командиром Прапорщиком Плаховым.

С падением горы Александра-Невского, этого главного оплота передней оборонительной линии, турки начали отступать по всей линии отряда и сравнительный успех правого боевого участка с падением этой высоты не имел значения.

Начальник колонны Генерал-Майор Волошин-Петреченко в своем описании боевых действий колонны с 29-го декабря 1915 года по 6-е января 1916 года так выражается о Донцах: “В этот славный день особенно Донцы показали себя героями;

ни глубокий снег, ни буран, ослеплявший глаза, ни жестокий мороз от которого сильно страдали другие части, не остановили их стремительного натиска. Бой 30-го декабря особенно знаменателен для пеших Донцов еще и потому, что они в этот день ясно доказали, что могут бить врага не только в конном, но и в пешем строю наравне с хорошей пехотой. Благодаря такой победе неуспех правого фланга Полковника Виберга не мог оказать серьезного значения на общий ход дела в особой колонне, ибо турки с потерей горы Александра-Невского принуждены были сдать по всему фронту позицию, которую атаковала особая колонна».

Наши потери:

убито: офицеров – 1, нижних чинов – 51; ранено: офицеров – 2, нижних чинов – 81; контужено офицеров – 0, нижних чинов – 2; пропало без вести: офицеров – 0, нижних чинов – 2» [2].

Приведем этот достаточно объемный документ, поскольку он написан профессионалом и выявляет все детали боя.

«3-й и 4-й Донские батальоны наступали левее, юго-восточнее горы Александра-Невского, где по хребту были расположены два кольцевых окопа. Атака началась в 5:30 утра 30 декабря.

Двигаться приходилось по глубокому снегу; мертвых пространств, где батальон должен был двигаться, почти не было. С позиции противника по наступающему батальону обстрел был в высшей степени хороший, почему движение без потерь было невозможно.

В 6½ часов утра завязалась сильная ружейная перестрелка, а через час артиллерия открыла огонь. Батальон наступал прямо в лоб кольцевым окопам на горе Александра-Невского. Противник развил сильный ружейный и пулеметный огонь, но несмотря на целый ряд препятствий в движении и упорное сопротивление турок, кольцевые окопы и гора Александра-Невского в 11 час. 30 мин. были заняты, и казаки 3-го Донского батальона захватили на последней в плен 25 аскеров» [2].

«В этот день казаки сумели доказать, что они могут бить противника и в пешем строю, наравне с хорошей пехотой», – записал командир 3-го Донского пешего батальона [2].

1 января колонна генерала Волошина-Петриченко, захватив командные высоты, развивала наступление на перевал Караглы.

Снова обратимся к донесению командира 2-го Донского пешего батальона: «1-го января батальон двинулся дальше по хребту по направлению к горе Кузучан и, взяв ряд окопов и пленными одного офицера и 16 нижних чинов с винтовками и около 15 тысяч патрон, [казаки] остановились на ночлег, так как дальнейшее движение вперед по причине глубокого снега, тумана и трудности поддерживать связь с соседними частями, было невозможно. Турки, пользуясь этим и хорошо зная все тропинки, поспешно отошли и благодаря только крайне неблагоприятной для нас погоды, не были захвачены целиком, – докладывал командир 2-го Донского пешего батальона. – 2-го января подошли к горе Кузучан. Последняя представляла из себя сильно укрепленный форт с тремя рядами окопов. В этот день погода была более благоприятная и, хотя был сильный холодный ветер, но тумана и снега не было. Началась артиллерийская подготовка, наши четыре горных орудия открыли огонь по окопам, но турецкая батарея нащупала их и заставила замолчать. В это время открыли как раз сильный огонь две гаубицы

и заставили замолчать турецкую батарею. Под прикрытием артиллерийского огня батальоны рассыпались в цепь и пошли в наступление.

2-й батальон атаковал гору с восточной стороны, отличавшейся обвислым подъемом, левее [атаковали] 3-й и 4-й Донские батальоны, правее Георгиевский полк. К 19-ти часам цепи подошли к самому подножию горы и, пользуясь темнотою, с неимоверными усилиями начали подниматься к турецким окопам. Турки, подбодряемые, как говорили пленные, сзади своими же пулеметами при попытке отступить, оказывали отчаянное сопротивление, но всё-таки к утру гора была взята с частью гарнизона и комендантом во главе.

Наши потери:

убито: офицеров – 0, нижних чинов – 14; ранено: офицеров – 1, нижних чинов – 33; контужено офицеров – 0, нижних чинов – 0; пропало без вести: офицеров – 0, нижних чинов – 0» [2].

За бой на горе Кузучан прапорщик Всеволод Голубинцев 4-го Донского батальона был награжден орденом Св. Георгия IV степени «за то, что 2 января 1916 г. при взятии форта Кузучан, под сильным действительным ружейным и пулеметным огнем неприятеля, обошел левый фланг укрепления и, зайдя в тыл с тремя взводами, решительно атаковал форт, ворвался в него, занял его, взяв в плен 2 штаб-офицера, 14 офицеров и 97 аскеров, и много патронов и снарядов, чем способствовал успеху в дальнейших действиях отряда», а есаул Алексей Авилов был награжден Георгиевским оружием «за то, что в бою 1 января 1916 г. при атаке укреплений противника во главе сотни, первым ворвался в окопы неприятеля на горе Кузу-Чан, овладел ими, чем способствовал отдельному Донскому казачьему батальону выполнению поставленной задачи».

3 января 2-й батальон был оставлен на горе Кузучан в качестве гарнизона, а преследовать отступавшего противника были назначены батальоны Георгиевского полка. От 2-го Донского казачьего батальона был выслан вперед для преследования противника разъезд конных разведчиков под командой прапорщика Тулаева; разъезд вошел в тесное соприкосновение с противником и, заметив шедшую сзади полуроту, бросился в атаку и, изрубив несколько человек, захватил в плен 72 аскера и 4 офицеров [2].

В наметившийся прорыв по распоряжению штаба Кавказской армии в ночь на 3-е января 1916 г. была направлена Сибирская казачья бригада с особой задачей – взорвать мосты на реке Араке у с. Кеприкей с целью разобщения турецких войск, действовавших по обеим сторонам реки, а войскам противника, действовавшим к югу от реки, отрезать кратчайшие пути на Эрзерум. Однако Сибирские казаки в условиях начавшейся метели заблудились и, не дойдя совсем немного до цели, возвратились.

Несмотря на то, что наступление проходило при 30-градусном морозе и глубоких снежных заносах, в условиях горной местности, часть сил ударной группы 1-го Кавказского армейского корпуса, прорвав турецкую оборону, вышла в тыл противника северо-восточнее Кеприкея. 5 января Сибирская казачья бригада с 3-м Черноморским казачьим полком вела разведку в направлении горы Хасан-Кала, а 6 января 1916 г. Сибирские и Кубанские казаки атаковали турецкий арьергард у Хасан-Калы и, преследуя турецкие части, в течение дня вышли к хребтам Девебойну, на которых были сооружены форты Эрзерумской крепости. Во время преследования отступающего противника казаки захватили более 1,5 тыс. пленных из 14 различных полков и 8 турецких дивизий.

В то же время на вспомогательном битлисском направлении 11 января три сотни и один взвод 1-й сотни 1-го Лабинского полка Кубанского казачьего войска под командованием подъесаула Бабиева перешли через замерзший Евфрат у с. Кеприкей и атаковали турецкую пехоту в окопах. Ближайшая рота была изрублена, а батальон турок, во главе с командиром, положил оружие. Убито было два казака и несколько ранено. Подъесаул Бабиев за этот подвиг был награжден орденом Св. Георгия IV степени.

И сразу же 13 января две сотни 1-го Лабинского полка под командою есаула Лубенцова атаковали турецкую кавалерию. Многих порубили, в том числе и командира турецкой бригады.

Главные события в это время развивались на эрзерумском направлении. *«Условия стоянки на позиции были крайне тяжелые; трудность доставки продуктов, отсутствие всего необходимого, четырехаршинный снег, все это тяжело отзывалось на людях, – докладывал командир 2-го Донского пешего батальона. – Люди жили в снегу, вырывая в нем глубокие ямы, накрывая палатками, и таким образом спасались от пронизывающего до мозга костей ветра и мороза. Благодаря распорядительности есаула Попова (начальника хозяйственной части) и приданным верблюжьим транспортам, люди не голодали. Правда, отсутствие горячей пищи тяжело отзывалось на казаках, но все до одного человека свято помнили свой долг и терпеливо переносили все невзгоды суровой зимы»* [2].

Турки, теснимые по всему фронту, ушли под защиту эрзерумских укреплений. *«Сама природа укрепила защиту Эрзерума: между долинами рек Карасу-нахри и Бури-Дар к востоку от Эрзерума, как стена с севера на юг протянулся высокий хребет гор, на южном направлении переходящий в скалистые горы и с востока имеющий перед собою высокое Кара-Базарское плато. Хребет был укреплен в два и три ряда фортами, защищавшими друг друга и все вместе – подступы к Эрзеруму. Между фортами были устроены временные полевые укрепления и проволочные заграждения. Для взятия Эрзерума нужно было захватить две сотни фортков, для чего понадобились бы тысячи полевых и сотни тяжелых орудий и несколько сот тысяч живой силы; не обошлось бы и без крупных потерь с потерей большого времени. Но была и слабая сторона противника на левом его фланге, где были форты Кара-Гюбек и Тафта, со взятием которых открывался проход в долину р. Карасу-нахри. Но для этого нужно было пройти Кара-Базарский перевал, который в такую снежную зиму, заваленный снегом в несколько саженей в сильнейшие морозы с ветром, доходившим до урагана, представлял неодолимое препятствие»,* – такое описание крепости Эрзерум дал командир 2-го Донского пешего батальона [2].

Тщательной разведкой было установлено, что противник силою не менее четырех батальонов занимал трудно преодолимый по природе хребет Карга-Базар, который являлся оплотом позиции, защищавшей самый город Эрзерум с северо-западной стороны и форты Кара-Гюбек и Тафта. Хребет был укреплен хорошими окопами с бойницами. *«Местность, где предстояло действовать, крайне пересеченная и изрезанная глубокими оврагами. Снег на хребте достигал до 5 аршин. Населенных пунктов включительно до форта Тафта нет. Полное отсутствие дорог»,* – отметил командир 3-го Донского пешего батальона [2].

28-го января был объявлен поход на Карга-Базар, чтобы взять левофланговые форты, защищавшие Эрзерум, затем зайти во фланг и в тыл противника и этим

заставить его бросить Эрзерум. Донская бригада, выступив 28-го из Кара-Кала, сменила пехотные полки и вступила в борьбу с природой и стихиями. Три дня шла бригада каких-нибудь 20 верст без пушек и пулеметов (в 3-м Донском батальоне казаки тащили пулеметы на себе), и только 30-го января казаки вышли против фортов Кара-Гюбек и Тафта и заняли позицию между 13-м Кавказским и 17-м Туркестанским полками. Форты эти были взяты один за другим Донскою бригадой совместно с названными полками: 1-го февраля Кара-Гюбек и 2-го – Тафта.

В штурме форта Тафта принял участие 4-й Донской пеший батальон. *«1 февраля с 12 часов батальон, присоединившись к колонне полковника Виберга, перешел в наступление на форт “Тафта”; благодаря сплошному туману цепи имели возможность подойти к самому форту без потерь, и в 20½ часов форт был взят»*, – рапортовал командир 4-го Донского батальона [2].

Появились первые пленные. В ночь на 2 февраля выдвинутый в качестве авангарда в д. Хинчик (Гинс), 4-й Донской пеший батальон обошел отступавшую и остановившуюся на ночлег колонну турок в составе одного полка, которая после упорного четырехчасового боя была взята в плен. Сохранилось описание этого боя.

1 февраля 1916 г. после взятия форта Тафта 4-му Донскому пешему батальону приказано было в качестве авангарда отряда полковника Виберга продвигаться вперед по направлению на г. Эрзерум в д. Хинчик и занять впереди него сторожевое охранение. Не доходя четырех верст до д. Хинчик, походная застава батальона подверглась обстрелу турок.

Вследствие темноты и густого тумана застава подошла к турецкой заставе на 100–150 шагов, когда была обнаружена. Выслав в цепь одну сотню, батальон повел наступление на звук выстрелов. В это время слева и сзади замечены были костры. Предполагая, что это русские части, цепи уверенно шли вперед и через полчаса сбили турок, которые обратились в бегство. Но в это время разведчики доложили, что сзади и левее двигаются две колонны турок. Оставив против Хинчик заслон, батальон построил боевой порядок почти в обратную сторону. Когда цепи подошли на близкое расстояние к колоннам и стал рассеиваться туман, выяснилось, что одна колонна – конница, а другая – пехота. Конница бросилась в атаку на наши цепи, но, встреченная сильным ружейным огнем, повернула влево и ушла за д. Хинчик. Цепи казаков стали окружать колонну турецкой пехоты, которая в это время построила боевой порядок, и находившийся в 1–1½ верстах монастырь. Цепь турок, примкнув штыки, бросилась вперед, чтобы пробиться, но, встретив сильный огонь и видя себя окруженной, сдалась. Из опроса пленных выяснилось, что в монастыре находится полк пехоты почти в полном составе. При приближении цепей к монастырю турки открыли из него сильный ружейный огонь по цепям, но благодаря туману потерь почти не было, и цепи все ближе и теснее охватывали монастырь, и после часовой перестрелки турки совершенно прекратили огонь и просили выслать офицеров для переговоров. Турки, видя себя окруженными и не зная наших сил, сдались. Обезоруженные, они под конвоем были отправлены и сданы командиру 18-го Туркестанского полка полковнику Вибергу. Взяты в плен 1 штаб-офицер – командир полка, 37 обер-офицеров, 2 врача, 1437 нижних чинов, столько же винтовок со штыками, 30 лошадей и мулов, ручные гранаты, стреляные орудийные гильзы и 82 ящика ружейных патронов [2].

Турки, боявшиеся обхода левого фланга всей их армии и ее пленения, поспешно бросили Эрзерум и все его форты и бежали на запад, оставив победоносной

русской армии город почти не разрушенным (было зажжено несколько зданий и торговых помещений в самом Эрзеруме), и все орудия, снаряды и патроны. Эрзерум, бравшийся несколько раз и всегда неудачно, со значительными потерями, теперь достался почти без потерь благодаря обходному движению. *«Донцы смело могут гордиться тем, что они сыграли самую существенную роль в этом падении крепости, считавшейся неприступной»*, – с гордостью записал командир 2-го Донского батальона [2].

Потери донских казаков в этой операции были минимальны. Убито: офицеров – 1, нижних чинов – 3; ранено: офицеров – 0, нижних чинов – 17; контужено офицеров – 0, нижних чинов – 0.

3 февраля ударами с севера, востока и юга Кавказская армия штурмом овладела оставляемой крепостью Эрзерум, захватив 13 тыс. пленных и 307 орудий. После овладения Эрзерумом русские войска два дня преследовали остатки 3-й турецкой армии в направлении г. Эрзинджана, отбросив турецкие войска на 70–100 км. Во время штурма Эрзерума казаки Кизляро-Гребенского полка конной атакой на Деве-Бойну взяли 6 орудий. Первым ворвался в Эрзерум есаул Медведев с конвойной сотней штаба 1-го Кавказского корпуса. Казаки преследовали противника еще пять дней, до 9 февраля.

Падение Эрзерума поколебало весь турецкий фронт. На битлисском направлении 3 февраля 1916 г. лабинцы под командованием полковника Носкова заняли г. Муш.

4 февраля у Илиджи головная сотня 1-го Сибирского казачьего полка Сибирской казачьей бригады под командой есаула Волкова конной атакой захватила остатки 34-й турецкой дивизии со штабом и 20 орудиями.

Сибирские казаки отличились не менее донских и кубанских. 1-й Сибирский казачий полк под Эрзерумом конной атакой взял 9 полевых и 2 горных орудия.

В тот же день 3-й Донской батальон у деревни Кара-арз вступил в рукопашный бой с турецкой пехотой: *«...Несмотря на сильный артиллерийский и ружейный огонь противника 3 сотни батальона, воодушевляемые личной храбростью сотенных командиров и младших офицеров, быстро двигались на наступающие цепи противника и, подойдя на близкое расстояние, с криком “Ура” сотни бросились в атаку, накладывая груды тел противника, работая штыками...*

Противник, не выдержавший штыкового удара, быстро отступил, оставив на месте боя много убитых и раненых. Батальон преследования продолжать не мог, вследствие сильного переутомления» [2]. Казаков убито – 2, ранено – 21. Захвачено в плен 2 турецких офицера и 70 аскеров.

17 февраля 4-й Кавказский корпус взял Битлис. Отличилась 2-я Кавказская казачья дивизия. 18 февраля 3-я сотня 1-го Лабинского казачьего полка под командованием есаула Бабиева атаковала турецкий батальон при выходе его из Битлиса. Было зарублено большое количество аскеров и захвачено немало пленных.

Бои велись в тяжелейших условиях: *«21 февраля. Лошади от бескормицы отказываются работать. Конь урядника... брошен, т.к. не может идти от бессилия»*, – офицер 1-го Лабинского полка [3, с. 432].

29 февраля на ольтинском направлении у Килисса-Куми 1-й Екатеринодарский полк конной атакой взял 200 пленных и 2 орудия. 3-й Екатеринодарский полк под селением Имеджи (Иванкино) конной атакой взял два турецких орудия. 1-я сотня 1-го Кавказского полка под командой есаула Алферьева у Туала конной атакой тоже взяла два турецких орудия.

5 марта та же сотня того же полка под командой есаула Алферьева, у с. Бордак (Кувшин) атаковала «справа по одному» турецкую пехоту, занимавшую вершину горы Губан-Дага, эту атаку поддержали две сотни – есаула Пучкова и подъесаула Елисеева. Было захвачено в плен около 1000 турок и два горных орудия на выюках, отступавших в колонне.

Действия русских войск на ван-азербайджанском направлении в период Эрзерумской операции носили вспомогательный характер. Отряд генерала Чернозубова в составе 53 сотен, 13 дружин, 38 орудий имел против себя до 8-ми турецких батальонов и несколько отрядов курдов [1, с. 101].

18 января 1916 г. отряд генерала Чернозубова, прочно удерживая Урмийский район, перешел в наступление на Алхат и Тадван. В конном отряде генерала Чернозубова действовали 4-я Кавказская казачья дивизия в составе 1-го Полтавского, 1-го Сунженско-Владикавказского, 3-го Таманского, 3-го Кубанского казачьих полков и 3-го Кавказского отдельного горного артиллерийского дивизиона, там же была 2-я Забайкальская казачья бригада (2-й Читинский, 2-й Нерчинский казачьи полки и 4-я Забайкальская казачья батарея) и 3-я Забайкальская казачья бригада в составе 3-го Верхнеудинского и 2-го Аргунского казачьих полков и 2-й Забайкальской казачьей батареи. Были в отряде Чернозубова и пластуны: 4-я Кубанская пластунская бригада в составе 19-го и 20-го Кубанских, 1-го и 2-го Терских пластунских батальонов и 26-й особой Кубанской сотни.

К 22 января 1916 г. казачий конный отряд генерала Чернозубова, примкнув к левому флангу 4-го Кавказского армейского корпуса, перерезал пути подхода вражеских резервов в Эрзерум из Мессопотамии.

Весна на Кавказском фронте принесла новые проблемы: *«С конца февраля и в начале марта, внизу по ущельям начал таять снег, погода была ясная, солнечная, и люди почувствовали себя бодрее. Но на высотах, занимавшихся войсками, оттепель и дожди днем сменялись сильными морозами ночью, промокшие люди должны были день и ночь находиться на снегу, так как землянок не было. Резкие перемены температуры дурно отзывались на людях, и начало появляться много больных»* [2].

Завершая Эрзерумскую операцию, командование Кавказской армией решило комбинированным ударом с суши и моря овладеть Трапезундом, чтобы создать там базу русских войск. Под прикрытием Батумского отряда военных кораблей с рубежа р. Архаве перешел в наступление на Трапезунд Приморский отряд генерала В.А. Ляхова численностью около 15 тыс. чел. с 38 орудиями. Конец февраля 1916 г. Приморский отряд (1, 15 и 17-й батальоны) заняли г. Ризе.

В конце февраля 1916 г. с Западного фронта в Новороссийск были передислоцированы 1-я и 2-я Кубанские пластунские бригады. На 22 транспортных судах они были доставлены к турецкому берегу в районе Ризе и Хамургяна и там 25–26 марта под прикрытием русских военных кораблей произвели высадку. Высадка 2-й Кубанской пластунской бригады 25 марта произошла у Сюрмене.

Приморский отряд получил пополнение в 18 тыс. чел. личного состава, 12 орудий, 3000 лошадей, 480 голов скота на питание личного состава отряда и свыше 330 т различного груза, в том числе боеприпасы и вооружение [1, с. 121].

1 апреля началось наступление на Трапезунд. Для примера можно рассмотреть действия 11-го Кубанского пластунского батальона.

В половине девятого утра 1 апреля начальник 2-й Кубанской пластунской бригады приказал, пользуясь туманом, перейти через реку Кара-Дере. В 9 часов утра батальон повел наступление, имея в боевой линии две сотни: 1-ю сотню – на правом фланге, и 2-ю – на левом, остальные в резерве. Минут через 10–15 после перехода батальона в наступление туман стал быстро исчезать со склонов гор, обнаруживая на них турецкие окопы. Когда казачьи передовые цепи спустились к берегу реки, турками был открыт ураганный пулеметный и ружейный огонь. После этого 1-я сотня стала спускаться вплотную к р. Кара-Дере, спеша спрятаться за кустами густого орешника. 2-я сотня двинулась влево, перебегая к оврагу и принимая исходное боевое положение для дальнейшей атаки на лежащую впереди местность с укрепленными в пять ярусов окопами турок на противоположном берегу р. Кара-Дере. Несмотря на губительный огонь турецких цепей и пулеметов, казачьи сотни, воодушевляемые примером своих офицеров, стали переходить вброд через реку небольшими группами по 4–6 чел. и накапливаться на левом берегу. За 11-м батальоном в резерве шел 12-й батальон, который также обстреливался огнем турок. После перехода реки сотням батальона пришлось карабкаться по крутым, почти отвесным склонам лежащей впереди местности, опоясанной в пять рядов кольцеобразно расположенными в кустах орешника окопами противника. К 11 часам дня сотнями 11-го Кубанского батальона была занята первая линия окопов, и приблизительно через час они заняли вторую линию окопов. Ввиду выгодного положения противника, занимавшего позиции на вершине хребта, не удалось захватить ни пленных, ни военной добычи, так как противник, не задерживаясь в одной линии окопов, переходил в другую.

После занятия казачьими сотнями второй линии окопов противника нашими солдатами были разведены костры, чтобы указать соседям свое месторасположение. В 12 часов дня продолжавшуюся атаку турецких позиций начала поддерживать судовая артиллерия с моря, после чего неприятель спешно бросил занимаемые окопы и бежал. К 7 часам вечера 11-й Кубанский батальон достиг линии, намеченной ему на схеме на второе апреля, установил связь с 10-м Кубанским пластуном батальоном (находящимся справа) и с Туркестанским полком (находящимся слева).

Таким образом, батальон двухдневную задачу выполнил в один день, продвинувшись вперед сверх задачи на пять верст, и занял правый берег реки Янук-Дарасит. Против 11-го Кубанского батальона действовал 28-й турецкий полк.

В течение дня 1 апреля батальон потерял офицеров: одного убитым, троих ранеными; пластунов: 17 убитыми, 113 ранеными. В час ночи на 2 апреля 1916 г. батальону было приказано, пользуясь темнотой, подойти к р. Янук-Дараси, выслать партию разведчиков, а сотням батальона занять исходное положение для атаки расположенных на левом берегу этой же реки турецких окопов. На рассвете батальон выслал партию разведчиков на противоположную сторону р. Янук-Дараси, а в 5 часов утра 11-й Кубанский пластунский батальон, переправившись через реку, повел наступление на успевших за ночь окопаться турок, причем 1-я сотня, переправившись раньше других через реку, зашла во фланг и своим натиском заставила противника убрать с ее участка пулемет, который мешал своим огнем переправиться через реку остальным сотням 11-го батальона. После перехода всего батальона через реку турки не выдержали натиска и бежали, преследуемые до самого вечера нашим батальоном [4, с. 350–351].

3 апреля 1916 г. 11-й Кубанский батальон двинулся снова в наступление, преодолевая крутые, почти отвесные скалы и бездорожье. Сопротивление турок было слабым. В 12 часов дня 5 апреля из штаба бригады была получена телефонограмма, в которой сообщалось о добровольной сдаче г. Трапезунда [3, с. 351].

Наступление на Трапезунд было поддержано со стороны Эрзерума Донской пешей бригадой. 1 апреля в 14 часов 4-й Донской пеший батальон сосредоточился на шоссе против д. Барнакабан для наступления на перевал Куп-даги и в 23 часа перешел в наступление. Благодаря темной ночи и сильно пересеченной местности сторожевая линия турок была пройдена батальоном незаметно. На рассвете казаки подошли к главным позициям перед перевалом Куп-даги. После сильного ружейного и пулеметного огня с близкой дистанции, при содействии нашей артиллерии, турки были сбиты и стали отступать; отойдя на вторую позицию, противник остановился. Вследствие 24-часового непрерывного движения с боем по сильно пересеченной местности в грязи, батальон дальнейшее движение совершать не мог, т.к. люди буквально падали от усталости. 3 апреля с 4 часов батальон снова перешел в наступление и, подойдя на 600 шагов, остановился, так как местность, по которой предстояло двигаться, сильно обстреливалась ружейным и пулеметным огнем как с фронта, так и с фланга. Позиция турок от цепи батальона была отделена глубоким ущельем, пройти которое днем под убийственным огнем пулеметов не было возможности. 4 апреля в 3 часа батальон, воспользовавшись темнотой, перешел ущелье, отделявшее позиции турок от наступающих, и бросился в атаку; после штыкового боя турки бросили окопы и стали быстро отходить по ущельям на Байбурт. Таким образом, в 9 часов перевал Куп-даги был взят, причем захвачено в плен 5 офицеров, 103 нижних чина, 133 винтовки, 40 ящиков трех линейных ружейных патронов и др. [2].

2 апреля 1916 г. Приморский отряд форсировал с боем р. Кара-Дере, овладел хорошо укрепленными турецкими позициями в 50 км от Трапезунда и 5 апреля, преследуя турецкие части, овладел Трапезундом без боя.

Материалы представленного документа позволяют заключить, что донские и кубанские пешие части, преодолевая казавшиеся непроходимыми природные препятствия, штурмуя турецкие укрепления, внесли весомый вклад в победоносную кампанию 1916 г. на Кавказском фронте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Воскобойников Г.Л.* Казачество в Первой мировой войне. 1914–1918 гг. М.: Изд-во Рос. киноvideокомпании, 1994. 174 с.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2007. Оп. 1. Д. 54.
3. *Стрелянов П.Н.* 1-й Лабинский генерала Засса полк Кубанского казачьего войска в Великую войну 1914–1918 гг. // Кубанский сборник. 2006. № 1(22). Краснодар: Книга, 2006. С. 422–436.
4. *Галич А.М.* К 100-летию Первой мировой войны. Материалы к истории 11-го Кубанского пластуна батальона с 10.08.14 по 01.01.1917 г. по документам Государственного архива Краснодарского края // Кубанский сборник. Т. V(26). Краснодар, 2014. С. 341–382.

REFERENCES

1. Voskoboynikov G.L. 1994. Kazachestvo v Pervoj mirovoj vojne. 1914–1918 gg. [*The Cossacks in the First World War. 1914–1918*]. Moscow, Russian Kinovideo Company: 174 p.
2. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA)*. [Russian State Military History Archive (RSMHA)]. F. 2007. Invent. 1. C. 54.
3. Strelyanov P.N. 2006. The 1st Labinsky Regiment of General Zass of the Kuban Cossack Host during the Great War of 1914–1918. In: *Kubanskij sbornik*. [Kuban Collection]. 1(22). Krasnodar, Kniga: 422–436.
4. Galich A.M. 2014. [On the 100th anniversary of World War I. Materials to the history of the 11th Kuban Plastun Battalion from 10.08.14 to 01.01.1917 according to the documents of the State Archive of the Krasnodar Territory]. In: *Kubanskij sbornik*. [Kuban Collection]. V(26). Krasnodar, Kniga: 341–382.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МАТИШОВ Геннадий Григорьевич – академик РАН, заместитель Президента РАН, научный руководитель ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

MATISHOV Gennady Grigoryevich – Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Federal Research Centre South Scientific Centre of the Russian Academy of Science, Rostov-on-Don, Russian Federation.

E-mail: matishov_ssc@ras.ru
ORCID ID 0000-0003-4430-5220

ВЕНКОВ Андрей Вадимович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

VENKOV Andrey Vadimovich – Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Laboratory of the Cossacks, Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation.

E-mail: andrey_venk@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-4455-2822

© Г.Г. Матишов, 2026
© А.В. Венков, 2026

*Дата поступления в редакцию: 16.06.2026.
Дата принятия статьи: 30.07.2026.*

УДК 94(470.6)"1920"

БУДЕННЫЙ КАК ТЕОРЕТИК ПОЛИТИКИ ПОКАЗАЧИВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

© 2026 г. А.П. Скорик

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
им. М.И. Платова (Новочеркасск Россия)

Аннотация. Статья посвящена комплексу представлений инспектора кавалерии РККА С.М. Буденного о политике большевиков в отношении казачества. На материале двух детально изученных эго-документов раскрываются особенности и последствия реализации конфронтационной модели политики, восходящей к установке В.И. Ленина на расказачивание, а также обосновывается трансформация «старого монархического казачества» в «красное советское казачество». Кроме того, проанализированы социально-групповые настроения и практические реакции казачества и иногороднего крестьянства на политический курс большевиков.

Подчеркивается значимость сохранения военно-мобилизационной социальной функции казачества в условиях укрепления советской власти и разворота новой политики «лицом к казачеству». По мнению С.М. Буденного, формирование «красной милиционной армии» возможно лишь при объявлении всего населения Северного Кавказа (за исключением горских народов) «красными казаками» и преобразовании бывших казачьих областей Юга России в «области красного казачества» СССР. Понятие «показачивание», в его трактовке, объединяет три аспекта: административно-территориальный (создание «областей красного казачества»), социально-классовый (определение места казачества в двухклассовой структуре советского общества) и военно-организационный (формирование «красной милиционной армии»).

Концептуальный дискурс С.М. Буденного отражает умеренную позицию в рядах большевистской партии по казачьему вопросу в первое десятилетие советской власти. Исходной установкой данного подхода выступали сохранение военно-организационного потенциала казачества, учет исторических особенностей его формирования на Юге России, обеспечение перехода казачества на сторону советской власти и наращивание военно-мобилизационных возможностей за счет функционирования «областей красного казачества» в составе СССР.

Ключевые слова: большевики, военный потенциал казачества, иногородние, казаки, крестьянство, показачивание, рабочий класс, расказачивание, Северный Кавказ, советская власть, социальная рознь, территориальные кавалерийские подразделения Красной армии.

Публикация подготовлена в рамках реализации плана научных мероприятий Платов-центра Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М.И. Платова на 2026 г.

BUDYONNY AS THEORIST OF THE "COSSACKIZATION" POLICY IN THE NORTH CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE 1920s

A.P. Skorik

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI) (Novocherkassk, Russia)

Abstract. The article presents a set of ideas held by S. M. Budyonny, an inspector of Red Army cavalry, regarding the Bolshevik party's policy toward the Cossacks. Two thoroughly studied personal documents of the chief "Red Cossack" explain the features and consequences of the confrontational policy model advocated by V. I. Lenin (the de-Cossackization of the Cossacks) and justify the need to "transform the

former monarchist Cossacks into our Red Soviet Cossacks." Both models are described in detail on the basis of these documents and reveal the socio-group emotions and practical reactions of Cossacks and non-Cossack peasants to the Bolsheviks' political course. The article emphasizes the importance of preserving the military-mobilization function of the Cossacks in the context of strengthening Soviet power, alongside the implementation of a new policy toward the Cossacks. According to S. M. Budyonny, the formation of a "Red Militia Army" would be possible only after declaring the entire population of the North Caucasus (with the exception of the mountain peoples) to be "Red Cossacks" and transforming the former Cossack southern regions of the Russian Empire into "regions of the Red Cossacks" of the Soviet Union. For Budyonny, the concept of pokazachivaniye combines three dimensions: administrative-territorial (the creation of "regions of the Red Cossacks"), socio-class (defining the place of the Cossacks within the Soviet class structure), and military-organizational (the formation of the "Red Militia Army"). S. M. Budyonny's conceptual discourse reflects a relatively moderate stance within the Bolshevik leadership in the first decade of Soviet power. Its aims were to preserve the Cossacks' military-organizational potential, to take into account the historical specifics of this social group in southern Russia, to secure the Cossacks' allegiance to Soviet power, and to enhance their mobilization capabilities through the operation of "Red Cossack regions."

Keywords: Bolsheviks, military potential of the Cossacks, non-Cossacks, Cossacks, peasantry, pokazachivaniye (Cossackization), working class, de-Cossackization, North Caucasus, Soviet power, social strife, territorial cavalry units of the Red Army.

Когда в теоретико-методологическом плане рассматривается понятие «расказачивание», то, на наш взгляд, необходимо одновременно учитывать вторую, парную для этого случая дефиницию, обозначающую обратный исторический процесс. Такая бинарность характерна для истории российского казачества. Мы уже опубликовали свое понимание исторически знакового определения «показачивание», которое интерпретируется как «целенаправленная политика имперских и войсковых (отчасти в более позднее время советских) властей по включению переселенцев из малороссийских и центральных губерний Российской империи и переводу компактных групп населения, прежде всего казенного крестьянства, в казачье сословие с установлением для названных групп комплекса сословных льгот и привилегий и введения мер социальной поддержки на переходный период» [1, с. 81]. Показачивание – это типичное историческое явление, которое постоянно сопровождало развитие казачества во все эпохи и времена, вопрос заключался только в масштабах, социальных источниках рекрутирования, приобретаемых правах и привилегиях. Масштабы всегда зависели от того, в чьих интересах это осуществлялось. Если социальным актором выступало государство, то счет «показаченного» населения мог идти на десятки и порой на сотни тысяч, как это происходило при заселении Кубани. Сами казаки традиционно проявляли большую заинтересованность в пополнении своих рядов, хотя можно столкнуться также со случаями обратного порядка, когда они ограничивали поток переселенцев. В рамках базовой «беглохолопской» версии происхождения казачества основным социальным источником рекрутирования выступали беглые крепостные крестьяне, однако это далеко не так. При анализе ныне существующего множества других версий можно обнаружить массу иных социальных групп, чьи представители разными путями попадали в казачье общество. Что касается попутного приобретения прав и привилегий новыми вольными или же невольными рекрутами, то каждая историческая эпоха и, естественно, каждый конкретный случай накладывали свой отпечаток. Так же и с выполнением обязанностей, которые теперь возлагались на противников государственной воли или сторонников казачества, принявших (в том числе в рамках

обычаев) по разным причинам казачий образ жизни. В истории казачества встречается много случаев, когда по государственной воле или же по инициативе видных политических и военных деятелей происходило пополнение казачьих рядов. Мы обратимся к анализу именно такого исторического сюжета, чтобы выяснить исходные причины и мотивацию проведения показачивания в советский период.

В Российском государственном военном архиве нами было обнаружено дело эпистолярного характера, из которого удалось полностью восстановить два примечательных текста: 1) рукопись развернутой статьи С.М. Буденного «К вопросу о казачестве», датированной 1928 г. и, как мы полагаем, нигде не опубликованной по причине свертывания политики «лицом к казачеству», стартовавшей осенью 1924 г. и официально одобренной на апрельском (1925 г.) пленуме ЦК РКП(б); 2) доклад С.М. Буденного народному комиссару по военным и морским делам и председателю Реввоенсовета СССР К.Е. Ворошилову, датированный 17 мая 1928 г. [2, л. 7–23]. Эти хорошо сохранившиеся эго-документы, с нашей точки зрения, позиционируют С.М. Буденного как видного советского теоретика государственных практик показачивания. Обратимся к аргументации известного «красного казака», хотя по происхождению он не был казаком, но долгое время никто этим фактом не интересовался.

С точки зрения С.М. Буденного, политический курс «лицом к казачеству», принятый на апрельском (1925 г.) пленуме ЦК РКП(б), стал исправлением ранее допущенных большевиками политических ошибок в отношении казаков: *«Развал зарубежной белой эмиграции, с одной стороны, твердость проведения Советской властью своих мероприятий на местах, энергичное освежение и чистка органов местной власти, с другой стороны, во-первых крушат надежду руководящих кругов казачества на приход «своих», а, во-вторых, рисуют в глазах казака Советскую власть, как власть подлинную, т.е. твердою и умеющую требовать строго соблюдения устоявшихся законов, что особенно важно, принимая во внимание психологию казачества, о которой я уже говорил, т.е. психологию присущую только казачеству, как служилому сословию»* [2, л. 12]. Таким образом, в ходе осуществления политики «лицом к казачеству» произошел перелом в умонастроениях казаков по отношению к советской власти, а среди мероприятий, оказавших сильное впечатление на казаков, в частности стали *«создание краевого правительства, амнистирование всех бывших врангелевцев и представление им полноправного гражданства, если они уже добровольно возвратились в СССР»* [2, л. 12–13]¹. Но только лишь одно обозначение общественных сходов как советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов не разрешало реальную правовую коллизию, так как советы с казачьими депутатами есть, а слово «казачество» в правовом порядке «нигде не предусмотрено и декретом не утверждено», хотя «упорный» политический курс на рассказывание длительное время существовал, и «получается так, что казак – не казак, а самозванец» [2, л. 13].

В связи с этим С.М. Буденный предлагал само слово «казачество» скорее *«утвердить в законодательном порядке с целью использовать его очень широко для нашего дальнейшего роста»* [2, л. 16]. Он считал актуальным и целесообразным развитие изначальных социально-групповых качеств казачества, особенно воинственности: *«Во-первых, и теперь... необходимо и по весьма понятным причинам, воинственность казаков не умалять, а, напротив, развить... чтобы потом*

¹ Здесь и далее орфография источника сохранена.

эту особенность использовать широко в борьбе с врагом. Только казачьи районы и по сие время в состоянии явиться такими источниками, ...из которых и можно черпать необходимые для неизбежной войны соки» [2, л. 16].

Как действующий инспектор кавалерии РККА, С.М. Буденный позитивно оценивал введенную систему территориальной военной службы, в том числе на основе лично проведенных проверок на местах: *«Тщательное обследование результатов последнего опыта терстроительства, обследование личного состава переменников, конского состава подтверждают жизненность территориального кав[алерийского] строительства на территории казачьих областей. Почти сто-процентная явка переменников на своих лошадях, ревностное и добросовестное отношение переменников к своим обязанностям говорит за то, что теркав-система встречает у населения вполне благоприятный отзыв» [2, л. 17].* Эти военно-организационные успехи в сочетании с позитивными изменениями в проводимой политике по отношению к казачеству и «поднятие экономического благосостояния Северо-Кавказского края, в связи со сравнительно хорошим урожаем текущего года» создают основу для осуществления *«в законодательном порядке одного самого важного мероприятия по вопросу о казачестве»*. В качестве такого насущного мероприятия С.М. Буденный предлагал: *«Все бывшие казачьи области, в том числе и Ставропольщину, назвать территорией КРАСНОГО КАЗАЧЕСТВА. Все же население именовать КРАСНЫМИ КАЗАКАМИ» [2, л. 17].*

Таким образом, речь идет о глобальном показачивании всего населения Северного Кавказа, кроме горских народов. Заметим, что изложенная выше идея С.М. Буденного не получила широкой поддержки, хотя факты показачивания тогда встречались, особенно во второй половине 1930-х гг.

В предлагаемом административно-политическом показачивании всего населения бывших казачьих областей и объявлении его красными казаками С.М. Буденный видит пять важных социальных последствий, которые являются базисными аргументами для реализации его конструктивной инициативы: 1) окончательный переход всех без исключения казаков на сторону советской власти; 2) кадровое пополнение РККА (территориальных кавалерийских частей) преданными советской власти сторонниками; 3) именно в бывших казачьих областях можно создать наиболее боеспособные части РККА; 4) превращение бывших иногородних в красных казаков значительно увеличит число боеспособных кадров для армии; 5) создается основа для окончательного преодоления сословной розни между иногородним крестьянством и казачеством. Как пишет инспектор кавалерии РККА, с помощью важного шага показачивания населения бывших казачьих областей *«...мы достигаем того, что КАЗАК окончательно и бесповоротно убедится в том, что Советская власть – его родная, кровная власть, за которую он должен умереть во всякое время, в любом месте, с оружием в руках против любого классового врага»*. И добавляет: *«А раз он в этом убедится, то и не замедлит создать такие кадры красной милиционной армии, которые не будут знать поражений и которых в других районах не создашь» [2, л. 17].*

Особо С.М. Буденный подчеркивает важность показачивания бывших иногородних: *«Чтобы не было сословной розни, нужно красными казаками называть без исключения всех, в том числе и бывших иногородних. Они тоже казаки, в таких же условиях, как и по сто лет и больше, а история даст нам официальную справку в том, что стать казаком – быть выходцем иного племени не требуется. Стоит*

казаку только это хорошенько разъяснить и в то же время подчеркнуть, что тебе Советская власть дает не только звание красного казака, но называет им и твоего соседа, родиной которого является твоя же родина, что отныне Вы фактически и юридически равны и, как подобает гражданам СССР, не должны допустить между собой никакой розни. "Иногородний" тогда невольно подумает, что вот, мол, до чего я дожил, сто лет здесь жили мои родные, царь их давил, давили казаки-богачи, хотя и невольно, а Советская власть за восемь лет успела найти нужным назвать и его гордым именем красного казака. Значит, и власть хороша, и казак – мой же брат. Сердится нам не за что, у нас общая цель и один враг» [2, л. 17–18].

Иначе говоря, в показачивании иногородних С.М. Буденный видит возможность исправления стародавней исторической несправедливости, осуществления социально-этнического выравнивания, реализацию изначальной казачьей традиции, когда «выходец иного племени» становился казаком. Однако при этом в среде казачества необходимо вести разъяснительную работу, ведь Отечество и у казаков, и у иногородних одно. Речь идет о фактическом и юридическом равенстве, вытекающем из всеобщего показачивания населения в граждан Советского Союза с одинаковыми правами и едиными целями, а потому о сословной розни надо забыть и гордиться классовым единством с крестьянством, с общим «гордым именем красного казака», и вместе противостоять общим врагам.

С.М. Буденный размышляет о том, как именовать казаков: «Что касается того, а как же именовать казаков, работающих на фабриках и заводах, то тут затруднений вовсе нет» [2, л. 18]; *«Так вот как же тут быть. Будут ли эти рабочие казаками или они будут именоваться только рабочими, а может можно их назвать рабочими-казаками»* [2, л. 15]. Безусловно, «рабочие-казаки» – это преувеличение, хотя отдельные рабочие и даже небольшие группы рабочих на шахтах Донбасса могли иметь казачье происхождение, но включение всех рабочих во все бывшие казачьи области выглядит явной социальной гиперболизацией. Однако Буденного это не смущало: *«И тем колоссальной важности политическим мероприятием, каким я считаю переименование бывших казачьих областей в области красного казачества, будет сделано не все, если не будут устранены сейчас же, немедленно, дефекты в нашей другой работе в среде казачества»* [2, л. 18].

С другой стороны, С.М. Буденный, сталкиваясь с реалиями повседневной жизни, с фактами из казачьей действительности, предлагал лучшие пути принятия решений. В своем докладе народному комиссару по военным и морским делам и председателю Реввоенсовета СССР К.Е. Ворошилову, датированному 17 мая 1928 г., он описывает такой случай: *«...в 1926 году казаки Кочетовской станицы поехали на юртовую землю, требовать от "хохлов" (иногородних) аренду за землю, требуя срочной выплаты, начиная с 1919 года, но "хохлы", вместо денег, избili казаков вилами»* [2, л. 23]. Тем самым казаки хотели привычным способом решить вопрос о землепользовании с началом кампании «лицом к казачеству». Но в ситуации того времени «для казака вопрос о землепользовании не ясен и не точен до сих пор даже с идейной стороны. Он свою бывшую землю считает по-прежнему собственностью, исключительно ему принадлежащую, и в его уме не укладывается, чтобы его земли пользовался кто-либо другой. Это говорит не за что другое, как только за то, что работа, политическая работа местами велась более чем слабо» [2, л. 18]. Иначе говоря, С.М. Буденный видит причины социально-экономических противоре-

чий в поземельных отношениях в бывших казачьих областях: 1) в неизжитых сословных предрассудках казачества; 2) отсутствию налаженной партийно-политической работы по разъяснению земельной политики советской власти; 3) незавершенности землеустройства в казачьих регионах, а «крестьянство ждет землемеров, которых мало и прочее». Известный «красный казак» рассчитывал убедить казачество в важности государственной собственности на землю («вся земля – собственность государства»). Это право, по его мнению, провозглашалось Декретом о земле, принятом 26 октября (8 ноября) 1917 г. на II Всероссийском съезде Советов. Однако там речь шла о земле как всенародном достоянии (нечастной собственности). Декрет провозглашал уравнильный раздел земли по трудовой или потребительной норме, в котором воплощалась классическая крестьянская мечта о «черном переделе», поэтому крестьянство центральных губерний приветствовало именно эту часть законодательного акта, а не государственную собственность на землю, о чем пишет С.М. Буденный. При всей сложности поземельных отношений в бывших казачьих областях рядовой казак знал три формы землепользования: войсковую, юртовую и наделную (надел-пай), а иные формы собственности его не интересовали. Но Семен Михайлович продолжал придерживаться своей позиции: *«Конкретно говоря, необходимо ударно повести работу по разъяснению идей землепользования в Советской стране и немедленно же, хотя бы за счет землеустройства в других районах провести таковое окончательно, раз и навсегда в казачьих областях, ибо последнее в общей цепи нашего сельскохозяйственного строительства являются самым боевым, самым беспокойным участком»* [2, л. 19].

По мнению С.М. Буденного, чтобы изменить социально-политическую ситуацию в казачьих областях, *«необходимо в кратчайший срок выработать кадр партийно-профессионально-советских работников из самого же казачества, которые бы знали быт казака и все волнующие его мысли. Только эти работники под руководством нашей партии в силах будут справиться с задачами, стоящими на очереди по работе среди казачества»* [2, л. 19]. Эти выдвинутые из казачьей среды ответственные работники должны заняться решением трех базисных управленческих задач:

«1) Особенно важным моментом должна явиться возможность ознакомить широкие казачьи массы с условиями труда и психологией рабочего класса, путем допуска и построения казачьей молодежи поступления в различного рода промышленные производственные рабочие центры.

2) Также важно провести широкую кампанию в научно-марксистском освещении о той половинчатой, предательской по отношению к казачеству роли, которую сыграли в период революции и гражданской войны представительные казачьи учреждения, как войсковые круги, рады и т.п.

3) Принимая во внимание, что казачество религиозно скорее по старым традициям, чем по внутреннему убеждению, работу на антирелигиозной почве надлежит вести более сильным темпом, чем это делается до сих пор, связав роль духовенства с чисто экономическими моментами» [2, л. 19–20].

Таким образом, с точки зрения С.М. Буденного, предметное знакомство казачества, особенно казачьей молодежи, с городской жизнью, условиями труда и быта рабочих, создание негативного образа бывшей казачьей элиты, выдвинувшейся в старорежимные представительные учреждения, масштабная антирелигиозная пропаганда могли окончательно перевести казачество в стан сторонников советской

власти, а, чтобы усилить позиции красного казачества, необходимо было провести четыре важнейших мероприятия:

«1) В законодательном порядке немедленно назвать все бывшие казачьи области, в том числе и Ставропольскую губернию, областями КРАСНОГО КАЗАЧЕСТВА, с правом всем без исключения в этих областях живущим гражданам, кроме, конечно, горских национальностей, именоваться Красными казаками.

2) Немедленно провести землеустройство окончательно и отчетливо, как с идейной, так и с фактической стороны, бросив туда все лучшие силы, хотя бы даже за счет других районов.

3) Выработать кадр партийных и советских работников из среды преданнейшего казачества, которые бы знали и сами жили всеми нуждами казачьих областей.

4) Разъяснять и популяризировать казачеству его историю» [2, л. 21].

Если по первым трем предлагаемым мероприятиям С.М. Буденный дал подробные пояснения, то способ, как именно он собирался «разъяснять и популяризировать» историю казачества в казачьей среде, остался неистолкованным, хотя автор статьи хотел верить в осуществление своих предложений «в самом скором времени» [2, л. 21]. В докладе народному комиссару по военным и морским делам и председателю Реввоенсовета СССР К.Е. Ворошилову, датированном 17 мая 1928 г., он сообщает: «...в 1924–25 году я писал по казачьему вопросу свои предложения тов. Микояну, в бытность его на Северном Кавказе. У меня возник этот вопрос еще в тот момент, когда дебатировался вопрос об изменении курса политики тов. Ленина (рассказать казака)» [2, л. 22]. В 1924–1926 гг. А.И. Микоян занимал должность первого секретаря Северо-Кавказского крайкома партии и являлся приверженцем умеренной политической линии в отношении казачества, поэтому обращение к нему С.М. Буденного вовсе не случайно.

Формально политика большевиков по отношению к казакам строилась на классовых принципах и оставалась неизменной на протяжении всей советской эпохи. Об этом было хорошо сказано представителями Северо-Кавказского краевого руководства на III Кубанском окружном съезде Советов 19–24 марта 1927 г.: «Между трудовым казачеством и трудовым иногородним населением разницы нет. Обе группы населения – трудовые хлеборобы, которые должны идти с нами». Большевики, согласно этому утверждению, не питали вражды к казакам-середнякам и беднякам, так как боролись только против «эксплоататоров, спекулянтов и закоренелых злостных белогвардейцев», неважно, «иногородние [они] или казаки» [3, с. 39]. Еще более четко выразился первый секретарь Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А.И. Микоян 13 ноября 1925 г.: «Казак он или крестьянин, если он середняк, то он наш. Наша политика – классовая политика» [4, с. 440]. Выступая против «стеснения казачьего быта», А.И. Микоян подчеркивал: «Нигде в нашей программе не написано, что нельзя носить лампасы и что кубанка означает контрреволюцию, а английская кепи – революцию» [4, с. 440–441]. Однако в реальной действительности все было гораздо сложнее, а разработка и осуществление политики «лицом к казачеству», в которой участвовал С.М. Буденный, протекала не просто, о чем он писал следующим образом: «Я считал и считаю, что изменение этого курса политики, несомненно, повлечет за собою всякие кривотолки и может быть возобновить прежнюю сословную рознь между бывшими иногородними и казаками, с одной стороны, и, с другой, – казаки потребуют землю и дореволюционные права» [2, л. 22]. Причем высказанные опасения не были беспочвенными,

об этом свидетельствует вышеизложенный сюжет о столкновениях на земельной меже между казаками донской станицы Кочетовской и иногородними крестьянами. С другой стороны, сами казаки порой терялись в ситуации развертывания большевиками политики «лицом к казачеству» и обращались к старинным казачьим традициям, которые публично демонстрировали.

В мае 1925 г. казак Василий Науменко прибыл в качестве делегата на III Всесоюзный съезд Советов (который проходил в Москве с 13 по 20 мая 1925 г.). От имени Кубанского и Терского казачьих войск он своеобразно приветствовал собравшихся советских делегатов: вышел на трибуну и, следуя старинному казачьему обычаю, поклонился в пояс Съезду. Этот полулегендарный эпизод с казачьим низким поклоном вошел в воспоминания многих современников как яркий жест, демонстрировавший связь казачьих традиций с советской реальностью того времени. Как писал С.М. Буденный, *«это уже были плоды колебания курса политики по казачьему вопросу»* [2, л. 23].

В августе 1925 г. казаки станицы Горячеводской во время празднования ее столетия избрали генсека РКП(б) своим почетным станичником. Получив от секретаря Терского окружкома РКП(б) С.О. Котляра свидетельство о присвоении ему звания «почетного казака», И.В. Сталин, находившийся в это время в Сочи, отправил в Горячеводскую следующий ответ: *«Казачеству Горячеводской станицы Терского округа. Примите братскую благодарность за оказанное вами доверие. Клянусь служить верой и правдой рабочему классу и всем трудящимся нашей великой страны»* [5, л. 1]. Свои комментарии к этой истории мы изложили в другой статье [6, с. 113–115], но ясно, что особого счастья новый «почетный казак» от обретения такого общественного признания казачьего сообщества не испытывал.

В докладе К.Е. Ворошилову 17 мая 1928 г. С.М. Буденный указывает на реального разработчика политики расказачивания в лице В.И. Ленина. Именно от этого ленинского большевистского курса нужно было в данный момент отказаться: *«Политика по казачьему вопросу должна быть очень твердой и продуманной до конца, т.е. – либо проводить политику Ленина (расказачить казака), либо сделать из бывшего старого монархического казачества наше красное советское казачество. Промежуточное решение, безусловно, должно вылиться в "страусовскую политику", т.е. – голову прятать, корпус кверху»* [2, л. 22]. Современные казаки инициаторами расказачивания называют Я.М. Свердлова, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина и др. Детально о провокационной роли И.В. Сталина в подготовке «директивы о расказачивании» (циркулярного письма Организационного бюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. «Об отношении к казакам») писал историк Г.И. Магнер [7, с. 121–139]. Относительно полный список всех причастных лиц из числа большевистских политических и военных деятелей к вопросу о разработке и практике осуществления политики расказачивания мы опубликовали в одной из наших статей [8, с. 440–441]. Но о В.И. Ленине как исключительном инициаторе политики расказачивания сегодня не пишут и не говорят, да и фраза «расказачить казака» ближе к политической лексике Л.Д. Троцкого.

Более того, инспектор кавалерии РККА предлагал срочно изменить политический курс В.И. Ленина на расказачивание: *«Какие мотивы были для того, чтобы изменить политику Ленина? Мне эти мотивы представляются в следующем: казачество не принимает активного участия в строительстве Советской власти; казачество считает Советскую власть властью иногородних; казачество же бой-*

котирует Советскую власть и Советы. Нужно отметить, что как только за- колебалась политика Ленина, так казак сейчас же сел верхом на курс перемен политики (рассказывай казака)» [2, л. 22]. В новой политике правящей партии большевиков и советской власти по отношению к казачеству С.М. Буденный фиксирует четыре генерализующих момента: «Что представляет собою новый курс политики по казачьему вопросу. То, что назвать казаков казаками; разрешить ка- закам носить казачью форму одежды; повернуть казачество лицом к Советской власти на этой основе и добавить на вывесках Советов слова: «и казачьих де- путатов» [2, л. 23]. Однако «как только на вывесках Советов появились слова “и казачьих депутатов”»; так возник вопрос, как же называть общественный сход. Если последний состоит из казаков и иногородних, а если собравшихся при от- крытии собрания назвать казаками, то обидятся иногородние, а если назвать иногородними, то обидятся казаки, главное казаки не желают, чтобы их назы- вали гражданами и товарищами» [2, л. 23]. Таким образом, С.М. Буденный пони- мал сложности перехода и осуществления политики «лицом к казачеству», фик- сировал затруднения для местных руководящих работников, возникающие при проведении практических мероприятий в рамках этого политического курса. Тем не менее известный «красный казак» вносил свои предложения и настаивал на обязательности и обоснованности политики «лицом к казачеству». Но он знал и другое: чтобы не предлагали, провозглашали и делали большевики в отношении казачества, казаки «себя считают казаками и больше ничего» [2, л. 23]. Этой примечательной фразой он заканчивает свой доклад К.Е. Ворошилову.

В качестве второй социальной проблемы С.М. Буденный обозначает межклас- совую консолидацию. В марксистском понимании того времени в советском обще- стве существовали два дружественных класса: крестьянство и рабочий класс. Ка- зачество, по мнению инспектора кавалерии РККА, относилось к крестьянству, хотя и с небольшими особенностями культуры и быта. Он писал, что «казачество – это класс, тот же самый, что и крестьянство, но что в пределах самого этого клас- са есть особенные черточки бытовых сторон, заслуживающих особого наиме- нования и только разницы тут в классовом отношении никакой нет» [2, л. 14]. Проблема заключалась в том, что казаки никак не хотели быть ни крестьянами, ни гражданами, ни товарищами, но, если всех объединить, сделать красными казака- ми, то, как полагал главный «красный казак», противоречие исчезнет.

Третий тезис в концептуальных построениях С.М. Буденного состоял в необхо- димости преодоления сословной розни между казаками и иногородними, которая исторически сложилась в южных казачьих областях Российской империи и с уста- новлением советской власти продолжала сохраняться, хотя социально-экономиче- ские предпосылки для этого исчезли. Если же казаки и иногородние войдут в состав красного казачества, то и оснований для сословной розни не будет.

Четвертое теоретическое положение С.М. Буденного связано с использова- нием определенных социальных инструментов для показывания всего на- селения Северного Кавказа. К их числу относились: 1) принятие администра- тивно-политического решения об объявлении всех бывших казачьих областей Российской империи «областями красного казачества»; 2) подбор кадров руко- водящих работников, знающих особенности казачьих областей и умеющих рабо- тать с казачеством, причем из числа самих казаков; 3) ведение разъяснительной, пропагандистской работы среди казачества; 4) изучение истории казачества, ее

популяризация и объяснение самому казачеству его положительной роли в истории народов Советского Союза.

Пятый тезис С.М. Буденного заключался в наращивании социальных ресурсов для армии за счет проведения поголовного показачивания населения Северного Кавказа. Инспектор кавалерии РККА рассчитывал на численное увеличение казачьих рядов, способных направить в территориальные воинские кавалерийские части подготовленное пополнение. В случае войны или иностранной военной интервенции численно возросшее красное казачество сможет дать достойный отпор врагу. Кризис англо-советских отношений с угрозой полномасштабной войны СССР с Британской империей, Польшей, а возможно даже с целым блоком европейских государств, получивший в отечественной истории наименование «Военная тревога» 1927 г., убеждал главного «красного казака» в необходимости скорейшего появления на Северном Кавказе «областей красного казачества».

Итак, в понятие «показачивание», по мысли С.М. Буденного, входит сочетание трех основных аспектов: административно-территориального (появление «областей красного казачества»); социально-классового (установление места казачества в двухклассовой структуре советского общества); военно-организационного (формирование «красной милиционной армии»). Показачивание населения Северного Кавказа должно произойти скорейшим образом в рамках осуществления политики «лицом к казачеству». Представленный концепт С.М. Буденного нельзя признать полноценным, развернутым теоретическим построением, состоявшейся авторской концепцией, потому что он субъективен и динамичен, включает в себе совокупность повседневных знаний и представлений о казачестве, восходящих более к личному опыту, нежели к эпистемологии, формированию категориально-понятийного аппарата и гносеологическим суждениям. Тем не менее это оформленный взгляд на политику большевиков по отношению к казачеству, когда, с одной стороны, автор находится внутри исторического процесса и казачьей повседневности, а с другой – пытается подняться над текущим положением дел, осмыслить складывающуюся ситуацию, предложить пути решения проблем.

Поднимая проблему показачивания населения Северного Кавказа в теоретико-практической плоскости, С.М. Буденный (сверхлегендарный образ которого в постсоветский период отечественной истории стал гораздо менее заметен) не был оригинален, так как впервые в науке об этом публично заявил русский историк Н.И. Костомаров еще в 1860 г., когда писал, как *«во всем южнорусском народе возникло стремление оказачиться»* [9, с. 14]. Однако мы полагаем, что здесь следует проводить смысловое разграничение со смежным понятием «казакование», когда в первом случае мы видим путь к достижению цели, а во втором случае рассматриваем уже осознание достигнутого целеполагания. Понимание показачивания как процесса обосновала в своем докладе, который был опубликован в 14-м томе современного «Терского сборника», на Четвертой Терской научно-практической конференции в декабре 2025 г. профессор Н.Н. Великая. Мы разделяем ее точку зрения о том, что показачивание выступает и как целенаправленная государственная политика, и «как стихийный процесс перехода в казачество отдельных представителей и групп населения» [10, с. 62]. Вторая часть понятия перекликается с определением «казакование», и это может стать основанием для развертывания научной дискуссии теоретико-методологического характера среди историков-казаковедов, например на страницах журнала

«Казаковедение». А в эго-документах С.М. Буденного показывание предстает как политика правящей партии в отношении казачества, которую в «обязательном порядке и незамедлительно» должны реализовать органы государственной власти и управления РСФСР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Скорик А.П. Научный семинар как историографический источник (анализ опыта донских казаковедов) // Казаковедение. 2025. Т. 1, № 1. С. 42–91.
2. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 174.
3. Отчет III Кубанского окружного съезда советов 19–24 марта 1927 года. Краснодар: Главтип. Кубполиграфа, 1927. 180 с.
4. Восстановительный период на Дону (1921–1925 гг.). Сборник документов / сост.: А.Г. Беспалова, И.М. Борохова, Е.В. Захарова, В.Н. Перелыгина; науч. ред. П.В. Барчугов. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1962. 496 с.
5. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 323.
6. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казак станицы Горячеводской: механизмы сталинской мифологии // Родина. 2010. № 3. С. 113–115.
7. Магнер Г.И. Рассказывание в системе массовых репрессий // Альтернативы. 1999. № 4. С. 121–139.
8. Скорик А.П. Рассказывание: категориально-понятийный и персонифицированный исторический дискурс // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 437–447.
9. Костомаров Н.И. Казаки. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995. 608 с.
10. Великая Н.Н. Показывание как процесс // Терский сборник: коллектив авторов. Екатеринбург: Издательские решения Ridero, 2026. Вып. 14. С. 59–63.

REFERENCES

1. Skorik A.P. 2025. [A scientific seminar as a historiographical source (an analysis of the experience of Don Cossack scholars)]. *Kazakovedenie. [Cossack studies]*. 1(1): 42–91. (In Russian).
2. [Russian State Military Archive (RSMA)]. Coll. 33987. Aids. 3. Fol. 174. (In Russian).
3. *Otchyot III Kubanskogo okruzhnogo s'ezda sovetov 19–24 marta 1927 goda. [Report of the III Kuban District Congress of Soviets, March 19–24, 1927]*. Krasnodar, Glavnaya tipografiya Kubpoligrafa, 1927: 180. (In Russian).
4. Bespalova A.G., Borokhova I.M., Zakharova E.V., Perelygina V.N.; Barchugov P.V. (ed.). 1962. *Vosstanovitel'nyj period na Donu (1921–1925 gg.). Sbornik dokumentov [The Reconstruction Period on the Don (1921–1925). Collection of Documents]*. Rostov-on-Don, Book Publishing House: 496. (In Russian).
5. [Documentation Centre for the modern History of the Rostov region (DCMHRR)]. Coll. 12. Aids. 1. Fol. 323. (In Russian).
6. Skorik A.P., Tikidzh'yan R.G. 2010. [The Cossack of the Goryachevodskaya stanitsa: the mechanisms of Stalinist mythology]. *Rodina*. 3: 113–115. (In Russian).
7. Magner G.I. 1999. [Raskazachivanie in the system of mass repressions]. *Al'ternativy. [Alternatives]*. 4: 121–139. (In Russian).
8. Skorik A.P. 2022. [Raskazachivanie: categorical conceptual and personified historical discourse]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. [Humanitarian and legal studies]*. 9(3): 437–447. (In Russian).
9. Kostomarov N.I. 1995. *Kazaki. Istoricheskie monografii i issledovaniya. [Cossacks. Historical monographs and studies]*. Moscow, Charli: 608. (In Russian).
10. Velikaya N.N. 2026. [Pokazachivanie as a process]. *Terskij sbornik: kolektiv avtorov. [The Tersky Collection: a team of authors.]*. Ekaterinburg, Self publishing platform Ridero. 14: 59–63. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СКОРИК Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова; Новочеркасск, Российская Федерация.

SKORIK Alexander Pavlovich – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social and Human Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI); Novocherkassk, Russian Federation.

E-mail: s_a_p@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1283-8137

© А.П. Скорик, 2026

Дата поступления в редакцию: 11.08.2026.

Дата принятия статьи: 14.08.2026.

УДК 94(470.6)»1930/2026»

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ «ЗА СОВЕТСКОЕ КАЗАЧЕСТВО» НА ЮГЕ РОССИИ В 1930-е гг. (К 90-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ)

© 2026 г. А.П. Скорик

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
им. М.И. Платова (Новочеркасск, Россия)

Аннотация. Статья посвящена анализу позитивного опыта взаимодействия властей с казачеством в преддверии Великой Отечественной войны. 18 февраля 1936 г. в газете «Правда» вышла редакционная статья «Советские казаки», где утверждалось, что «казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству». Эта статья, а также тезисы съезда передовиков животноводства, прошедшего в Москве 13–16 февраля 1936 г., где выступали специально приглашенные представители донских и терских казачьих колхозов, ознаменовали начало кампании под лозунгом «За советское казачество!».

Эта кампания включала пять направлений: 1) пропаганда позитивного образа советского колхозного казачества; 2) использование трудового потенциала казаков в хозяйственном строительстве; 3) реорганизация частей РККА в казачьи кавалерийские соединения; 4) усиление военно-патриотического воспитания казачьей молодежи и поддержка движения «ворошиловских кавалеристов»; 5) сохранение и развитие культурных традиций казачества.

К сожалению, во многих исторических и публицистических работах эта кампания освещается лишь в контексте создания казачьих частей, хотя в определенный период советская власть проявила интерес к интеграции казачества в новую социально-экономическую систему. Об этом свидетельствуют официальные установки, подчеркивавшие легитимность и социальную ценность казачьей идентичности в советских условиях: акцентировалась готовность советского казачества, в том числе казачества колхозного, к проявлению трудовой и боевой доблести в интересах государства. На практике это нашло отражение в активизации хозяйственной деятельности в казачьих регионах Юга России: развернулось соревнование за выполнение и перевыполнение производственных планов, особое внимание уделялось развитию коневодства как традиционно значимой для казачества отрасли.

Таким образом, кампания «за советское казачество» предстает как масштабное и многоплановое историческое явление, обладающее самостоятельной исследовательской ценностью.

Ключевые слова: большевики, «ворошиловские кавалеристы», казаки-колхозники, казачья молодежь, культура казачества, ментальность, советские казаки, территориальные казачьи части, хозяйственный уклад, этносоциотип.

Публикация подготовлена в рамках реализации плана научных мероприятий Платов-центра Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова на 2026 г.

IMPLEMENTATION OF THE SOCIO-POLITICAL CAMPAIGN “FOR THE SOVIET COSSACKS” IN THE SOUTH OF RUSSIA IN THE 1930s (ON THE 90TH ANNIVERSARY OF A HISTORIC EVENT)

A.P. Skorik

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI) (Novocherkassk, Russia)

Abstract. This article analyzes the positive aspects of interaction between the authorities and the Cossacks, a notable phenomenon of Soviet reality on the eve of the Great Patriotic War. On 18 February 1936 the mouthpiece of the Bolshevik Party, the newspaper Pravda, published an editorial titled “Soviet Cossacks,” which stated that “the vast majority of the Cossacks have become accustomed to the collective-farm system and have embraced Soviet power, putting an end to the cursed past when the Cossack regions, particularly the Don and Kuban, were strongholds of counter-revolution and anti-Soviet sabotage. The Cossacks have become Soviet not only in nationality, but also in spirit, aspirations, and loyalty to Soviet power and to collective-farm construction.” Together with the Congress of Animal Husbandry Leaders held in Moscow on 13–16 February 1936, where specially invited representatives of Don and Terek Cossack collective farms spoke, this editorial marked the start of the campaign under the slogan “For the Soviet Cossacks!”

The campaign had five main directions: (1) promoting a positive image of the Soviet collective-farm Cossacks; (2) mobilizing the Cossacks' labour potential for economic construction; (3) reorganizing RKKA units into Cossack cavalry formations; (4) strengthening military-patriotic education among Cossack youth and supporting the “Voroshilov Cossacks” movement; and (5) preserving and developing Cossack cultural traditions. Unfortunately, many historians and publicists today reduce the campaign to the mere creation of Cossack military units, often overlooking the Soviet government's broader turn toward Cossack issues — a turn that declared “the title of Cossack not a disgraceful title but one proudly borne by Cossack collective farmers” and asserted that Soviet Cossacks, having embraced collective farming, “will demonstrate heroism and courage on the battlefields in the ranks of the Workers' and Peasants' Red Army” if enemies attack the homeland. Cossack regions of southern Russia entered real competition over performance: Cossacks strove for better production results, exceeding targets, and for decisive improvements in horse breeding. Thus, the campaign “For the Soviet Cossacks” was a broad, frontal, large-scale historical phenomenon and a distinct subject for further research.

Keywords: Bolsheviks, “Voroshilov Cavalry”, Cossack collective farmers, Cossack youth, Cossack culture, mentality, Soviet Cossacks, territorial Cossack units, economic system, ethnosociotype.

I. Вопросы теории

Говоря о мотивах и характере социально-политической кампании «за советское казачество», стартовавшей 90 лет назад, следует отметить, что данная научная проблема освещена еще недостаточно, если отойти от обобщенных оценок, вникать в детали отдельных событий и структурировать разнообразные конкретно-исторические материалы о тех годах. До настоящего времени актуален заданный в 1997 г. известным кубанским историком В.Е. Щетневым вопрос: «Что означала статья в “Правде” о “советском казачестве”, опубликованная в 1936 году?» [1, с. 19]. Зачем вообще советской власти, стремившейся «рассказывать» казаков путем превращения их в колхозников, понадобилось особо выделять казачьи сообщества в общей массе колхозного крестьянства? Какие цели преследовало при этом советское

руководство: стремилось ли оно все-таки использовать военно-мобилизационный и хозяйственно-производственный потенциал казаков, хотело ликвидировать возможные социальные основы формирования «пятой колонны» или добивалось чего-то еще? Возможно, большевики намеревались закрепить произошедший поворот казачьей молодежи в сторону советской власти? В поисках ответов на поставленные и пока не обозначенные вопросы попробуем разобраться в истоках, содержании и значении кампании «за советское казачество».

18 февраля 1936 г. рупор партии большевиков, газета «Правда», вышла с редакционной статьей «Советские казаки», где утверждалось: *«Основная и подавляющая масса казачества сжилась и сроднилась с колхозным строем, сжилась и сроднилась с советской властью, покончив с проклятым прошлым, когда казачьи районы, особенно Дон и Кубань, были оплотом контрреволюции и гнездом антисоветского саботажа. Казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству»* [2]. Выход этой статьи и прошедшее в Москве 13–16 февраля 1936 г. Всесоюзное совещание (съезд) передовиков животноводства, где выступали специально приглашенные представители донских и терских казачьих колхозов, ознаменовали начало кампании под лозунгом **«За советское казачество!»**. И сегодня эта череда исторических событий трактуется как рубеж, с которого начался очередной кардинальный поворот в политическом курсе советской власти и правящей партии большевиков в отношении казачества. Тем не менее на этом фоне выглядит экстраординарной срочная доставка на самолетах в Москву делегации из 5 донских казаков Северо-Донского округа на съезд передовиков животноводства. К их удивлению, сам И.В. Сталин был на съезде, пожимал им руки, хлопал в ладоши во время выступлений и добродушно смеялся, о чем они потом долго вспоминали по возвращении домой.

Секретарь Северо-Донского окружкома ВКП(б) Азово-Черноморского края В.М. Лукин 28 марта 1936 г. писал первому секретарю крайкома ВКП(б) Б.П. Шелобадаеву: *«История посылки в Москву делегации казаков от Дона Вам известна, хочу только сообщить – делалось это очень быстро – срок нам был дан не более 12 часов, и отправить мы могли из подготовленных 12 чел[овек] лишь 5 колхозников[-]казаков и, кажется, в составе делегации не ошиблись, [это] люди которые смогли неплохо выступить»* [3, л. 58–61] (последние слова Лукина звучат как вздох облегчения: ну, слава Богу, повезло, хоть и выбирали наугад, но случайно выбрали достойных людей!). Но, даже, несмотря на такую вынужденную оперативность, делегация донских казаков все равно опаздывала на съезд, и поэтому ее под давлением обстоятельств привезли в Москву на самолетах. Донские казаки-колхозники с искренней радостью рассказывали с трибуны участникам съезда (Всесоюзного совещания стахановцев животноводства) о своем путешествии на самолетах [4, л. 40], в частности заведующий животноводством колхоза «Знамя колхозника» Мигулинского района Северо-Донского округа Азово-Черноморского края Флор Максимович Ссылков [5, с. 55] и заведующий свиноводческой товарной фермой колхоза имени В.Ф. Ларина Тарасовского района Северо-Донского округа Азово-Черноморского края Федор Тимофеевич Токмачев [6, с. 62–63].

Факт опоздания в Москву на съезд казачьей делегации, возникшего из-за нерасторопности руководства Азово-Черноморского края (правда, по вине представителей высших партийно-советских органов, в последний момент решивших на-

править на съезд животноводов делегацию донцов), может рассматриваться как очередное доказательство крайне слабой подготовки кампании «за советское казачество». И это при том, что именно первый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев достаточно определенно высказывался за доброжелательное отношение к казакам-колхозникам.

Вероятно, именно И.В. Сталин лично распорядился вызвать на Всесоюзное совещание передовиков животноводства с руководителями партии и правительства казаков-колхозников из Северо-Донского округа Азово-Черноморского края. В качестве одного из обоснований данного предположения служит способ транспортировки казаков: авиаперелет был доступен далеко не каждому гражданину СССР. Очевидно, что решение о доставке донцов на съезд самым скоростным видом транспорта принималось именно в Москве – вероятнее всего, И.В. Сталиным. Можно также предположить возможное влияние на это решение М.А. Шолохова, неоднократно выступавшего в защиту интересов донского казачества, однако прямого документального подтверждения данной гипотезы обнаружить не удалось.

Очевидно, кампания была направлена на формирование ощутимой социальной поддержки осуществляемому в 1930-е гг. колхозному строительству. При этом начальный этап ее реализации отличался сумбурностью и непроработанностью.

Формирование нового отношения к казачеству, по всей видимости, ориентировалось на укрепление социальной опоры власти в условиях нарастания военной угрозы на международной арене и необходимости обеспечения социальной устойчивости в Северо-Кавказском регионе. Это вполне объяснимо с позиций последующего исторического знания о коллаборационизме в среде казачества в годы Великой Отечественной войны. Кампания четко и однозначно определила, что «советскому казачеству быть». Тем самым перспективно был обозначен **исторический вектор формирования новой социальной общности – советского казачества**, которое должно было иметь объединяющую идею лояльности советской власти, тогда как иные внутригрупповые различия и особенности утрачивали в такой ситуации первостепенное значение.

Именно военно-патриотический подъем выступал одним из генерализующих факторов развернутой во второй половине 1930-х гг. социально-политической кампании «за советское казачество». Этому также способствовали наметившиеся к середине 1930-х гг. такие факторы, как укрепление колхозной системы и резкое сокращение числа единоличных хозяйств. На Юге России в первой половине 1934 г. насчитывалось 380,7 тыс. хозяйств единоличников, на 1 января 1935 г. – уже 317,8 тыс., на 1 января 1936 г. – лишь 76,4 тыс., или 20 % от уровня 1934 г. [7, с. 385]. К середине 1930-х гг. власти уже не опасались, что единоличники могут примером своей успешной хозяйственной деятельности побудить колхозников выйти из коллективных хозяйств, хотя ранее такая социальная опасность расценивалась как вполне реальная. Как отмечал на июльском совещании 1934 г. в ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации первый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев, на Юге России *«единоличник соблазняет менее устойчивую часть колхозников»* [8, с. 179]). Таким образом, позиции коллективных хозяйств заметно укрепились, в том числе и в казачьих регионах Юга России, а единоличных хозяйств – существенно ослабли.

К историческому рубежу середины 1930-х гг. среди казаков Юга России, особенно среди казачьей молодежи, заметно усилились проколхозные и просоветские

настроения. Они мастерски использовали власть для преодоления деструктивного импульса коллективизации и неумелого хозяйствования во многих колхозах, в частности для восстановления коневодства, которое имело военно-политическое значение. Можно говорить и об определенной причастности (через распространение произведений и реальное участие в местной жизни) к разворачиванию социально-политической кампании «за советское казачество» великого донского писателя М.А. Шолохова. Сама же эта кампания способствовала заметному укреплению межказачьего единства в рамках всего южнороссийского региона, что также подчеркивает ее военно-политическую подоплеку. Для власти было принципиально важно именно объединенное советское казачество. Это, в свою очередь, **породило в казачьей среде глубинные надежды на восстановление казачьей автономии** – в русле раннесоциалистической традиции советско-республиканского устройства. Однако подобные устремления изначально не могли быть реализованы.

Тем не менее в 1936 г. донские казаки К. Крючок, Маляхов, Самсонов (в источнике указываются только лишь фамилии. – А. С.) написали И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову и С.М. Буденному письмо, в котором благодарили «вождей» за проказахьи постановления и обещали верно служить советской власти: *«Шлём пламенный привет и Великую любовную благодарность [за] постановления [о] Красной казацкой военной службе. Мы обещаемся и будем при всяких попытках буржуазии защищать наш Советской Союз стойко и крепко и ни одной минуты не бросим в неопоре»*. Казалось бы, обычное верноподданническое послание, однако после всех благодарностей и заверений в верности казаки написали нечто крамольное: *«Просим организовать между нами Красно-Казацкую Автономную Советскую Социалистическую Республику [выделено нами. – А. С.]. Дабы более нам, Красным казакам, сплотиться на отпор буржуазии, также и не быть с другими национальностями и иметь право [на автономию], как и все остальные нации. Просим и Ц.И.К. разрешить это предложение и опубликовать в газетах»*. При этом авторы письма утверждали, что это пожелание ими выражено «со слов усах казаков – донских, кубанских и *партикулярная культура являлась первостепенной задачей, а ее реальное обеспечение было невозможно без позиционирования элементов казачьей культуры. С другой стороны, сохранялись и две иные социокультурные тенденции. Усиление индустриального развития региона предопределило проникновение в казачьи станицы городской культуры или, по очень меткому выражению П.Н. Краснова, культуры “пиджачников” [10, с. 160], для которых казачье происхождение и казачья культура становились явно второстепенными по сравнению с их новым социальным позиционированием.

Проживание в численно преобладающей крестьянской среде также воздействовало на казачью культуру. В процессе культурного заимствования все чаще размывались внешние отличия казаков от крестьян. Крестьяне и казаки становились теперь частью единого социального явления – колхозного крестьянства. **Исторически закрепился и соответствующий термин – «казаки-колхозники», равнозначный другому историческому понятию – «советское казачество»**. Однако обеспечение достойного уровня культуры быта казачества Юга России в 1930-е гг. оказалось серьезной социально-экономической проблемой. Ее главной причиной выступал кризис колхозной экономики, ставший прямым следствием форсированной коллективизации. С другой стороны, казачество – это не только однажды исторически достигнутый результат, но и социальная задача, которая должна решаться снова и снова. Это и специфический

тип мировоззрения, и образ жизни, который формируется в процессе жизни внутри сообщества и в отношениях внутри своей семьи и с соседями, с земляками-односельцами, представителями других народов и социальными группами. Птица видна по полету, говорит старая пословица. Вот так же и казаки узнавались и узнаются по их поступкам, а эту поступок не усвоишь в один день.

В связи с этим вспоминается один из сюжетов «Поднятой целины», тот, где Семен Давыдов встречается на полевом стане одной из своих колхозных бригад с Иваном Нестеренко – секретарем райкома. Нестеренко приехал в бригаду на заре, когда утомленные пахотой колхозники (и Давыдов, пахавший вместе с ними) еще спали. Не спала только стряпуха Куприяновна, пытавшаяся раздуть костер и приготовить бригаде завтрак. Нестеренко помог кухарке разжечь костер, начистить картошки, и, в конце концов, покорила Куприяновну своей простотой и обходительностью. Поэтому, когда он, побеседовав с Давыдовым, уезжал из бригады, Куприяновна очарованно смотрела ему вслед и громко выражала свое восхищение: *«Ну, вылитый казак, да ишо старинной выправки!»*. Когда же Давыдов сказал, что Нестеренко не казак, а украинец (что являлось чистой правдой), Куприяновна «вспыхнула, как сухой порох: – Ты своей бабушке сказки рассказывай, а не мне! Я тебе точно говорю, что он истый казак! Неужто тебе глаза залепило? Его издаля по посадке угадаешь, а вблизи – по обличью, по ухватке, да и по обхождению с женщиной видеть, что он казачьей закваски, не из робких...» [11, с. 379].

Важно в данном случае не то, что Куприяновна нечаянно ошиблась, приняв «холода» Нестеренко за казака, а ее искренняя убежденность в том, что настоящего казака, будь он хоть колхозник, хоть единоличник, хоть красноармеец можно отличить от русского или украинца по стилю поведения, манере общения и т.д. Точно такая же убежденность в своей особости, непохожести на иногородних оставалась присуща в 1930-х гг. и многим колхозникам-казакам Дона, Кубани и Ставрополья.

Вопреки расхожим суждениям, рассказывания как целенаправленной политики советской власти по поголовному уничтожению казачества в годы коллективизации не было. Дискретность данной стратегии большевиков в отношении казачества очевидна. Попытки развернуть такую политическую стратегию в целом ряде антиказацких акций в ходе коллективизации на Юге России по большому счету не увенчались успехом. Мы нисколько не отрицаем известный исторический сюжет о «чернодосочных станицах» и иных подобных разномасштабных историях, но и не склонны преувеличивать их значение. Свой авторский ответ мы уже опубликовали [12, с. 74–82].

Устремлениям власти предрешающих превратить казачество в социального аутсайдера не суждено было сбыться. Казачество по-прежнему ментально обособлялось и тяготело к своим историческим корням, в значительной мере преодолевая внутриказацкие разногласия. А с началом кампании «за советское казачество» прослеживается **историческая тенденция консолидации казачества в рамках общности колхозного крестьянства**. Казаков в обиходе так и называли – «казаки-колхозники». Вопрос о том, была ли это социальная эксклюзия, пока остается открытым. Насколько казачество смогло вернуть утраченные позиции? Очевидно, что такая тенденция четко обозначилась. Было ли советское казачество человеческой и/или большевистской иллюзией? И да, и нет. Да, власть стремилась создать такую общность, закономерно рассчитывая в рамках предлагаемой идеологической конструкции решать свои насущные социально-политические задачи. Большинство

казаков действительно, говоря языком того исторического времени, повернулось лицом в сторону советской власти. Однако это вовсе не дает повода опровергать или отрицать факты репрессирования части казачества и во второй половине 1930-х гг. Реадаптация казачества к новым историческим условиям означала, что оно выполняло жизненно важные для общества и государства социальные функции. Глубокое изучение архивных материалов позволили автору доказать в ряде работ историческую документальность произведений известного российского и донского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе М.А. Шолохова [13, с. 135–137]. А это, в свою очередь, дает нам возможность утверждать исключительную важность использования в научном поиске историко-литературоведческого анализа (**метода «говорящего мегатекста»**) в качестве теоретико-познавательного способа изучения южнороссийского казачества.

Отдельного упоминания в **эпистемологической составляющей** регионоведческого исторического знания о южнороссийском казачестве заслуживает такой теоретико-познавательный подход, как создание новых исторических образов в познании изучаемого явления. К сожалению, в исторической литературе сложилось немало исторических стереотипов, не отражающих социальную реальность. Например, в отношении исследуемого нами исторического периода 1930-х гг. долгое время господствовал исторический образ южнороссийского казачества как исчезающего исторического явления в результате политики расказачивания. По этой логике казачество после Гражданской войны должно было практически исчезнуть. Долгое время муссировался концепт о некоем латентном расказачивании. Кампания «за советское казачество», развернувшаяся с середины 1930-х гг., не воспринималась исследователями всерьез и упоминалась как некий совершенно частный исторический сюжет на фоне доминирования генеральной линии большевистской партии, проводящей целенаправленную политику расказачивания в казачьих регионах. Именно этот исторический образ (устоявшийся стереотип) мы и пытаемся опровергнуть в своих конкретно-исторических исследованиях.

Мы предлагаем для российской историографии новый исторический образ казачества, в большинстве своем признавшего советскую власть и получившего в 1930-е гг. партийно-государственную поддержку. Отсюда и происходит **устойчивый исторический миф об исчезновении казачества в изучаемый период**. Однако наивно думать, что тогда существовал единственный исторический образ южнороссийского казачества. В казачьей среде оставалось немало скрытых противников советской власти (причем не только бывших активных участников белоповстанческого движения), допускавших даже вероятность успешной иностранной военной интервенции против СССР. Именно из их числа позже в годы Великой Отечественной войны появились казаки-коллаборационисты. Исторический образ скрытых противников советской власти мы также показываем в ряде своих работ, в частности [14, с. 131, 135–145; 15, с. 72–76]. Мы обращаемся к историческому образу казаков-эмигрантов, часть из которых с новыми надеждами вернулась на свою малую родину в 1920-х гг., а уже в 1930-х гг. попала под политические репрессии. Это отдельный сюжет, отчасти уже нашедший своего исследователя [16], рассмотренный на уровне докторской диссертации [17] и весьма примечательный в локусе судебных отдельных казаков-реэмигрантов [18, с. 276–303]. Не менее интересен для нас исторический образ «красных партизан», т.е. тех казаков, которые в тылу бе-

лых армий пытались по-своему воевать за советскую власть. Бывшие красные партизаны пользовались некоторыми привилегиями и в 1930-е гг. (см. подробнее: [19, с. 104–114]).

Действительно, репрессии против казаков Юга России продолжались до конца 1930-х гг. и даже после Великой Отечественной войны. В частности, кубанские казаки из станицы Новолеушковской, воспоминания которых положил в основу своей монографии В.К. Панфилец, отмечали, что даже в ходе кампании «за советское казачество» «аресты не прекратились»; «врагов народа» среди станичников «находили вплоть до 1950[-го] года» [20, с. 119].

Справедливости ради надо подчеркнуть, что не всегда факт службы в белой армии мог нанести непоправимый вред казаку-колхознику, так как учитывались и его заслуги на поприще «колхозного строительства». Например, Вешенский райком ВКП(б) в феврале 1936 г. рассмотрел дело С.Г. Попова, местного уроженца, сына «казака-каменьщика» хутора Кочетового. Члены райкома констатировали, что во время Гражданской войны Попова дважды мобилизовали в состав белоказачьих формирований, но с декабря 1919 г. он связал свою судьбу с Красной армией, затем – с милицией. С 1924 по 1928 г. работал председателем комбеда, принял активное участие в коллективизации, и в 1933 г. стал председателем Терновского колхоза. Он пробыл на этой должности до 1934 г., когда его исключили из компартии «за вредительское отношение по уходу за скотом и срыв весеннего сева». Далее члены райкома отмечали, что вскоре Попова восстановили в партийных рядах «в связи с тем, что обвинение во вредительстве и срыве сева ни на чем не обосновано» (иными словами, сына «казака-каменьщика», вероятно, оклеветали). Попова восстановили и в прежней должности, причем он сумел вывести вверенный ему колхоз в число передовых. Учитывая тот факт, что Попов никогда не скрывал своей службы в белой армии, члены Вешенского райкома охарактеризовали его как «преданного, добросовестного работника», решили утвердить восстановление его в ВКП(б) и просить Азово-Черноморский крайком компартии выдать ему партийный билет [21, л. 46–47].

Пример С.Г. Попова, который не является единичным, лишний раз доказывает, что в основе большевистской политики по отношению к казачеству лежали все же классовые, а не узкосословные принципы. Если казак имел устраивающее большевистский режим социальное происхождение, не отличался особой антисоветской активностью во время Гражданской войны и не являлся непримиримым врагом советского устройства в последующие годы, он мог рассчитывать на доброжелательное отношение к себе со стороны властей. Напротив, «классово-чуждые» казаки считались объектами репрессий. Другое дело, что классовые принципы часто игнорировались местными руководителями и активистами, негативно настроенными по отношению к казакам.

Социокультурная составляющая регионоведческого исторического знания о южнороссийском казачестве сопряжена с культурной трансформацией казачества, когда оно из преимущественно военно-служилого сословия Российской империи превращается в 1930-е гг. в часть колхозного крестьянства, имеющего особое отношение к воинской службе. На протяжении 1930-х гг. **казачьи станицы Дона, Кубани и Терека прошли в своем развитии два этапа**, в рамках которых господствовали прямо противоположные тенденции культуры и быта. Во время первого этапа (первая половина 1930-х гг.) доминировали негативные тенденции, возник-

шие как прямое следствие коллективизации и выражавшиеся в резком сокращении продовольствия и ухудшении его качества, потребляемого казаками, разрушении казачьих станиц, и т.д.

Напротив, во второй половине 1930-х гг. в результате общего организационно-хозяйственного укрепления колхозной системы, а также вследствие кампании «за советское казачество» в сфере быта и культуры хуторов и станиц Юга России возобладали позитивные тенденции: улучшилось материальное обеспечение колхозников; активно создавались сельские учреждения культуры, просвещения, образования, здравоохранения и пр. Разность двух указанных этапов развития коллективизированной казачьей станицы Юга России необходимо в полной мере учитывать при освещении структур и сфер повседневности казачества на протяжении рассматриваемого десятилетия. Речь идет, прежде всего, о таких областях, как материальное обеспечение (пища, одежда, обувь, предметы быта), внешний облик и социальная инфраструктура казачьих станиц, культурные традиции (и новации) казачества.

В обозначенный период можно выделить различные аспекты изменений казачьей повседневности. Причем мы не склонны акцентировать внимание исключительно на положительных изменениях, произошедших в жизни донских, кубанских и терских казаков в период «колхозного строительства». Осмысление проблемы культурно-бытового обустройства казачьих станиц Юга России в 1930-х гг. – это вполне самостоятельный исторический сюжет. Характерной тенденцией стал большой вклад в развитие систем сельского образования, просвещения, здравоохранения, бытового и культурного обслуживания, который внесло не столько государство, сколько колхозы которые часто на собственные средства строили и ремонтировали школы, библиотеки, избы-читальни, клубы, дома культуры, амбулатории и пр. **Именно в коллективизированной деревне Юга России удалось создать развитую систему социальной помощи и здравоохранения**, как отмечает Т.А. Самсоненко [22]. В результате совокупных усилий государства и колхозов казачьи станицы Юга России во второй половине 1930-х гг. заметно преобразились, при этом в быту, одежде, говоре сохранились характерные черты казачьей традиции.

Однако нельзя умолчать о такой трагической странице в казачьих станицах, как Великий голод 1932–1933 гг. В этот период, по неполным данным, в Северо-Кавказском крае смертность втрое превышала рождаемость (416,7 тыс. умерших против 138,9 тыс. родившихся), а избыточная смертность в крае составила 350 тыс. человек [23, с. 3; 24, с. 58]. Повышенный уровень смертности из-за голода отмечался именно в сельской местности, поскольку единоличники и колхозники отдавали государству последний хлеб и при этом не могли надеяться на нормированное снабжение по карточкам, как горожане. На Юге России особенно пострадали кубанские **«чернодосочные станицы»**. В те суровые годы на партийно-большевистском языке вместо слова «голод» использовался эвфемизм «продовольственные затруднения».

Быт и культура южнороссийского казачества исторически были ориентированы на укрепление национального самосознания и поддержание православной системы ценностей. В силу постоянной вовлеченности в военную службу казаки остро ощущали свою роль в защите не абстрактных государственных позиций, а вполне определенных родных ценностей, суверенитета культурно-этнических традиций. Религиозная практика оставалась значимой частью повседневной жизни: казаки не стыдились ходить в храмы, учить православию своих детей. Поэтому они действительно знали,

что именно они защищают даже вдали от родной земли. Для них было важно в условиях постоянного военного служения Отечеству не потерять то, что изначально заложено в казачьей духовной и культурной традиции, не поддаться на иные соблазны. Казаки готовились отдать свою жизнь во славу Отечества и большинство из них носили на груди ладанку с щепоткой родной земли, крест или иконку (складень), веря, что это хранит их. Эти ценности казачества советская власть в рамках политики секуляризации стремилась изменить, ослабить, сломать духовную опору, что стало одной из причин массового неприятия новой власти среди казаков, а значительная часть казачества выступила на стороне Белого движения.

Экономико-хозяйственная составляющая регионоведческого исторического знания о южнороссийском казачестве в период конца 1920-х – 1930-х гг. связана с одновременным существованием целого ряда социально-экономических укладов в колхозной деревне, отражающих социальную многомерность казачьего сообщества. При этом **для южнороссийского казачества важно было сохранить именно иные уклады, кроме колхозного.** Отчасти оно лелеяло надежды на какой-то вероятностный откат к прошлой жизни, отчасти таким образом поддерживало относительное материальное благополучие, отчасти это давало возможность некоторой хозяйственной самостоятельности в условиях господства колхозной системы. В романе «Поднятая целина» М.А. Шолохов талантливо описал такой тип настоящего хозяина, «сеятеля и хранителя» в образе Якова Лукича Островнова: «...вернулся я в двадцатом году из отступа. У Черного моря осталось две пары коней и все добро. Вернулся к голому куреню. С этих пор работал день и ночь. Продразверсткой в первый раз обидели товарищи: забрали все зерно под гребло. А потом этим обидам и счет я потерял. Хоть счет-то им и можно произвести: обидют и квиток выпишут, чтоб не был... Вот они тут, квитки об том, что сдавал в двадцать первом году: а сдавал и хлеб, и мясу, и маслу, и кожи, и шерсть, и птицу, и целыми быками водил в заготконтору. А вот это окладные листы по единому сельскому налогу, по самооблогу и опять же квитки за страховку... И за дым из трубы платил, и за то, что скотина живая на базу стоит... Скоро этих бумажек мешок набираю... Словом..., жил я – сам возля земли кормился и других возле себя кормил. Хоть и не раз шкуру с меня сымали, а я опять же ею обрастал... Стал я к агрономам прислухаться, начал за землей ходить, как за хворой бабой. Кукуруза у меня первая в хуторе, урожай лучше всех. Я и зерно протравливал, и снегозадержание делал. Сеял яровые только по зяби без весновспашки, пары у меня всегда первые. Словом, стал культурный хозяин и об этом имею похвальный лист от окружного ЗУ, от земельного, словом, управления» [11, с. 17]. И таких, как Яков Островнов, в казачьей среде «культурников» было немало.

В условиях колхозной системы существовало, помимо нее самой, два довольно мощных социально-экономических уклада. Это личные подсобные хозяйства казаков-колхозников и единоличные хозяйства казаков, которые, в свою очередь, имели внутреннюю экономическую дифференциацию. Здесь мы поддерживаем теоретико-методологическую позицию В.А. Бондарева. Личные подсобные хозяйства казаков-колхозников подразделялись на два экономико-хозяйственных варианта: хозяйства натурально-потребительного типа и хозяйства мелкотоварного типа. Среди единоличных хозяйств казаков-колхозников выделялись: хозяйства потребительского типа, хозяйства наемно-батрацкого типа, мелкотоварные (предпринимательско-производящего, «универсального» типа

и садово-огороднического типа), хозяйства примитивно-коммерческого типа [7, с. 314–315, с. 397–399]. Отталкиваясь от позиции нашего коллеги и ученика (специально не рассматривая поэтому некоторые экономико-хозяйственные проблемы) и подчеркивая социальную многомерность казачьего сообщества, мы выстраиваем исследовательский алгоритм раскрытия данного и иных тематически близких сюжетов, приращивая историческое знание в обозначенном направлении.

Надо ли говорить, что в 1930-е гг. развернулась настоящая **борьба за сохранение единоличного хозяйства** как одного из оплотов прежней жизни казачества. Власть называла это борьбой с кулачеством, хотя большинство объявляемых ею кулаками таковыми по своей сути не являлись. Часть бедняцких и середняцких хозяйств казаков, как только определились с поземельными отношениями, стали в 1920-е гг. подниматься. Да так, что коллективизация им была не нужна, поскольку они не только могли прокормить себя сами, но и оказались готовы поставлять хлеб на рынок. И даже в 1930-е гг. часть личных подсобных хозяйств казаков-колхозников вполне благополучно могла существовать без колхозов, если бы жестко и часто не применялось внеэкономическое принуждение. Например, нормы мясопоставок на 1934 г. устанавливались Северо-Кавказским крайкомом ВКП(б) по Обливскому району выше в 3 раза, а для тех, кого признавали в районе кулаком, нормы повышали почти в 6 раз, по сравнению с колхозным двором, так как кулак имел свою ферму по выращиванию скота [25, л. 29].

Вовсе не случайно в «Поднятой целине» бывший «красный партизан» Тит Бородин характеризуется его соратниками Нагульновым и Разметновым, хотя и с ноткой сострадания, но в целом негативно: *«Будучи бедняцкого рода, сражался стойко... [Но] зубами, как кобель в падлу, вцепился в хозяйство, возвратившись домой... И начал богатеть, несмотря на наши предупреждения. Работал день и ночь, оброс весь дикой шерстью, в одних холстинных штанах зиму и лето исхаживал. Нажил три пары быков и грызть от тяжелого подъема разных тяжестей, и все ему было мало!»* [11, с. 28]. Внимательный М.А. Шолохов талантливо описывает в своих произведениях окружающую его действительность, и позиция представителей местной администрации хутора Гремячий Лог по отношению к Титу Бородину ничуть им не выдумана. Трагедия страны и, в частности, трагедия многих красных партизан, подобных Бородину, заключалась именно в том, что большевики, стремясь к достижению социальной справедливости, избрали изначально прямой (но отчасти тупиковый) путь – стали сгонять всех казаков в колхозы и уравнивать. Выигрывали при этом исключительно те, кто ничего не имел. Насильственный земельный и имущественный передел правящая партия назвала коллективизацией и классовой борьбой в деревне, и именно эти понятия надолго закрепились в отечественной историографии, сохранившись до наших дней. Поскольку казачество по социальной природе оказалось более зажиточным, классовая борьба развертывалась здесь с особой силой. В результате беднота получила новые возможности и привилегии, а настоящий трудовой элемент казачьих станиц оказался в социальном болоте, целенаправленно созданном для казаков новой советской властью.

Трагедия южнороссийского казачества во многом была обусловлена тем, что меры по коллективизации реализовывались форсированными темпами и охватывали сельскую местность без учета локальных особенностей, в том числе специфики казачьих районов. Кампания «за советское казачество» стала одним из инструментов корректировки курса: она способствовала смягчению наиболее острых

перегибов в проведении коллективизации, а также политики социальной «уравниловки». В этот период были предприняты меры, направленные на интеграцию казачества в советскую систему, что отражало заинтересованность власти в сохранении казачества.

Политико-управленческая составляющая регионоведческого исторического знания о южнороссийском казачестве позволяет интерпретировать для настоящего исследования ряд вопросов властеотношений, характерных для казачьих регионов Юга России. Это и наличие представителей казачества в органах власти в 1930-е гг., и сохранение некоторых элементов традиционного казачьего самоуправления (казачьей общинности). При этом социально-политическую ситуацию 1930-х гг. невозможно понять, не принимая во внимание общественно-политическое развитие казачьих регионов Юга России в 1920-е гг. Для южнороссийского казачества **эти процессы распадаются на отдельные пятилетия**. Если в первой половине 1920-х гг. шло мягкое вытеснение казачества из органов власти в ходе советизации, велась политика умиротворения казачьего населения, то во второй половине 1920-х гг. общепартийная политика «лицом к деревне» на Северном Кавказе приобретала социально-политическое звучание «лицом к казачеству». Дело дошло даже до того, что казаки в ряде станиц стали вновь притеснять иногородних в поземельных отношениях, почувствовав некоторый откат в аграрной политике властей. Как докладывал 17 мая 1928 г. инспектор кавалерии РККА, член Реввоенсовета СССР С.М. Буденный народному комиссару РККА по военным и морским делам и председателю Реввоенсовета СССР К.Е. Ворошилову, *«в 1926 году казаки Кочетовской станицы поехали на юртовую землю, требовать от “хохлов” (иногородних) аренду за землю, требуя срочной выплаты, начиная с 1919 года, но “хохлы”, вместо денег, избили казаков вилами. Наряду с этим возникли и другие затруднения для работников на местах. Как только на вывесках Советов появились слова и “казачьих депутатов”, так возник вопрос, как же называть общественный сход. Если последний состоит из казаков и иногородних, а если собравшихся при открытии собрания назвать казаками, то обидятся иногородние, а если назвать иногородними, то обидятся казаки, главное казаки не желают, чтобы их называли гражданами и товарищами»* [26, л. 23]. В целом социально-экономическое положение казачьих хозяйств значительно улучшилось. Казаки во второй половине 1920-х гг. вновь вернулись к традиционной военной службе в кавалерийских частях, хотя воинские формирования, где они тогда служили, казачьими пока еще не назывались.

Рубежным моментом становится выход постановления бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) **«О работе среди казачьего населения Северного Кавказа»**, которое было **принято в апреле 1930 г.** и опубликовано в номере газеты «Молот» от 27 апреля 1930 г. [27]. Заметим, разработка казачьей проколхозной политики в округах Северо-Кавказского края велась задолго до появления этого документа. Власть сделала попытку привлечь казачество к колхозному строительству: выдвигать казаков в правления колхозов, пропагандировать смычку бедняцких и середняцких слоев казачества. Проводилась вполне определенная политика социального раскола, использования одних казаков на своей большевистской стороне против других казаков, так же как и в годы Гражданской войны. Однако моментально создать советское трудовое казачество, отделив от него антисоветские элементы, так и не получилось, и власть вновь применила репрессии, под которые казачество

попало вместе со всем крестьянством, а не как-то обособленно, на чем настаивают приверженцы квазитеории о «геноциде казачества».

Уже **во второй половине 1935 г.** в условиях надвигающейся Второй мировой войны **большевистская партия и советская власть спонтанно готовят и разворачивают широкомасштабную социально-политическую кампанию «за советское казачество».** В ней уже нет каких-либо новых попыток как-то расколоть казачество, привлечь на свою сторону лишь какую-то одну его часть. Для данной политической кампании все казачество теперь исключительно советское, колхозное, «наше» казачество, а другого и быть не может (хотя, заметим, в реальной жизни среди казачества никогда не было 100 % числа сторонников советской власти). Кампания предопределила отношение власти к казачеству во второй половине 1930-х гг. Обратим внимание, речь идет об одних и тех же людях, ведь за такой короткий срок полной смены поколений не произошло. Но изменилась социально-политическая ситуация.

Таким образом, **во властных отношениях казачества с советской властью можно выделить три модели:** воспроизводственную, конъюнктурную и новационную. В 1920-е гг. казачество восстанавливало свой экономический потенциал, что было выгодно в определенной мере и власти, поэтому стороны пришли к относительному примирению. Однако в конце 1920-х гг. политическая конъюнктура меняется и власть жестко расставляет социально-классовые приоритеты. Впрочем, геостратегический потенциал казачества оказался важнее иной целесообразности, внутриполитической необходимости, даже социально-классовой обоснованности, а потому в 1935 г. разворачивается кампания «за советское казачество», так как для власти целостность южнороссийского казачества выступала залогом реализации ее государственных интересов.

Антропологический подход к изучению южнороссийского казачества сосредотачивает внимание на личности казака, знаковых чертах характера, его внутренних переживаниях в сложный исторический период 1930-х гг. Отражение конкретных судеб казаков хотя и является довольно сложной исследовательской задачей, но в нашем исследовании представлена историческая реконструкция личностных сюжетов социальной реальности.

В казачьих станицах Юга России в 1930-е гг. сосуществовали разнородные социальные группы: представители местной номенклатуры, неказачье население (обычные крестьяне) и сами казаки. При многочисленных разговорах о политике рассказывания в станицах сохранялись носители казачьих традиций – люди, не забывавшие свои казачьи корни даже в сложных социально-политических обстоятельствах, когда приходилось мимикрировать под общую подавляемую властью массу.

Авторитетные казаки были всегда и есть сейчас. Мы столкнулись со случаями, когда казаки помнили, кто у них был атаманом, через десятилетия после ликвидации атаманской власти. Так, местные жители хутора Старая Станица (Каменский район, Ростовской области) рассказывали, что в 1942–1943 гг. во время немецко-фашистской оккупации и после освобождения люди шли за советом к бывшему атаману, так как иной власти они пока не приняли и не видели, а бывший атаман «судил» по совести, помогал и словом и делом [28]. Социальная память хранила образы героических предков, в потаенных местах сберегались семейные казачьи реликвии, и едва «оттаивала» социально-политическая ситуация, казаки открыто начинали говорить о своей идентификации в новых реалиях.

И еще одно повествование из далекого прошлого. Конец Гражданской войны, через донскую станицу быстро отступает белоказачья сотня, а красные уж совсем на хвосте. Из куреня выбегает казачка с маленьким сыном на руках и бросается к казакам с криком: «Куда ж, вы? Кто ж, казаки, сына на коня посадит? Казаков в станице не осталось!...» Она буквально хватается за стремя одного казака, и вот что удивительно: он не отмахнулся. Осадил свою лошадь, посадил казачонка в седло, провел маленького всадника по маленькому кругу, подрезал отросший чуб, вручил дитя матери и помчался дальше, едва не угодив в плен [29, с. 90–93]. Вот она святость казачьей традиции...

У южнороссийского казачества в 1930-е гг. не исчезло добропорядочное отношение к таким имманентным сословно-этническим ценностям, как честь, выполнение долга, справедливость, добросовестность в отношении военной службы, казачий дух единения и братства (односумство), казачье общинное землевладение, традиционное казачье самоуправление. Это развивало самоуважение, уверенность, самостоятельную позицию в мужском коллективе, желаемую спайку социальной общности. В результате сохранялась личность казака как такового. Любопытно, что в военных билетах военнослужащих кавалерийских дивизий, несмотря на общее ухудшение взаимоотношений власти и казачьих сообществ, прямо указывалась их субэтническая принадлежность (хотя трудно судить, было ли это общим правилом). Например, в военном билете А.А. Жужнева, выданного ему Костино-Быстряным сельсоветом одного из районов Северо-Кавказского края в январе 1932 г., в графе «народность» указано – «казак» (причем в графах военного билета, где детализировалась профессиональная принадлежность военнослужащего, оказалась подчеркнута надпись «крестьянин-единоличник», а напротив нее вновь было написано «казак»). В военном билете также отмечалось, что его владелец хлебороб, беспартийный, малограмотный [30].

Этнологическая составляющая регионоведческого исторического знания о южнороссийском казачестве позволяет нам высказать ряд существенных суждений об этническом состоянии казачества, опосредованном социальными процессами. Можно предположительно выделить в качестве исследовательской гипотезы наличие в XX в. **трех казачьих исторических этносоциотипов**: 1) классическое казачество (до конца 1920-х гг.); 2) советское казачество (до начала 1990-х гг.); 3) неказачество.

Именно в 1930-е гг. сложилось советское казачество, которое признало советскую власть и/или смирилось с ней, а потому и было готово служить новому государству в разных ипостасях, в том числе в кавалерийских соединениях, осознавая свою субэтническую целостность.

Советское казачество сложилось из нескольких микрогрупп. Во-первых, казачья молодежь, не прошедшая Гражданскую войну, выросшая при новом политическом режиме, получившая от власти поддержку и не потерявшая связи с традиционной казачьей культурой. **Во-вторых**, беднейшие слои казачества и середняки, поддержавшие советскую власть, в том числе путем активного участия в кавалерийских соединениях РККА, и принявшие новый образ жизни, но не оторвавшиеся от казачьего субэтнического ядра, несмотря на известные подвижки в менталитете. **В-третьих**, местное, коренное крестьянство, для которого процессы показачивания всегда выступали сложным и весьма противоречивым явлением, но все же некоторая часть этого крестьянства непременно оказывалась готова вступить в казачье сообщество. **В-четвертых**, отдельно следует отметить социальную группу красных

партизан, устанавливавших советскую власть и знавших ее несколько иную социальную природу, нежели та модель властных отношений, что навязывали большевики в 1930-е гг.

Так, социальный опыт периода революций и Гражданской войны времен 1920-х гг. оказывал глубинное влияние на этнокультурные процессы, на формирование советского казачества. Особенно следует выделить периоды второй половины 1920-х и второй половины 1930-х гг., когда произошел явный откат советской политики в сторону казачества. Для историков очевидно, что говорить о казачестве как о некоем монолите, жестко сплоченной группе вовсе не приходится. Уместнее будет использовать сложное и непривычное понятие **«ЭТНОСОЦИОТИП»**, в котором социальная составляющая велика, когда к казачьему происхождению добавлялось мощнейшее воздействие новой социальной среды, формировавшейся в 1930-е гг.

Вот почему этнологические аспекты регионоведческого исторического знания о южнороссийском казачестве непременно должны быть существенно дополнены важными ментально-мировоззренческими сюжетами.

Ментально-мировоззренческая составляющая регионоведческого исторического знания о южнороссийском казачестве дает возможность реконструировать исторические матрицы казачьей ментальности, присущие периоду 1930-х гг. Речь идет о социально-групповых характеристиках южнороссийского казачества, тех знаковых подвижках общественного сознания, которые предопределяли развитие исследуемого многомерного исторического явления в 1930-х гг. Тем самым увеличивается число мыслительных конструктов, открывающих дополнительные научные горизонты для интерпретации исторического процесса развития южнороссийского казачества, например такой острой научной проблемы, как рассказывание. Впрочем, сразу оговоримся в 1930-е гг. радикальных изменений в казачьем менталитете не произошло.

В предлагаемой **структуре казачьего менталитета нами выделяются** пять слоев:

1) партикулярная культура (элементы частной жизни казачества, которые формируют ментальные мыслеобразы, например обычай белого платка, то есть прощения женского греха при длительном отсутствии казака в военном походе и др.);

2) духовная самость («экологическая оболочка», опосредованная казачьим мироощущением, скажем, внутренней готовностью казака постоять «за други своя»; одновременно религиозно-философская мифология, связанная с многоконфессиональностью казачества при преобладающем распространении православия, когда можно говорить о воинском типе религиозности [31, с. 17–39]);

3) социальный отклик (реакция казаков на функциональные социальные образования – политику, власть, государство, например «вооруженный нейтралитет» большинства казачества Дона в начале Гражданской войны; ожидание частью казаков иностранной военной интервенции в 1930-е гг.);

4) метасоциальный сполох (идея «третьего пути» для Дона А.М. Каледина; предложения о воссоздании казачьих советских республик в 1930-е гг.);

5) функциональная связь (состояние социальных каналов коммуникации, выраженных, например, в традиции односумства).

Кроме того, нами выделяется пять базовых архетипов казачьей ментальности для периода 1930-х гг. в истории южнороссийского казачества: 1) *патриархальный*

(семейно-бытовой, ритуальный); 2) *вероисповедальный* (духовно-нравственный, биосоциокультурный), 3) *радикальный* (политико-властный, про- и/или антироссийский); 4) *общегрупповой* (социально-консолидирующий, субэтнический), 5) *отношенческий* (межличностный, коммуникативный).

Все эти теоретические построения о ментально-мировоззренческих аспектах этнической культуры южнороссийского казачества хорошо дополняются фактурой, конкретно-историческими материалами рассматриваемого периода.

Тридцатые годы зажгли в традиционной ментальности казачества **новые «социальные звезды»**. Правда, порой сами казаки не очень понимали, о чем собственно идет речь. В этой связи примечателен сюжет, талантливо описанный М.А. Шолоховым в романе «Поднятая целина». Когда во время весеннего сева Кондрат Майданников по нормам выработки обошел всех пахарей из его бригады, Семен Давыдов, поблагодарив казаков-колхозников за хорошую работу, сказал: *«Отдельное спасибо Майданникову, так как он – самый фактический ударник!»*. Вечером, когда довольный похвалой «Кондрат уже придремал», к нему под зипун забралась жена и робко спросила, кто же такой «ударник». *«Кондрат много раз слышал это слово, но объяснить его не мог. «Надо бы у Давыдова разузнать!» – с легкой досадой подумал он. Но не растолковать жене, уронить в ее глазах свое достоинство он не мог, а потому и объяснил, как сумел: – Ударник-то? Эх, ты, дура-баба! Ударник-то? Кем... Это... Ну, как бы тебе понятней объяснить? Вот, к примеру, у винтовки есть боек, каким пистонку разбивают – его тоже самое зовут ударником. В винтовке эта штука – заглавная, без нее не стрельнешь... Так и в колхозе: ударник есть самая заглавная фигура, поняла? Ну, а зараз спи и не лезь ко мне!»* [11, с. 266].

На ряд таких «социальных звезд» мы обращаем внимание в тексте настоящей статьи, стремясь реализовать профессиональное призвание историка раскрывать исторические сюжеты в лицах.

Так, знаменитая в 1930-х гг. трактористка Канеловской МТС (Кубань) П.И. Ковардак в прессе того времени однозначно именуется кубанской казачкой. Она рассказывала на совещании передовиков по поднятию урожайности, проходившем в Москве в декабре 1935 г., о своей деятельности и производственных рекордах, и одновременно поведала собравшимся, что, помимо нее, в МТС трудятся еще семь девушек, и все они – исключительно казачки. Однако фотографам периодических изданий сама Паша Ковардак предпочитала позировать не в традиционной одежде казачки-колхозницы, а исключительно в городских нарядах, что вполне естественно для молодой девушки (она родилась в 1913 г., так что даже к исходу 1930-х гг. ей исполнилось всего лишь 27 лет). Например, во время выборов в Верховный Совет СССР в 1937 г., куда П.И. Ковардак выдвинули кандидатом, ее сфотографировали в типичном городском платье, с завитыми и уложенными по моде того времени волосами.

В изучении жизнедеятельности южнороссийского казачества нами вводится **понятие «транспериферийности»** – автономного административно-территориального образования, имеющего культурно-исторические, экономические, социально-политические особенности и устойчивые традиции относительно самостоятельного развития. В этой плоскости исследовательского интерпретационного локуса Дон, Кубань, Терек представляются синкретическими образованиями, где казачество в 1930-е гг. еще играло относительно доминирующую социальную роль, в силу определенного сохранения социально-консолидирующих начал.

С понятиями Дон, Кубань, Терек, как правило, и ассоциируются не только мыслеобразы конкретных регионов, но и три группы казачества. С этими же понятиями связываются вопросы межкультурных контактов, причем не только с горцами, но и другими социальными группами. По отношению к периоду 1930-х гг. нами рассматриваются проблемы усвоения инокультурного социального опыта внутри обозначенных транспериферийных регионов (например, красноармейцы-переселенцы на Кубани). Наличие казачества на Дону, Кубани, Тереке соответственно оказывает существенное влияние на определение приоритетов в процессе общественных преобразований. В 1930-е гг. большевики стремились нивелировать устойчивые региональные особенности казачьих территорий, но им это не удалось именно в силу транспериферийного характера Дона, Кубани и Терека.

Южнороссийское казачество представлено как многомерное историческое явление **тремя родственными и историческими взаимодействующими группами казачества**: донским, кубанским и терским. При этом в нашем исследовании не рассматривается проблема исторической номинации, поскольку изучаемые нами 1930-е гг. напрямую не связаны с вопросами происхождения и значения, роли данных групп казачества в региональной и общероссийской истории, и, соответственно, в этом контексте не требуется проводить критериальные разработки. Наоборот, в изучаемый автором исторический период три группы казачества выступали как общее социальное образование, переживавшее трудные времена, хотя и сумевшее подняться на новую историческую вершину. В нашей работе основное внимание сосредоточено на существовавших региональных отличиях развития донского, кубанского и терского казачества в 1930-е гг., насколько это позволял нам это сделать по ходу исторического повествования обобщаемый конкретно-исторический материал, что еще раз подчеркивает многомерность изучаемого исторического явления.

Южнороссийское казачество невозможно понять вне связи с природным ландшафтом, с родной землей. Эти обстоятельства в свое время предопределяли основные хозяйственные занятия казаков. Для 1930-х гг. они важны как существенные источники для реализации витальных потребностей традиционного южнорусского населения. Среда непосредственного обитания для южнороссийского казачества в 1930-е гг. по-прежнему осталась предметом для воспевания в народном фольклоре. Ею предопределялся и костюм. Земля и возможности землепользования и в 1930-е гг., несмотря на складывание колхозной системы, были для казаков весьма острым сюжетом повседневности, который влиял на их общественные настроения, отношение к новой жизни и советской власти. Переплетение интересов и потребностей, степень занятости в общественном производстве и на личном подворье, на приусадебном участке, в личном подсобном хозяйстве, иные материально-хозяйственные возможности при их раскрытии еще раз подчеркивают социальную многомерность южнороссийского казачества. Здесь свою роль играет секторальная принадлежность казачьего хозяйства к определенной отрасли сельского хозяйства (полеводство, животноводство и т.д.), природно-климатические условия для развития казачьего хозяйства (общественного и индивидуального), исходный экономический потенциал перед осуществлением коллективизации и степень его сохранения после обобществления.

История взаимодействия южнороссийского казачества с российским государством связана с попытками радикально изменить социальную сущность казаче-

ства. **В исторической науке и в социальной практике такая политика известна как рассказывание.** Причем эта политика не является политическим изобретением большевиков, относящимся исключительно к январю 1919 г. Здесь надо следовать принципу историзма. Политику рассказывания начали проводить российские правители, как минимум начиная с царя Бориса Годунова. Другое дело, что в данной политике были свои пики и последующие откаты. Для обозначения этого явления мы применяем термин «политический акционизм», объясняющий как преобладающую модель поведения самого казачества, так и действия российских властей по отношению к казачеству на определенном историческом отрезке. При этом конкретные действия мы называем **«антиказачьи акции»**, называя так, например, не целенаправленную и одобряемую сверху политику рассказывания в 1930-е гг., а недружественные исторические акты в отношении казачества. Начиная с 1919 г. большевики неоднократно разворачивали политику рассказывания в довольно жестких формах. Однако нельзя представлять весь советский период истории казачества как сплошную политику рассказывания. Были периоды в советский период истории казачества, когда от такой политической практики резко отказывались. Именно так произошло в 1930-е гг., когда развернулась масштабная кампания «за советское казачество», когда военно-политическая целесообразность перевесила исключительно социально-классовые подходы.

С другой стороны, изменение социальной сущности казачества в истории взаимодействия южнороссийского казачества с российским государством связано и с обратным вектором, с **политикой показывания, одним из теоретиков и пропагандистов** которой на Северном Кавказе выступал самый известный «красный казак» **С.М. Буденный**, хотя он по происхождению казаком и не был, но был одержим идеей о создании областей «красного казачества» и в 1928 г. предлагал: *«В законодательном порядке немедленно назвать все бывшие казачьи области, в том числе и Ставропольскую губернию, областями КРАСНОГО КАЗАЧЕСТВА, с правом всем без исключения в этих областях живущим гражданам, кроме, конечно, горских национальностей, именоваться Красными казаками»* [26, л. 21]. В этом взгляды С.М. Буденного не были оригинальны. В отдельных исторических ситуациях, когда исторический маятник настолько сильно качнулся в сторону военно-политической целесообразности использования казачества в интересах российского государства, само государство проявляло социокультурную инициативу пополнения казачьих рядов за счет иных групп населения («служилое казачество»). Российское государство не только было готово, но и настойчиво проводило «проказачьи акции», вовлекая в историческую орбиту развития казачества прежде всего российское крестьянство.

Тенденции показывания части южнороссийского населения отчетливо прослеживаются и в 1930-е гг. Так, на 18 июня 1936 г. в Ростове-на-Дону намечались краевые конноспортивные состязания, и уже в мае к городу стали подтягиваться отряды участников-казаков из разных районов Азово-Черноморского края. Во второй половине мая отряд северо-донских казаков прибыл в Новочеркасск, и среди них оказались вчерашние «иностранцы», некоторые – даже из числа немецких колонистов. Как сообщали журналисты, *«в полной казачьей форме прибыли [в Новочеркасск] Петер Богер и Фридрих Колф, колхозники немецких артелей “Сталинфельд” (Волошинский район) и “Ленинфельд” (Мальчевский район)»* [32].

Южнороссийское казачество как **многомерное историческое явление** всегда представляло собой социально-политическую силу. Наряду с этим, российское

государство долгое время целенаправленно использовало южнороссийское казачество как стратегический военный ресурс. Однако в XX в. казачество возвращает себе именно статус самостоятельной социально-политической силы, что и привело его к противостоянию с российским государством. Поэтому отслеживание общественных настроений в казачьей среде всегда было заботой российского государства. В большевистской политике и в советской истории нередко подчеркивалась реакционность казачества, казачьих верхов и т.п. Однако многомерность в интерпретации южнороссийского казачества как исторического явления состоит именно в том, что в казачьей среде прослеживались совершенно разные общественные настроения, которые вели казачество то к бунту, то к покорному сотрудничеству с властью.

В 1930-е гг., несмотря на, казалось бы, тотальное уравнивание всех жителей южнороссийской деревни и то, что большинство из них стали колхозниками или относились к колхозному крестьянству, **у южнороссийского казачества оставались свои собственные субэтнические экспектации**, главнейшей из них всегда было стремление жить и работать во имя благоденствия Отечества. Экспектации имели характер устойчивых ориентаций членов казачьих сообществ, которые оформлялись в особую группу интересов и артикулировались даже после жестких антиказачьих акций в 1930-е гг. В основе этой группы интересов лежала ролевая и нормативная регуляция социального взаимодействия казаков (в области исполнения обязанностей военной службы, повседневной военной подготовки, сохранения традиционной культуры и др.). Для них это был способ осознания и выражения своих внутренних ожиданий (например, прекращения политических преследований), сформировавшихся потребностей (скажем, службы преимущественно в кавалерии), ассоциированных целей (признания казачества как особой социальной и этнической группы), намеренно моделируемых на основе сложного комплекса групповых представлений о прошлом, настоящем и будущем, для реализации которых казаки хотели, в частности, существования казачьих частей, советских казачьих дивизий, казачьей автономии в рамках советско-республиканской традиции, сохранения присущего хозяйственному укладу, развития традиционной культуры. На протяжении 1920-х гг. казаки неоднократно уверяли правительственные органы, что казачество желает *«принести свою службу Рабоче-крестьянскому правительству на том лихом коне и [в] лихой для него форме»*. Они просили, чтобы *«воинский дух и врожденные склонности казаков к наездничеству были использованы Сов[етской] властью при призыве казачьего населения в воинские части»* [33, л. 275 об.; 34, л. 98].

Таким образом, в основе **особой группы интересов** лежит казачья традиция, поддержание которой обеспечивает самоорганизацию казачьей общности, что, в свою очередь, гарантирует порядок в общественной жизни, который создается в результате строгого и неуклонного соблюдения всем населением неписанных норм казачьей жизни. Иначе говоря, только так сохраняется уклад казачества как система жизнедеятельности казачьей корпорации. Он подразумевает, во-первых, сами выработанные веками казачьи традиции. Во-вторых, именно их соблюдение гарантирует оптимальное функционирование казачьей общности. В-третьих, несоблюдение казачьих традиций как отклонение от принятых норм и/или почтительное к ним отношение сопровождается системой наказаний и поощрений. В-четвертых,

соблюдение традиций обеспечивало процессы социальной регенерации казачества. В свою очередь, наличие особой группы интересов выступает одной из важнейших характеристик многомерности южнороссийского казачества.

Южнороссийское казачество потерпело в своей истории немало тяжелых исторических поражений, которые буквально разрушали его практически до основания: гибли многие казачьи станицы, утрачивалась традиционно заселенная территория, значительно сокращалось казачье население. Но через некоторое время казачьи бунчуки вновь поднимались ввысь, символизируя возрождение казачества. Это свидетельствует об **исторической устойчивости архетипов социальной памяти казачества**, что позволяет осуществлять историческую трансляцию казачьих образов и моделей поведения не только от поколения к поколению, но и через минимум одно поколение. Тридцатые годы прошлого века, мощная кампания «за советское казачество», несмотря на сложность общественно-политических процессов, оставили социальные мосты именно для такой связи.

В целом представляется возможным заключить, что особенности тактического курса большевиков в отношении казачества в 1930-х гг. непосредственно повлияли на состояние источниковой базы и историографии проблемы жизнедеятельности донского, кубанского, терского казачьих сообществ в условиях «колхозного строительства». В документах и литературе первой половины 1930-х гг. о казаках содержится минимум упоминаний, и ситуация меняется на прямо противоположную лишь во второй половине указанного десятилетия. Данное обстоятельство затрудняет анализ вопросов казачьей истории 1930-х гг. Не способствовало адекватному освещению жизни и деятельности казачества господство в исторической науке советского периода идеологических догм и марксистского подхода. В этой связи ощущается необходимость проводить анализ указанной проблемы с позиций новых теоретико-методологических подходов, одним из которых является авторская частно-историческая теория о многомерности казачества Юга России 1930-х гг., которую мы и представили в настоящей статье.

Профессиональным историкам-казаковедам давно известно, что, по данным переписи 1926 г., в пределах Северо-Кавказского края проживало 2301,9 тыс. казаков (27,5 % всего населения, в том числе 32 % сельского и 10,5 % городского). Выделение категории «казак» в 1926 г. инициировали местные статистические органы Северо-Кавказского края. Они делали это с практической целью – для дальнейшего районирования региона с учетом казачьего фактора. Однако определить точное количество казаков можно лишь оценочно, так как перепись 1926 г. не показала полной численности казаков на тот момент. Это произошло из-за того, что к этому времени исторические казачьи регионы были искусственно разделены, и не во всех из них осуществлялся учет казаков.

С другой стороны, теоретическое осмысление исторического развития такой многочисленной группы населения в 1930-е гг. важно для понимания влияния советского периода на историю казачества, без чего невозможно обстоятельно вести разговор о казачестве в наши дни. Не менее актуальны для научного исторического описания **социальные практики** кампании «за советское казачество», о которых речь пойдет далее.

II. Социальные практики кампании «за советское казачество»

В целом кампания «за советское казачество» имела пять направлений:

- 1) пропаганда позитивного образа советского колхозного казачества;
- 2) использование трудового потенциала казаков в хозяйственном строительстве;
- 3) реорганизация частей РККА в казачьи кавалерийские соединения;
- 4) усиление военно-патриотического воспитания казачьей молодежи и поддержка движения «ворошиловских кавалеристов»;
- 5) сохранение и развитие культурных традиций казачества.

К сожалению, многие историки и публицисты сегодня пишут и говорят об этой кампании только в плане создания казачьих частей, однако в этот период произошел разворот советской власти к проблемам казачества. В этот период «звание казака» перестало быть званием, «которого чураются, его с гордостью носят казаки-колхозники. И не может быть сомнения в том, что советское казачество, вставшее на путь колхозов и показывающее образцы колхозного труда, покажет образцы героизма и отваги на полях сражений, в рядах рабоче-крестьянской Красной армии, если враги нападут на нашу родину. В разгромах вражеских армий острой казачьей шашке да меткой казачьей пуле найдется работа». Казачьи регионы Юга России начали соревноваться, где казаки лучше работают, «боролись за лучшее выполнение и перевыполнение государственных производственных программ, за решительное “улучшение дела коневодства”» [35].

Северо-Кавказский крайком ВКП(б) и крайисполком 23 марта 1936 г. приняли постановление «О краевом народном празднике в связи с предстоящим приездом в Пятигорск казаков Дона и Кубани», согласно которому в крае на 6 мая 1936 г. намечалось проведение торжеств, не менее пышных, чем те, что состоялись неделю назад в Ростове-на-Дону. И они прошли успешно. При этом Северо-Кавказское краевое руководство не забывало не только о пропагандистской, но и о практической стороне праздника: «Подготовку к этому празднику провести под знаком широкого развития стахановского движения в сельском хозяйстве и промышленности края, широкого развития социалистического соревнования между промышленными предприятиями, совхозами, МТС и колхозами края за лучшее выполнение и перевыполнение производственных программ, учитывая, что на праздник будут приглашены лишь лучшие представители победивших в соревновании предприятий, совхозов, МТС и колхозов». Кроме того, в постановлении содержались и вполне ожидаемые строки: «особое внимание во всей организации подготовки к празднику должно быть уделено решительному улучшению всего дела коневодства в крае» [35].

23 апреля 1936 г. приказом Наркомом обороны К.Е. Ворошилова в Красной армии воссоздаются казачьи части и статус «казачьих» присваивается нескольким территориальным дивизиям. 10-я территориальная кавалерийская Ставропольская дивизия отныне называлась «10-й Терско-Ставропольской территориальной казачьей дивизией». 12-я территориальная кавалерийская дивизия, расположенная на Кубани, стала именоваться «12-й Кубанской территориальной казачьей дивизией». На Дону появилась еще одна территориальная дивизия – 13-я Донская казачья. Командиром 13-й Донской казачьей территориальной дивизии стал комбриг

Дмитрий Иванович Рябышев, донской казак хутора Колотовка Цимлянской станицы. Дивизии объединялись в 4-м казачьем кавалерийском корпусе.

Любимые кавалерийские дивизии И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова и С.М. Буденного, входившие ранее в 1-ю Конную армию, объявили «казачьими». 4-я кавалерийская Ленинградская Краснознаменная дивизия имени К.Е. Ворошилова теперь называлась 4-я Донская казачья ордена Ленина Краснознаменная ордена Красной Звезды дивизия имени товарища Ворошилова. В момент переименования ею командовал комбриг Г.К. Жуков (с 26 марта 1933 г. по 22 июля 1937 г.). А 6-ю кавалерийскую Чонгарскую Краснознаменную дивизию имени С.М. Буденного переименовали в 6-ю казачью кавалерийскую Кубанско-Терскую Чонгарскую ордена Ленина трижды Краснознаменную ордена Красной Звезды дивизию имени С.М. Буденного. Она вошла вместе с 36-й кавалерийской ордена Ленина Краснознаменной ордена Красной Звезды дивизией имени товарища Сталина в состав 6-го казачьего кавалерийского корпуса имени И.В. Сталина, который дислоцировался в Белорусском военном округе, а в первой половине 1938 г. корпусом командовал опять же будущий маршал Победы, комдив Г.К. Жуков, ставший комкором с 31 июля 1939 г. во время боев на Халхин-Голе.

Кампания «за советское казачество» способствовала развертыванию военно-патриотического воспитания казачьей молодежи. Наиболее ярко **это проявилось в движении «ворошиловских кавалеристов».** Инициаторами этого движения на Юге России стали молодые казаки из колхоза «Донской скакун» Тарасовского района Северо-Донского округа Азово-Черноморского края. В конце 1935 г. они обратились с призывом «ко всем сельским комсомольцам и молодежи Советского Союза» создавать в колхозах и совхозах конноспортивные кружки и клубы «ворошиловских кавалеристов», чтобы дать вооруженным силам страны заранее подготовленных новобранцев. *«Коней для обороны мы готовим, а за людей еще не взяли. Сесть на коня и пустить его вскачь – это каждый может, – писали в своем обращении молодые казаки Тарасовского района. – Но мы хотим, чтобы каждый комсомолец, каждый молодой колхозник умел по-ворошиловски стрелять и по-ворошиловски, по-буденновски конем управлять, чтобы знал подход к лошади, правильную кавалерийскую седловку, посадку, умел бы на коне владеть оружием, умел бы сохранить силы коня в большом походе»* [36]. 2 июня 1936 г. утвердили отличительный значок кавалеристов Осоавиахима – «Ворошиловский всадник». В целом по стране в 1936 г. числилось уже свыше 10 000 «ворошиловских всадников» – практически готовый личный состав для двух-трех кавалерийских дивизий. В 1940 г. в Новочеркасске на ипподроме (ныне – городской микрорайон Черемушки) прошли III Всесоюзные конноспортивные соревнования Осоавиахима СССР.

Эта молодежная инициатива попала на благодатную почву, принесла ничем не примечательному колхозу «Донской скакун» всесоюзную известность и определенные экономические выгоды. Колхоз «Донской скакун» Красновского сельсовета Тарасовского района упоминается в источниках уже весной 1930 г., когда его возглавлял двадцатипятилетний Петр Корнеевич Космачевский. Судя по содержанию документов, колхоз ни в лучшую, ни в худшую сторону не выделялся среди других коллективных хозяйств. Сам Космачевский так описывал ситуацию в подчиненном ему хозяйстве: *«С [партийной] ячейкой и С[ельским]/советом увязка не особенно, председатель С/совета берет самовольно колхозных лошадей, пугает арестом, с кормом дело обстоит плохо, нет счетных работников,*

состав правления удовлетворительный, агрономов нет, общий план составлен, до двора не доведен» [37, л. 22]. Однако после предложений молодых колхозников развернуть движение «ворошиловских кавалеристов» «Донской скакун» оказался в центре внимания властей, которые попытались превратить его в образцовое хозяйство и с этой целью стали оказывать ему необходимую помощь и поддержку. Так, табун колхоза пополнили породистыми жеребцами, руководство хозяйства получило возможность отремонтировать фермы и улучшить содержание конского поголовья. В марте 1936 г. Северо-Донской окружком ВКП(б) снял с работы начальника окружного конуправления Комарова *«как несправляющегося с работой и за нетактические поступки в колхозе “Донской скакун”»* [38, л. 109]. Азово-Черноморский крайком ВКП(б), а за ним и Северо-Донской окружком ВКП(б), весной 1936 г. отменили решения Тарасовского райкома (принятые еще в июне и ноябре 1935 г.) о снятии И.И. Хромушина с поста председателя колхоза «Донской скакун» и об исключении его из партии (видимо, гонения на Хромушина начались после того, как его отца объявили кулаком; к такому выводу приводит знакомство с решением краевого и окружного руководства о восстановлении Хромушина-старшего в избирательных правах и возвращении ему конфискованного имущества) [39, л. 79 об., 80, 92]. Ростовский обком ВКП(б) на бюро 16 октября 1937 г. также уделил время проблемам «Донского скакуна», заслушав письмо колхозника-орденоносца, табунщика Василия Евсеевича Манохина «о непорядках в колхозе» [40, л. 288]. Что очень примечательно, то в 1936 г. его наградили орденом Ленина не только за выдающиеся успехи в труде, но и за активное участие в борьбе с неграмотностью.

Инициатива казачьей молодежи колхоза «Донской скакун» о создании клуба «ворошиловских кавалеристов» получила полное одобрение в специальном постановлении Азово-Черноморского крайкома ВКП(б), где молодежь Дона и Кубани призывалась последовать примеру молодых колхозников Тарасовского района [41, с. 118]. Первыми на прозвучавший призыв тарасовцев откликнулись комсомольцы Константиновского района Азово-Черноморского края. Местный райком ВЛКСМ принял решение создать клубы «ворошиловских кавалеристов» в двух колхозах – «Красный путиловец» и имени Ф.Э. Дзержинского [36]. Затем подобные клубы стали создаваться в самых разных районах и коллективных хозяйствах Азово-Черноморья.

Не остался в стороне от инициативы и Северо-Кавказский край. Здесь на призыв молодежи колхоза «Донской скакун» первыми откликнулись бригадир комсомольско-молодежной бригады А. Кантемиров, организовавший первый в крае конноспортивный «кружок джигитов», и 18-летняя комсомолка, кавалер ордена Ленина (получила высокую награду как звеньевая за рекордный урожай кукурузы в 100 центнеров с гектара) Биля Шухибовна Мисостишхова (1918–1970), создавшая клуб «ворошиловских всадниц» и ставшая его председателем в селении Псыгансу Урванского района Кабардино-Балкарии. Под руководством Били Мисостишховой 60 девушек совершили уникальный конный пробег до Пятигорска и обратно (заметим, это по дороге примерно 114–115 километров в одну сторону). Северо-Кавказский крайком ВКП(б) 13 февраля 1936 г. принял специальное постановление, в котором одобрял инициативу Кантемирова и Мисостишховой, давая понять молодежи Северного Кавказа, что занятия конным спортом будут только приветствоваться представителями власти [42].

Вышестоящее руководство, озабоченное повышением обороноспособности Советского Союза, ввиду неизбежной войны с капиталистическим миром, также пол-

ностью одобрило молодежное движение за овладение искусством верховой езды и приемами ведения боя в конном строю. 31 января 1936 г. в поддержку движения «ворошиловских кавалеристов» высказался такой известный (буквально легендарный) в СССР и особенно на Юге России человек, как маршал С.М. Буденный [43]. Отнюдь не случайно участников движения «ворошиловских кавалеристов» 20 февраля 1936 г. приветствовал начальник Генерального штаба РККА маршал А.И. Егоров, указывавший, что *«это движение, начатое по инициативе самих масс и возглавляемое Азово-Черноморским крайкомом партии, является могучим залогом в деле укрепления обороноспособности нашей страны»* [44].

Наиболее же сильный импульс процессам создания, развития и функционирования клубов «ворошиловских кавалеристов» дала кампания «за советское казачество». Как мы уже отмечали, первоначально участие и роль казаков в движении «ворошиловских всадников» не афишировалась. Но именно **казаки, с их военно-патриотическими традициями, являлись главной движущей силой при создании клубов «ворошиловских кавалеристов»**. Поэтому в ходе кампании «за советское казачество» движение «ворошиловских всадников», и ранее не обделенное вниманием властей, стало всячески популяризироваться среди казаков (особенно на Юге России), что самым благотворным образом сказалось на его развитии.

Подчеркнем, что процесс создания клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов» представляет собой один из немногих случаев, когда интересы советской власти и казачества практически полностью совпали. Казаки-колхозники Юга России по-прежнему идентифицировали себя в первую очередь как воины, защитники Отечества. Поэтому они весьма серьезно относились к военному обучению, к разного рода военным играм и состязаниям, справедливо полагая, что здесь оттачивают свои боевые навыки, необходимые для службы в армии и для защиты страны. Такое отношение к военному делу характеризовало и казачью молодежь (не случайно представители краевого руководства Орджоникидзевского края отмечали в 1940 г., что казачья *«масса, в особенности молодежь, принимает активное участие в вопросах оборонной работы»* [45, л. 87]), и казаков старшего возраста. Эту позицию прекрасно отражают слова казака-колхозника сельхозартели имени 8 Марта Крыловского района Краснодарского края П.Д. Дубины, который в 1938 г. в письме в редакцию краевой газеты «Большевик» обязывался защищать свою Родину от фашизма и с гордостью указывал: *«Не даром я в 1936 году взял всесоюзное первенство по рубке лозы, а в этом году завоевал краевое первенство на первомайских соревнованиях ворошиловских всадников в Краснодаре»* [46].

Причем любопытно отметить, что в соответствии с присущим советской эпохе интернационализмом, казаки-колхозники иной раз ощущали себя защитниками не только своей Родины, но и «всего угнетенного человечества». Они проявляли готовность (подобно Макару Нагульнову) сражаться даже за то, чтобы построить «царство коммунизма во всем мире» [47, л. 16]. Очень показательный случай произошел на VIII Чрезвычайном съезде Советов, состоявшемся в Москве в декабре 1936 г. по поводу принятия новой Конституции. Выступавший на съезде И.Е. Хромушин, председатель колхоза «Донской скакун», не только заверил собравшихся в безусловной преданности казаков советской власти, но и неожиданно попросил правительство послать казачьи дивизии в Испанию – на помощь испанским коммунистам. Представители руководства Азово-Черноморского края с удовольствием

рассказывали по завершении съезда: *«Невозможно передать оваций, которыми встретила делегация заявление т[оварища] Хромушина с просьбой к правительству послать советские казачьи части на помощь испанскому народу в борьбе с врагами. Надо было видеть выражение [на лицах] представителей иностранных государств, находившихся в дипломатической ложе. Это выражение было не из приятных»* [48, л. 79]. Видимо, давняя слава российских казаков как непобедимых и неустрашимых всадников оказалась способна напугать европейских дипломатов и в XX веке!

Итак, с развертыванием кампании **«за советское казачество» численность клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов» стала стремительно расти**, хотя нередко представителям краевого руководства приходилось прилагать максимум усилий, чтобы расшевелить районных чиновников. Районные руководители далеко не всегда демонстрировали необходимую активность при создании клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов». В частности, 7 марта 1936 г. на бюро Боковского райкома ВКП(б) отмечалась неудовлетворительная работа по организации клубов «ворошиловских всадников» и конноспортивных кружков в колхозах района. В районе организовали к этому моменту лишь 2 клуба «ворошиловских кавалеристов» с охватом 30 человек, при этом в них оказалось только 5 лошадей и вовсе отсутствовали седла [49, л. 62]. По сообщениям прессы, на родине движения казачьей молодежи за овладение искусством кавалерийских атак, – в Северо-Донском округе Азово-Черноморского края, – на 1 марта 1936 г. насчитывалось 86 кружков «ворошиловских кавалеристов» [50]. К началу апреля в Северо-Донском округе уже действовало 300 кружков «ворошиловских всадников» [51], а в целом по Азово-Черноморскому краю – до 600 [52]. Быстро росла численность данных заведений и в Северо-Кавказском крае. По имеющимся данным, к началу февраля 1936 г. в Северо-Кавказском крае удалось создать 250 конноспортивных «кружков джигитов» и 100 клубов «ворошиловских кавалеристов» [42]. А в середине марта 1936 г. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов утверждал, что, *«когда наши колхозники шли вокруг Кавказского хребта, по всему краю у нас поднялось широкое движение за организацию в колхозах клубов «ворошиловских кавалеристов», и теперь «свыше 250 клубов у нас уже организовано»* [53, с. 25].

Создание и функционирование клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов» продолжалось на Дону, Кубани, Ставрополье и Тереке вплоть до самого начала Великой Отечественной войны. Поскольку в колхозах, где преимущественно они возникали, существовали разные материально-технические возможности, то и процесс шел очень неровно. Так, Зимовниковский райком ВКП(б) в марте 1937 г. гордо отмечал, что к этому времени удалось подготовить 9 ворошиловских кавалеристов, *«из которых были отобраны отличные наездники для участия на конноспортивных состязаниях в Пятигорске и Ростове н/Д»* [54, л. 32]. В 1939 г. в том же районе действовало уже 12 кружков «ворошиловских кавалеристов», в которых занималось 50 человек [55, л. 69]. В январе 1939 г. один из селькоров Морозовского района писал в «Крестьянскую газету», что в районе работает 15 кружков ворошиловских кавалеристов [56, л. 111]. В 1940 г. в Базковском районе Дона численность таких кружков выросла с 9 до 24 [57, л. 63]. В том же году в колхозе «Донской скакун» Тарасовского района Ростовской области – родине движения «ворошиловских кавалеристов» – насчитывалось 90 колхозников, с успехом закончивших обучение

кавалерийскому делу. Кроме того, здесь сформировали еще один отряд курсантов, стремившихся освоить верховую езду, в количестве 20 колхозников и 30 школьников. Тогда же в станице Елизаветинской Азовского района Дона области действовал кружок «ворошиловских кавалеристов» [58, с. 97–98, 188].

В 1940 г. в Воздвиженском, Рагулинском, Вознесенском сельсоветах Дивенского района Орджоникидзевского края при Домах обороны создали межколхозные кружки «ворошиловских кавалеристов». Такой же кружок одновременно возник и в колхозе «Пролетарская сила» села Отказного на берегу реки Кума того же края [59]. В Наурском районе Орджоникидзевского края райком ВКП(б) решил организовать казачью полусотню на колхозных конях (которая комплектовалась в основном за счет членов кружков «ворошиловских кавалеристов»), что и удалось выполнить уже к февралю 1940 г. [60].

Заметим, что, кроме кружков «ворошиловских кавалеристов», работали Дома обороны – учреждения в системе всеобуча, целью которых являлась военная подготовка населения, в первую очередь молодежи. В сельской местности Дома обороны существовали в колхозах, совхозах, станицах и селах, создавались и функционировали за счет местного бюджета или средств колхозов и совхозов, при поддержке или прямом руководстве со стороны работников Осоавиахима, военкоматов и военных частей.

Клубы и кружки «ворошиловских кавалеристов» возникали в это же время и в Краснодарском крае. Например, в колхозе «Красный боец» Приморско-Ахтарского района Краснодарского края к августу 1940 г. насчитывалось 68 «ворошиловских всадников» [61]. Фактов образования и функционирования кружков и клубов «ворошиловских кавалеристов» (а также отрядов, полусотен, эскадронов из них) в источниках содержится предостаточно.

С другой стороны, не все казачьи районы, несмотря на четко выраженную позицию краевых и областных властей, быстро обзавелись организациями «ворошиловских всадников». Например, руководители такого казачьего района Дона, как Обливский, в обобщенном отчете за май 1938 г. – март 1940 г. скромно заметили, что у них «несколько улучшилась оборонная работа», и указали на подготовку «ворошиловских стрелков»; однако они ничего не сообщают о «ворошиловских кавалеристах» – вероятно, в районе их просто не оказалось [62, л. 42–43].

Что же собой представляли клубы «ворошиловских кавалеристов» и как проходил процесс обучения в них молодых казаков? Как можно определить их социально-правовой статус? Какие цели они перед собой ставили? Каким образом финансировались? На эти вопросы исторические источники дают вполне развернутые ответы.

Клубы (или кружки) «ворошиловских кавалеристов» («ворошиловских всадников») представляли собой, по существу, военно-спортивные негосударственные, добровольные организации. Создавались они на общественных основах в колхозах и совхозах Юга России с целью подготовки молодежи для службы в кавалерийских частях РККА, а финансировались теми предприятиями, при которых они возникали.

Иногда, впрочем, возникали такие заведения и в городах, которые, по советской традиции, претендовали на роль руководящих и объединяющих центров движения «ворошиловских кавалеристов». Истоки этой традиции уходили в 1929 г., когда в Москве по инициативе С.М. Буденного создали тогда конноспортивную школу Осо-

авиахима, работавшую на всем протяжении 1930-х гг. и оказавшую определенное влияние на возникновение движения «ворошиловских всадников» [63, с. 13]. Очевидно, С.М. Буденный учел полезный опыт московского конноспортивного кружка и поэтому в марте 1936 г. призывал южнороссийскую молодежь: *«Ограничиваться только селом нельзя. Создавать клубы ворошиловских кавалеристов нужно на фабриках и заводах. Нужно организовать работу клубов и кружков ворошиловских кавалеристов так, чтобы охватить ими наибольшее число молодежи»* [64]. Еще раньше, в самом начале февраля 1936 г., командующий войсками СКВО, командарм 2-го ранга Н.Д. Каширин говорил о «ворошиловских кавалеристах»: *«Движение это нельзя ограничивать только селом. Несомненно, что среди рабочей молодежи города военно-конный спорт также вызовет огромный интерес»* [65]. Хотя станичники о таких попытках говорили с некоторым сарказмом, примерно так: «Скакать корова не родилась».

И действительно, ряд организаций «ворошиловских кавалеристов» возник при учреждениях и промышленных предприятиях, в частности на Донской государственной табачной фабрике, 1-й Ростовской швейной фабрике, и т.д. Более того, официально первый клуб «ворошиловских кавалеристов» в Ростове-на-Дону создали 29 января 1936 г., причем в числе его учредителей значились представители краевого руководства (впрочем, даже в апреле 1936 г. решение о создании этого клуба все еще оставалось на бумаге). 25 февраля 1936 г. Северо-Донской окружком ВКП(б) решил организовать окружной клуб «ворошиловских кавалеристов», который, по замыслам властей, должен был *«стать организационно-методическим центром всех станичных и районных клубов»* [38, л. 76] (к началу марта такой клуб организовали в окружном центре – городе Миллерово [27; 50; 52; 64; 66]). Однако подавляющее большинство подобного рода организаций располагалось в сельской местности, в колхозах и совхозах. Заметим, в 1930-х гг. на Юге России совхозов существовало намного меньше, чем колхозов, а это сказывалось и на соотношении колхозных и совхозных клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов».

О том, что целью клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов» являлась допризывная подготовка советской молодежи, неоднократно говорили представители руководства. Довольно предметно по этому поводу высказался тот же командующий войсками СКВО, по происхождению оренбургский казак, командарм 2-го ранга Н.Д. Каширин: *«Подготовка ворошиловских кавалеристов будет огромным вкладом в дело обороны нашей родины. С каждым новым набором армия получают много прекрасных стрелков, парашютистов, людей, знающих моторы, санитарное дело и т.д., но призывников, владеющих основами кавалерийской грамотности, армия получала до сих пор сравнительно немного. Клубы ворошиловских кавалеристов восполнят этот пробел»* [65]. О том же на съезде передовиков животноводства в феврале 1936 г. говорил и С.М. Буденный, так обосновывая создание конноспортивных организаций: *«...мы с вами имеем довольно приличную конницу и ее нужно комплектовать людьми, которые с малых лет имеют отношение к лошади»*, но даже в колхозах, где традиции верховой езды прочны, молодежь забывает о верховой езде: *«в колхозе наверняка знают природного наездника, – он садится на машину, имеет прекрасную квалификацию комбайнера, прекрасную квалификацию тракториста, шофера, – а лошади боится, она его не касается»* [67, л. 56]. А председатель Азово-Черноморского крайисполкома В.Ф. Ларин торопил казачью делегацию, приехавшую к краевому руководству 28 мая 1936 г.:

«[надо] дать в казачью дивизию уже в этом году полноценное пополнение, среди которого будет не меньше трех тысяч ворошиловских всадников, отлично владеющих конем и оружием» [68].

Основное отличие клубов от кружков «ворошиловских кавалеристов», судя по упоминаниям в источниках, заключалось в их размерах и степени организационно-юридического оформления. Клубы, по сравнению с кружками, привлекали больше людей, располагали необходимым (и полным) комплектом основополагающих документов (в частности, уставом и пр.), нередко имели в числе учредителей представителей районного, окружного или даже краевого руководства, пользовались поддержкой военных чинов и работников Осоавиахима. Кроме того, формально клубы «ворошиловских кавалеристов» расценивались как центральная организация, а кружки – как отделы (ячейки) этой организации. Так, 3 марта 1936 г. Вешенский райком ВКП(б) Азово-Черноморского края, заслушав сообщение первого секретаря райкома П.К. Лугового о необходимости создания в районе клуба «ворошиловских кавалеристов», а в коллективных хозяйствах района – соответствующих кружков, принял постановление, где указывались конкретные мероприятия в данном направлении. *«Придавая исключительно важное значение развертыванию в колхозах движения среди колхозной казачьей молодежи и взрослого казачества на звание ВОРОШИЛОВСКИХ кавалеристов»*, райком ВКП(б) постановил создать Вешенское районное временное правление клуба «ворошиловских кавалеристов» в составе нескольких работников районных властных структур (райкома и райисполкома), а также ряда председателей сельских и станичных советов и колхозов. Также решили *«обязать временное правление клуба развернуть работу по организации ячеек Ворошиловских кавалеристов по колхозам»*, *«разработать устав и организацию приемов членов клуба»*, *«завязать деловую связь с Ростовским Краевым клубом Ворошиловских кавалеристов, запросить у него примерный устав клуба»* [69, л. 69].

Впрочем, надо отметить, что практически любая организация «ворошиловских кавалеристов», будь то клуб или кружок, могла полностью рассчитывать на довольно энергичную помощь или даже прямое личное участие со стороны военных специалистов или инструкторов Осоавиахима. Как правило, инструкторы районных отделений Осоавиахима принимали активное участие в допризывной подготовке молодых казаков. Что касается военных специалистов, то командующий войсками СКВО, командарм 2-го ранга Н.Д. Каширин в начале февраля 1936 г. указывал: *«Красная армия и, в первую очередь, кавалерийские части СКВО, будут считать своей обязанностью всячески помогать этому огромному делу. Наши кавалерийские части, особенно в районах своего комплектования, могут помочь как кадровым, так и переменным составом в организации клубов и в налаживании их учебной работы. Сюда входит инструктаж, помощь учебными пособиями, предоставление эскадронных манежей и т.д.»* [65]. В марте 1936 г. Н.Д. Каширин снова настойчиво говорил о необходимости оказания помощи со стороны военных частей клубам и кружкам «ворошиловских кавалеристам» в виде инструктажа, предоставлении учебных и наглядных пособий, литературы и т.п. [70]. Тогда же Боковский райком ВКП(б) предлагал выдвигать руководителями кружков «ворошиловских кавалеристов» *«демобилизованных красноармейцев и командиров»* [49, л. 63].

Однако при всей активности инструкторов Осоавиахима и представителей подразделений Северо-Кавказского военного округа в деле содействия развитию

организаций «ворошиловских кавалеристов», **основную работу по воспитанию и военной подготовке молодых казаков выполняли казаки старшего поколения.** Причем эта сфера деятельности имела достаточно специфический характер и требовала немалых усилий и времени от людей старой закваски. Одно дело самому обладать приемами воинского кавалерийского искусства, а совершенно другое – научить приобретенным умениям и навыкам молодежь. Не каждому пожилому казаку это оказывалось по плечу. К тому же для них эта работа являлась делом добровольным, своего рода общественной нагрузкой. Тем не менее нередко старые казаки (старые и по годам, и по степени накопленного боевого и жизненного опыта) являлись не только руководителями кружков «ворошиловских кавалеристов», но также своего рода инструкторами и инспекторами, занимаясь вместе с молодежью и показывая ей на собственном примере, как надо действовать в конном бою. В прессе специально подчеркивалось, что опыт старых кавалеристов крайне важен при обучении казачьей молодежи: *«Нужно, чтобы кружки [«ворошиловских всадников»] перенимали опыт и знания старых кавалеристов, красных партизан, славных конников, которые под водительством Ворошилова и Буденного громили врагов пролетарской революции»* [64]. Не случайно 21 марта 1936 г. Северо-Донской окружком ВКП(б) решил *«принять все меры к обеспечению кружков и клубов [«ворошиловских кавалеристов»] инструкторским кадрами, путем подбора наиболее опытных казаков, хорошо знающих кавалерийское дело»* [38, л. 105].

Учитывая, что нередко в организациях «ворошиловских кавалеристов» состояла не только молодежь, но и старики-казаки, выполнявшие роль наставников, казачьи шеренги на тех или иных смотрах и парадах выглядели весьма колоритно. Один из ставропольских журналистов, описывая краевые состязания «ворошиловских конников» в августе 1940 г., не смог пройти мимо таких любопытных фактов: *«В боевых казачьих шеренгах мы видели Андрея Трофимовича Москаленко из Бурлацкого района, которому исполнилось 82 года. Сидел он в седле ровно. Загорелая, грубая от работы рука лежала на эфесе серебром отделанной шашки.*

Рядом с казаком Москаленко равняли строй Иван Шандро, Михаил Игнатенко и Николай Соколов – все из станицы Советской. Самому старшему из друзей – Мише Игнатенко – четырнадцать лет. Ивану Шандро в этом году исполнилось двенадцать. Они еще совсем малы ростом. Стремянные ремни пришлось много укоротить. Но под дружьями боевые, резвые кони. И сидят в седле юные Ворошиловские всадники так, что не оторвешь» [71]. Да и на сохранившихся фотографиях мы видим, как в конном строю соседствуют друг с другом молодые, еще безусые, и уже старые, седые казаки [72, с. 24, 30, 38, 41].

Для организации и эффективного функционирования клубам и кружкам «ворошиловских кавалеристов» требовались не только кони, но и множество сопутствующих вещей. К ним, в частности, относились: сбруя, шашки, пики, огнестрельное оружие, фураж и конюшни для конского поголовья, тир, манеж или хотя бы полоса препятствий и др. В богатых казачьих колхозах Юга России или просто тех коллективных хозяйствах, руководство которых проявляло не показную, а действительную, повседневную заботу о военной подготовке молодых казаков, организации «ворошиловских всадников» располагали всем необходимым. Один из образцовых клубов «ворошиловских кавалеристов», существовавший в селе Кевсала Ипатовского района Орджоникидзевского края, хорошо описан ставропольскими журналистами в конце 1940 г.: *«клуб имеет стандартную конюшню военного типа. В нем*

*имеется два хорошо оборудованных и светлых класса для занятий, склады для фуража и оружия. Клуб располагает клинками и винтовками для учебы. Колхозы выделили для него хороших лошадей» [73]. Однако далеко не во всех колхозах Юга России «ворошиловские конники» обладали столь же богатой материальной базой. В январе 1939 г. селькор из Морозовского района И. Изосимов с большой тревогой писал в «Крестьянскую газету», что в колхозе «Красный борец» *«надо бы приступить к организации кружков «Ворошиловских всадников» и стрелковых, но нам не оказывают помощь руководители колхоза. Коней сразу взяли на работу и одного уже успели вывести из строя. Уздечки поотобрали. Остались мы с недоуздками и с седлами без лошадей. Председатель колхоза смотрит на Осоавиахимовскую работу как на какую[-]то обузу»* [56, л. 112].*

Некоторое время представители партийно-советских властей раздумывали, стоит ли предоставлять советским казакам, прежде считавшее традиционным, право ношения холодного оружия, особенно, в связи с созданием кружков «ворошиловских кавалеристов». По этому поводу секретарь Северо-Донского округа Азово-Черноморского края В.М. Лукин в феврале 1936 г. предметно писал руководителю краевой парторганизации Б.П. Шеболдаеву: *«Прошу Вашего совета – налицо большое стремление у казаков, особенно молодежи, участников [движения] Ворошиловских кавалеристов, иметь шашки и клинки. Дело серьезное, следует-ли идти на их изыскания»* [3, л. 60–61]. Но сомнения вскоре полностью развеялись, и вопрос разрешился положительно, как о том свидетельствует уже хотя бы процитированное выше описание клуба «ворошиловских кавалеристов» села Кевсала Ипатовского района Орджоникидзевского края.

В клубах и кружках «ворошиловских кавалеристов» молодые казаки проходили начальную военную подготовку, обучаясь навыкам джигитовки, владения холодным и огнестрельным оружием, совершенствуя боевое мастерство и отрабатывая способы действий в бою путем участия в военных играх и разного рода состязаниях. Следует подчеркнуть, что процесс обучения молодых казаков в организациях «ворошиловских кавалеристов» любопытным образом сочетал в себе и традиционные черты, и советские новации. Прежде всего, казаки старших возрастов, возглавлявшие многие из этих организаций, воспитывали казачью колхозную молодежь так, как это делалось в казачьих станицах еще в досоветские времена. Например, в XIX в. на Тереке *«старые казаки в обязательном порядке обучали юношей-допризывников на специально отведенных за станицей площадках верховой езде, стрельбе, виртуозному владению холодным оружием, спортивным навыкам. Здесь юноши постигали азы джигитовки, то есть выполняли различные фигуры на коне»* [74, с. 198]. Представители старших поколений казачества, родившиеся еще в 1880-х – 1890-х гг. в бытность свою казачатами проходили обучение по традиционным методикам, под руководством своих отцов и дедов, на их личном примере. Поэтому они хорошо усвоили свои суровые уроки постижения азбучных истин кавалериста (скажем, на Дону это считалось частью системы «казачьего спаса»). По таким же методикам они обучали и молодежь советских казачьих станиц.

Методику обучения «ворошиловских кавалеристов» замечательно описал Дмитрий Ильич Петров-Бирюк в одном из своих художественных произведений – «Сказании о казаках». В данном произведении есть сюжет о том, как Алексан Петрович Щегольков, возглавлявший кружок «ворошиловских всадников» в одном из донских колхозов, учил выросшего в городе Петю Ильина (один из главных

героев произведения), премудростям конной езды и казачьей джигитовке: *«И вот начал Щегольков учить юношу казачьей сноровке. Они седлали лошадей, брали старые шашки и выезжали за станицу. Дед Алексан с Петей мчались по выгону. В их руках, как молнии, полыхали палаши. Старик показывал юноше, как надо рубить лозу, как заставить лошадь брать препятствие, как положить лошадь»* [75, с. 621]. Обучив Петю азам верховой езды, Щегольков ввел его в состав кружка «ворошиловских кавалеристов», в котором состояли «десять полтора парней и две девушки». Перед началом занятий «дед Алексан» (как звали его ребята) приказал седлать лошадей, что и было выполнено. Затем небольшой кавалерийский отряд отправился в степь, где *«начались строевые занятия»*, а после них – скачка с препятствиями: *«один за другим лихо скакали по выгону молодые казаки и казачки, перепрыгивая через барьеры и рвы»*. Занятия закончились лишь поздно вечером [75, с. 622, 623].

Сходные описания содержатся и в иных источниках. Вот как описывал один из советских журналистов весной 1936 г. обучение «ворошиловских кавалеристов» в станице Ляпичевской¹ на Верхнем Дону: *«На краю станицы, спешившись и поставив коней в ряд, стояли казаки. Через полчаса должна начаться учебная джигитовка. Для наездников расчищена площадь»*.

На беговой дорожке стройными рядами расставлены лозы...

В состав взвода входили молодые и пожилые казаки, бригады, трактористы, звеньевые, рядовые колхозники. Они только сегодня утром оставили колхозные поля, собрались на взводное ученье, чтобы накануне Первомайских праздников еще раз проверить свою выправку и умение джигитовать. Да и кони приняли казачьи седла прямо из упряжек. Они ретиво били копытами, позвякивая отполированными стременами...».

Но вот команда подана, и первый казак – Самсон Турченков – выехал из строя. *«Рыжий конь сначала шел под ним мелкой рысью, а потом, потянув вперед шею, пошел в карьер. Стройная посадка в седле всадника сразу показывала высокое мастерство верховой езды... На полном скаку молодой казак, на удивление всем, показывал искусные номера джигитовки. Он выскакивал из седла в левую сторону, делал быстрый и ловкий толчок о землю, перебрасывался без посадки направо и от второго толчка садился в седло. Всадник показывал все новые и новые трюки. Одно мгновение и он уже стоя скачет в седле, делает “ножницы”, а затем снова бросается с коня»*.

Затем наступает черед рубки, и пример подает сам командир взвода – Аверьян Ляпичев: *«Конь мчится во весь опор, сверкает на солнце казачья сабля. Горяч конь, горяч и всадник. Удар вправо, удар влево и одна за другой бесшумно полегли все до одной подкошенные им лозинки. Не успели вставить новые, как командир скачет обратно, но на этот раз уже стоя в седле. Снова развеваются на нем полы мундира, свистит сверкающий клинок, и опять валятся наземь скошенные лозы»* [76, с. 105–107, 109].

Поясним некоторые приемы казачьей кавалерийской подготовки. Например, «ножницы» – это особый прием вольной джигитовки, когда казак на полном скаку махом наклоняется к передней или к задней луке седла, резко подбрасывает свое

¹ Административный статус данного населенного пункта и наименование его станицей обиходное; это всегда был хутор, изначально юрта станицы Пятиизбянской Второго Донского округа, при речке Донская Царица. – А. С.

тело над седлом, перекрещивает ноги и садится спиной вперед по ходу движения лошади, а затем таким же способом возвращается в исходное положение. Прием «терская вертушка» предполагает толчок через шею коня при возврате в седло, при этом следующим движением тело всадника перебрасывается в положение «лежа на седле», одновременно это положение обязательно фиксируется вытянутой правой рукой, лишь после этого следует возврат казака в седло, для чего совершается моментальный возвратный соскок на землю. Прием «казачий обрыв» визуально представляет собой имитацию ранения и/или гибели воина, когда казак закрепляет ноги в стремях, или с помощью путлиц (ремень, на который пристегивается стремя), а затем на скаку откидывается вниз, вытянув руки к земле. Это упражнение считается выполненным, если руки полностью вытянуты и кисти рук находятся ниже головы и касаются земли. Прием «казачий вис» начинается переносом правой ноги всадника на левую сторону, затем казак левой рукой охватывает переднюю луку седла, садится на левую ногу и поворачивается спиной по ходу движения лошади, после чего просовывает колено левой ноги под путлице, вытягивает правую ногу и правую руку вдоль корпуса лошади.

Вообще существует масса иных приемов джигитовки: поднимание предметов с земли, стойка вниз головой, езда, стоя в седле, толчки с посадкой в седло через шею лошади, толчки с посадкой в седло через круп лошади, пролаз под шеей коня, пролаз под животом коня и др. Не одна юная казачка, завороченная лихостью молодых казаков, выбрала себе спутника на всю жизнь. Нам неоднократно приходилось слышать рассказы пожилых казачек, которые в юные годы бросали на скачках под ноги летящих дончаков платок или монету, а молодой казак подхватывал летевший предмет так, что тот не успевал коснуться земли и моментально возвращал его красавице-хозяйке с поклоном или с резко вздыбившегося коня. В миг это определяло судьбу для двоих раз и на всю жизнь...

Вот как описан в прессе Орджоникидзевского края процесс боевой подготовки колхозной полусотни Наурского района в августе 1940 г. с освоением приемов джигитовки: *«Полусотня прошла через станицу [Наурскую] и медленно скрылась за поворотом улиц. Там, на берегу Терека, среди крутояров и скирд она устроила широкий манеж, где ежедневно демонстрирует свою выучку и боевой опыт. На полном скаку коня молодые казаки рубят лозу, джигитуют и перелетают через плетни и барьеры, упорно овладевая искусством бесстрашной кавалерийской атаки.*

Все это достается не так просто, как может иной раз показаться постороннему человеку. Без прекрасной выучки, без опыта, смелости и волевой закалки здесь ничего не выйдет. Эти качества необходимы каждому коннику. Удар шашки происходит в две – три секунды. Работа над этим ударом в широком понимании этого слова отнимает целые месяцы» [77]. Например, донским казакам был хорошо известен так называемый «баклановский удар» (разработчик методики знаменитый в XIX в. донской генерал Я.П. Бакланов). Он позволял молниеносно разрубить всадника вертикально пополам.

Верховая езда, джигитовка, преодоление препятствий на лошади, рубка лозы известны как традиционные боевые навыки казачьих сообществ, и обучение этим навыкам в организациях «ворошиловских кавалеристов» проходило также по вполне традиционным, еще досоветским методикам. Вместе с тем в изменившихся исторических условиях 1930-х гг. процесс военной подготовки казачьей молодежи

существенно модернизируется. Современная война требовала от казаков целого ряда новых знаний и навыков, без которых не только весьма сложно победить, но и выжить в реальном бою. Теперь они в обязательном порядке учились ориентировке на местности, работе с картой, использованию противогаза и пр. Кроме того, по сравнению с подготовкой казаков в досоветские времена, в клубах «ворошиловских кавалеристов» немало внимания уделялось штыковому бою.

Как справедливо отмечали советские военные специалисты, *«ворошиловские кавалеристы не должны ограничиваться изучением верховой езды. Они обязаны постигнуть все тонкости кавалерийского искусства: сигналы, команды, правила седловки, они должны научиться совершать большие переходы, сохраняя силы коня, усвоить правила ухода и кормления лошадей. Ворошиловский кавалерист должен владеть картой, компасом, в совершенстве изучить винтовку и шашку»* [64]. Как подчеркивал один из селькоров из Морозовского района Ростовской области в 1939 г., в кружках «ворошиловских кавалеристов» *«кружковцы изучают снаряжение коня, уход за ним, снаряжение бойца, стрелковое дело и ПВХО»* [56, л. 111]. (ПВХО – противовоздушная и химическая оборона). *«Не только лихо джигитовать, искусно владеть клинком, но и поражать врага в рукопашном бою штыком и прикладом учатся молодые казаки станицы Наурской в клубе “Ворошиловских всадников”»*, – такая подпись помещалась под фотографией в одном из номеров газеты «Орджоникидзевская правда» за 8 января 1940 г. На ней фотокорреспондент запечатлел обучающий момент, как председатель Наурского районного совета Осоавиахима А.Д. Демченко демонстрировал казачьей молодежи приемы штыкового боя [78].

Молодые казаки Дона, Кубани и Терека оттачивали свои боевые навыки не только в ходе тренировок и занятий в кружках «ворошиловских кавалеристов». Способом совершенствования этих навыков и одновременно проверки уровня военной подготовки казачьей молодежи являлись конноспортивные пробеги и переходы. И особенно периодически проводимые между разными клубами «ворошиловских всадников» учебные бои и соревнования различных уровней: от колхозных и межколхозных до краевых и Всесоюзных. Победителем (чемпионом СССР) I Всесоюзных конноспортивных соревнований по конкуру-иппику¹ среди юношей (г. Ростов н/Д., 1936 г.) стал наш Учитель, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор Давидович Всеволод Евгеньевич, в то время бывший простым мальчишкой с ростовской Богатыновки. При жизни он с теплотой вспоминал об особой атмосфере, царившей на ростовском ипподроме в 1930-х гг., куда приходили казаки (кто в штанах с лампасами, кто в казачьей фуражке) и помочь по хозяйственным делам, и посмотреть на соревнования [79].

Безусловно, такие соревнования являлись результатом проведения многочисленных занятий «ворошиловских кавалеристов» на местах, в колхозах и районах. Масштабные конноспортивные переходы предпринимались на Юге России еще вне связи с «ворошиловскими кавалеристами», пример чему является пробег колхозников Северо-Кавказского края вокруг Кавказского хребта или их же путешествие из Пятигорска в Ростов-на-Дону. Вместе с тем уже на заре движения «ворошиловских кавалеристов» органы власти стали привлекать молодежь к участию в кон-

¹ Конкур (от фр. *concours* – состязание) – один из основных видов конного спорта, предполагающий преодоление до 16 препятствий на определенном маршруте протяженностью от 200 до 1100 м на поле размером 75 на 40 м. Принято различать несколько видов конкур, из которых конкур-иппик считается высшим уровнем кавалерийского (спортивного) мастерства. – А. С.

носпортивных пробегах, постепенно делая акцент на принадлежности их участников к казачеству.

В частности, Северо-Донской окружком ВКП(б), действуя с согласия и под контролем Азово-Черноморского крайкома компартии, 26 января 1936 г. принял решение о конноспортивном переходе имени X Съезда ВЛКСМ «ворошиловских всадников», комсомольцев Северо-Донского округа. Переход планировали осуществить по маршруту Вешки – Москва под девизом «за Ворошиловского Донского всадника». Численность участников ориентировочно определялась в 25–30 человек, отбор кандидатур решили закончить не позднее 3–4 февраля, чтобы вызвать их в Миллерово 6 февраля на «декадную предварительную подготовку». Старт пробега намечался на 14 февраля, в день открытия окружной конференции ВЛКСМ, а финиш предполагался 1 марта, в день открытия X Съезда ВЛКСМ [38, л. 38 об.]. Добавим, что районное руководство, получив соответствующие указания Северо-Донского окружкома ВКП(б), приступило к их исполнению. Так, Вешенский райком ВКП(б) заслушал вопрос *«о военном пробеге Вешки – Москва» 28 января 1936 г. и постановил отобрать для этого «10 чел. лучших колхозников-ударников в возрасте 18–25 лет и 10 шт[ук] лошадей донской породы в возрасте от 4-х до 8 лет»; отбор участников следовало закончить к 1 февраля 1936 г.* [21, л. 30]. Однако Северо-Донской окружком ВКП(б), подчиняясь вдруг поступившему решению Азово-Черноморского крайкома ВКП(б), пересмотрел уже намеченные планы и 7 февраля 1936 г. постановил заменить ранее спланированный переход Вешки – Москва переходом Миллерово – Ростов-на-Дону, который следовало осуществить в июне того же года. Однако все-таки решили изыскать возможность направления в Ростов, к открытию краевой комсомольской конференции, 25–30 колхозных кавалеристов [38, л. 47]. Через неделю, 15 февраля, Северо-Донской окружком отправил на комсомольскую конференцию 30 «колхозников-казаков кавалеристов» [38, л. 64 об.].

Казаки воспринимали конноспортивные пробеги как своего рода казачьи состязания. Так, казаки из сводной донской сотни, побывавшей в Ростове-на-Дону на межкраевом празднике «советского казачества» в середине марта 1936 г., по возвращении в Каменск писали руководству Азово-Черноморского края: *«Просим вас организовать соревнование донских, кубанских и терских казаков на лучшую подготовку ко всесоюзному конному пробегу и в свою очередь вызываем на соревнование казаков Кубани и Терека»* [80, с. 2].

Что касается показательных боев, то они, так же, как и конноспортивные переходы, проводились на Юге России еще до развертывания движения «ворошиловских кавалеристов». Такие бои, нередко с участием местного населения, устраивались на Дону, Кубани, Ставрополье и Тереке в 1920-х гг. Например, осенью 1927 г. во многих населенных пунктах Донского округа Северо-Кавказского края проводились показательные бои в неделю Осоавиахима. В них *«принимала участие, помимо территориальников и допризывников, также и часть казаче-крестьянского населения»*, а *«зрителями было почти все население станиц и сёл»*, выражавшее одобрение выучкой участников [81, л. 13а]. Практика такого рода состязаний сохранялась и в 1930-х гг. В частности, в октябре 1936 г. бюро Вешенского райкома ВКП(б) одобрило инициативу райкома комсомола о проведении совместно с соседним Базковским районом военно-тактической игры «Взятие станицы Вешенской», намеченной на ноябрь того же года. Судя по материалам партийного бюро, в этой игре могли принять участие далеко не только члены кружков «ворошиловских

кавалеристов» (видимо, из-за малочисленности последних), но вообще все желающие. Решили даже организовать запись желающих, разбить их на сотни и взводы, провести обучение и выделить лошадей, а также подготовить необходимое военное снаряжение (винтовки, шашки, противогазы, седла и т.д.). [82, л. 114].

С одной стороны, для местных жителей учебно-показательные бои являлись желанным зрелищем, а другой – для «ворошиловских кавалеристов» такие мероприятия представляли собой возможность выяснить степень эффективности их обучения, определить уровень их боевой подготовки. Один из таких учебно-тренировочных боев проходил в Наурском районе Орджоникидзевского края летом 1940 г. Молодые казаки-колхозники из Наурской районной казачьей полусотни в бою доказали, что не зря проводили время в кружках «ворошиловских кавалеристов»: *«внезапной атакой полусотня прорвала фронт “синих” и, зайдя в тыл, разбила наголову всю ударную группу “врага”»* [77].

Учебно-тренировочные бои – один из важнейших элементов военной подготовки «ворошиловских кавалеристов». Ведь в ходе этих мероприятий молодые казаки отработывали полученные во время занятий военные знания и навыки, учились коллективному взаимодействию в обстановке, приближенной к боевой. Немаловажное значение для молодых казаков имел факт общественного признания их успехов в овладении воинским искусством.

Помимо учебных боев, устраивались также состязания «ворошиловских кавалеристов», которые могли быть межколхозными, а также межрайонными (краевыми или областными), межкраевыми и даже Всесоюзными, в зависимости от того, насколько организаторы могли подготовить мероприятие, а, главное, получить одобрение и поддержку властей на разных уровнях управленческой вертикали. В ходе конноспортивных состязаний по скачке, джигитовке, рубке лозы, члены клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов» на Юге России не только демонстрировали боевые навыки, но и проверяли уровень своей подготовки в соперничестве.

Чаще всего соревнования устраивались между различными кружками того или иного района. Так, в 1939 г. в Базковском районе Ростовской области прошло шесть районных конноспортивных и стрелковых состязаний, «где казаки района показали образцы военного знания» [57, л. 64]. В 1940 г. в Спицевском районе Орджоникидзевского края, где имелось три клуба «ворошиловских всадников», прошли три конноспортивных состязания, по итогам которых первое место занял клуб села Бешпагир [83], которое в 1832–1869 гг. являлось станицей Бешпагирской и пережило еще в XIX в. волну показачивания и волну рассказачивания.

Проводились и состязания более высокого уровня. Как уже отмечалось, в мае 1936 г. в Пятигорске (тогда краевой центр Северо-Кавказского края) прошли межкраевые конноспортивные состязания с участием донских, кубанских, терских казаков и горцев Северного Кавказа. В августе в Ростове-на-Дону было решено провести краевые конноспортивные состязания в честь 15-ти летней годовщины СКВО, с участием как донских и кубанских, так и терских казаков, а также горцев Северного Кавказа. Узнав о таких планах, в июле 1936 г. бюро Вешенского райкома ВКП(б) решило приложить максимум усилий для того, чтобы отправить лучших колхозников (из них не менее 20 % женщин) на эти состязания [82, л. 89]. Примечателен в этом случае именно гендерный характер принятого партийного решения.

Соревнования колхозных конников устраивались в Орджоникидзевском крае (на Осетинской поляне в городе Ворошиловске, ныне Ставрополе) в октябре

1938 г., в честь двадцатилетия комсомола [84], и в 1940 г. Проходили и Всесоюзные соревнования казаков-колхозников и членов организаций «ворошиловских кавалеристов», как о том свидетельствуют приведенные выше слова кубанского казака П.Д. Дубины [46].

Конноспортивные состязания, зачастую представлявшие собой красочные, захватывающие действия, привлекали тысячи зрителей, любовавшихся мастерством казаков-участников. В мае 1936 г. жители Пятигорска поражались ловкости терцев, донцов и кубанцев: *«...начинается массовая джигитовка. Первыми идут всадники Северного Кавказа. Они показывают прекрасные образцы вольтижировки и целый ряд сложных пирамид.*

Небольшой перерыв, и к трибуне приближаются всадники – донской и кубанский казаки. Вдруг неожиданный “выстрел”. Донец камнем летит с седла. Его друг – кубанец – заставляет свою лошадь лечь возле “раненого”. Он помогает донцу устроиться на лошади поперек седла. Затем поднимает коня, вскакивает на него и увозит товарища. Прекрасно исполненная инсценировка боевого эпизода вызывает дружные аплодисменты многотысячной толпы зрителей.

Донцы и кубанцы проходят компактной группой, создавая самые невероятные фигуры. Вот старик-калмык Басанов[донской казак,] крутит пикой легко, как маленькой тросточкой. Вот мчатся кубанцы, стоя на седлах с клинками в зубах. Привязанный под лошадь [донской казак] Алибашев на всем скаку нагрыкает на гармошке. Вот один всадник скачет сразу на двух конях, поочередно перепрыгивая с одного на другого» [85].

Когда в августе 1940 г. в Орджоникидзевском крае проходили краевые конноспортивные состязания, они тоже вызвали восторженные отклики зрителей. Пресса писала: *«Наш народ любит смелых и сильных людей. Наши славные советские казаки сильные и смелые люди. Можно без конца восторгаться ловкостью и бесстрашием крепких, затянутых в черкески людей, на бешеном галопе выбрасывающихся из седел, под животом скачущей лошади преспокойно читающих газету» [71].*

Высокой оценки удостоилось искусство владения холодным оружием, которое терские казаки, члены кружков «ворошиловских кавалеристов», демонстрировали при рубке лозы (а также различных фигур, установленных на ипподроме; среди них ставропольские журналисты называли, в частности, «чучело», «шар», «кольцо», «картошка»): *«происходит произвольная рубка. Повод брошен на шею лошади. В каждой руке всадника по клинку. Третий клинок в зубах. Нужно обладать поразительной ловкостью, чтобы на полном скаку четко выполнить все упражнение. Колхозные конники работают легко и чисто. Удар выверен, и клинок не идет мимо цели» [71].*

«Ворошиловские всадники» периодически проходили квалификационные испытания. Конечным же этапом военного обучения молодых казаков являлась сдача нормативов на право получения значка «ворошиловского кавалериста». Так, к 1940 г. в Базковском районе Ростовской области удалось подготовить 103 «ворошиловских всадника» первой и второй ступени [57, л. 64]. К октябрю того же года в межколхозных кружках «ворошиловских кавалеристов» Дивенского района Орджоникидзевского края 32 кавалериста достигли «первой ступени», а к 23-й годовщине Октября в каждом кружке готовились к сдаче нормативов на получение заветного значка по 8–9 молодых колхозников [59].

Разумеется, функционирование системы подготовки «ворошиловских кавалеристов» проходило под мощным воздействием советских реалий и большевистской идеологии. Сталинский режим проявлял заинтересованность в воспитании из молодых казаков Дона, Кубани и Терека не просто настоящих бойцов, а, в первую очередь, – верных своих сторонников. Поэтому казачьей молодежи внушалось чувство верности и приверженности идеалам коммунизма и советской власти, а также преданности лично И.В. Сталину. О весьма характерных настроениях казаков (особенно казачьей молодежи) свидетельствует предметный рассказ начальника клуба «ворошиловских кавалеристов» станицы Елизаветинской Азовского района Ростовской области Н.В. Макеева о том, как молодые казаки после занятий пели песню «Дума о Сталине» (по утверждению советских журналистов, она считалась «любимой казачьей песней» в 1930-х гг. [86]):

*Собирались казаченьки на колхозном на дворе,
Думу думали большую раным-рано на заре:
Как бы нам, теперь, ребята, в гости Сталина позвать
И ему, отцу родному, все богатства показать... [58, с. 188].*

Указывая на то, что «ворошиловские кавалеристы», как и вообще казаки-колхозники, выступают самыми верными сторонниками советской власти, первый секретарь Северо-Донского окружкома В.М. Лукин не без гордости утверждал в ноябре 1936 г.: *«Другим стало колхозное казачество Дона... Нынче колхозы Дона являются несокрушимой крепостью нашей страны, а казаки-колхозники, овладевающие военной техникой в клубах ворошиловских кавалеристов, являются крепкой опорой советской власти и готовы в любой момент стать на защиту нашей прекрасной социалистической родины»* [48, л. 51].

Вместе с тем, несмотря на сильнейшее идеологическое давление, на специфическую терминологию, соответствующую эпохе (не просто «кавалеристы», но «ворошиловские кавалеристы»), можно утверждать, что введение военного обучения в казачьих колхозах Дона, Кубани и Терека представляло собой не столько советскую новацию, сколько восстановление изначальных военно-патриотических традиций казачества. Мало того, что военная подготовка молодых казаков в клубах и кружках «ворошиловских кавалеристов» осуществлялась традиционными методами. Важно подчеркнуть, что в ходе обучения казачья молодежь Юга России вольно или невольно знакомилась с культурой и традициями своего субэтноса, постепенно проникалась особым «казачьим духом».

Разумеется, далеко не все клубы и кружки «ворошиловских кавалеристов» пребывали в удовлетворительном состоянии и функционировали с должной эффективностью. Корреспондент «Крестьянской газеты» Н. Марченко писал в редакцию в конце 1938 г., что в колхозах станицы Старо-Титаровской Темрюкского района Краснодарского края *«есть снимки ворошиловских кавалеристов, но с ворошиловскими кавалеристами в станице не занимаются»* [87, с. 810]. В 1940 г. руководители Базковского района Ростовской области довольно самокритично подчеркивали: *«Значительно выросла организация ОСОАвиахим, созданы кружки ворошиловских всадников, стрелковые кружки и т.д. Однако руководство оборонной работой военный отдел райкома ВКП(б) осуществляет еще недостаточно, слабая живая связь на местах с этими организациями, приводит к тому, что*

некоторые кружки часто не проводят занятия» [57, л. 30]. Даже И.Е. Хромушин, председатель колхоза «Донской скакун» Тарасовского района Азово-Черноморского края, где и зародилось движение «ворошиловских кавалеристов» Юга России, признавал в начале 1937 г.: *«К стыду, нашему, надо сказать, что за последнее время работа нашего клуба “Ворошиловских кавалеристов” ослабла»* [88, с. 31]. Тем не менее данная форма оборонно-массовой работы, сочетавшая в себе как казачьи военно-патриотические традиции, так и советские новации, в значительной степени способствовала повышению допризывной подготовки молодых казаков – будущих кавалеристов Красной армии. В итоге функционирование клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов» повышало «могучесть Красной Армии» [89, л. 38], получавшей подготовленное и дисциплинированное пополнение.

Кампания «за советское казачество» способствовала сохранению и развитию культурных традиций казачества. К примеру, в станице Вешенской начал действовать театр колхозной казачьей молодежи, и здесь очевидна роль донского писателя М.А. Шолохова. В Большом театре состоялась премьера оперы «Тихий Дон» в 4 действиях (6 картинах), написанной молодым советским композитором И.И. Дзержинским. Премьеру в Москве посетила делегация из 60 казаков (в том числе 11 казачек) из Северо-Донского округа. Опера ставилась на большинстве оперных сцен Советского Союза. С поездкой в Москву произошла целая история.

На 5 марта 1936 г. было намечено отправление делегации в количестве 60 казаков-колхозников («персонально отобранных», «среди них 11 чел[овек] казачек») в Москву, на просмотр оперы «Тихий Дон». При этом первый секретарь Северо-Донского окружкома ВКП (б) В.М. Лукин просил первого секретаря Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаева: *«Было бы хорошо возглавлять поездку одним из работников Крайкома ВКП(б), или, в крайнем случае, Крайисполкома. По нашим сведениям, в Москве имеют в виду по-настоящему встретить наших казаков. Очень прошу Вас помочь предоставить нам вагон 5-го марта с поездом № 75 от Ростова до Москвы, иначе нам просто невозможно всех посадить в поезд, да и «бюджет» не выдержит»* [3, л. 59, 60].

Добавим, что отправка в Москву казаков-колхозников на прослушивание оперы «Тихий Дон» имела свою предысторию. Еще 15 февраля 1936 г. Северо-Донской окружком, заслушав соответствующую просьбу М.А. Шолохова (снова мы видим, что великий донской писатель явно имел отношение к развертыванию кампании «за советское казачество»), решил *«считать возможным послать 1-го марта с.[его] г.[ода] 50 чел[овек] – передовиков колхозников-казаков в Москву для просмотра в Большом театре премьеры [оперы] “Тихий Дон”»* [38, л. 60 об.]. Через десять дней, 25 февраля 1936 г., окружком решил увеличить число посылаемых в Москву на оперу «Тихий Дон» казаков на 22 человека, из них не менее 11 женщин [38, л. 75 об.]. Естественно, об этих планах сразу же поставили в известность вышестоящее руководство, а И.В. Сталин и В.М. Молотов в телеграмме, отправленной 1 марта 1936 г. первому секретарю Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаеву (копия телеграммы ушла первому секретарю Северо-Донского окружкома В.М. Лукину в окружной центр, город Миллерово), сообщали: *«Не возражаем против приезда 65 человек [из] Северо-Донского округа»* [90, л. 91].

В конечном итоге, как отмечалось выше, решили послать в Москву 60 казаков. Что касается содержательной стороны самой вышеназванной оперы, то, как отмечает Б.В. Соколов, она была написана молодым советским композитором

Иваном Ивановичем Дзержинским на основе одноименного литературного произведения М.А. Шолохова и представляла собой обычное для того времени пропагандистско-агитационное творение «на актуальную тему Гражданской войны». Контекстуально в опере особенно подчеркивался *«мотив победы красных над белыми, от шолоховского оригинала ее создатели в этом смысле отошли достаточно далеко»* [91, с. 172–173]. Она являлась первым из оперных произведений И.И. Дзержинского, стремившегося в своем творчестве к раскрытию проблематики большого общественного значения на основе произведений писателей своего времени. В опере «Тихий Дон» композитор широко использовал крестьянский, солдатский, революционный фольклор и включил в нее массовые песенные формы в духе утверждавшегося тогда социалистического реализма. Это не могло не произвести на приехавших в Москву донских казаков большого впечатления.

На просмотр оперы «Тихий Дон» в Москву донцы поехали в марте 1936 г. в традиционных казачьих костюмах. Вот как описывала внешний вид донских казаков советская пресса: *«На них – синие суконные, до колен, “скюртуки” или короткие ватные “мундиры”, синие суконные шаровары с широкими красными лампасами и напуском, синие картузы с красным околышем и красным кантом. Из-под лихо надетых картузов выбиваются чубы. На картузах – пятиконечные красные звездочки»* [92, с. 49–50]. Очевиден акцент приводимого журналистского описания именно на красном цвете и традиционном советском символе – пятиконечной красной звездочке. Подтекст здесь прочитывается вполне ясно: донские казаки являются в настоящее время приверженцами советской власти. Важным оказывалось не наличие казачьего костюма как такового, а именно тех элементов, которые позиционировали просоветские убеждения казаков-колхозников.

На заседании президиума Азово-Черноморского краевого исполнительного комитета 7 апреля 1936 г. принимается решение о создании Доно-Кубанского казачьего хора. Первым руководителем ансамбля Донских казаков был Н.С. Иванов. В 1936 г. при участии известного фольклориста А.М. Листопадова образовался Обуховский народный казачий хор, один из старейших на Дону коллективов, из рыболовецкого казачьего хутора Обуховка, расположенного в Азовском районе Ростовской области. В марте 1936 г. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) и крайисполком постановили создать хор терских казаков во главе с директором зрелищных предприятий Северного Кавказа Пищиком [93]. Примечательно, что сохранился изданный типографским способом сборник песен краевого хора терских казаков, в который вошли 23 текста произведений песенного творчества терцев как советского, так и старинного содержания [94].

После того, как в 1937 г. Дон и Кубань оформились в качестве самостоятельных административно-территориальных образований (Ростовской области и Краснодарского края), а Терек вошел в состав Орджоникидзевского края, казачьи ансамбли продолжали активно выступать. Так, в декабре 1939 г. на бюро обкома ВКП(б) Ростовской области рассматривался вопрос «О поездке Ростовского ансамбля песни и пляски донских казаков в Западную Украину». Обком констатировал, что ансамбль с успехом выполнил свою культурно-просветительную миссию, дал за месяц (с 20 ноября по 20 декабря) 36 концертов и оказал большую помощь в развитии красноармейской самодеятельности. Бюро обкома решило: премировать участников ансамбля (для чего постановило просить Управление по делам искусств при СНК СССР выделить 30 тыс. рублей), предоставить ансамблю постоянную сцени-

ческую площадку и создать условия для творческой деятельности, организовать систематическую учебу хора и балета, принять меры по сбору и использованию в репертуаре казачьего фольклора [95, л. 14–14 об].

Репертуар донских, кубанских, терских казачьих фольклорных коллективов состоял в значительной мере из старинных песен, чей «возраст» измерялся зачастую многими десятками лет. В частности, Вешенский районный казачий хор осенью 1935 г. в Москве «играл песни», которые звучали в казачьих станицах задолго до наступления советской эпохи: «Взвеселитесь, донцы – храбрые казаки», «Из-за леса, леса копий и мечей», и др. [96, с. 522]. Весной 1936 г. Базковский районный казачий хор выступал на Всесоюзном радиофестивале в г. Ростове-на-Дону с такими песнями, как «Стоял казак на пикете», «Соловейко», «Рыболов», «Послала меня мать за белой глиной» [97]. Названия песен и их содержание позволяют отчасти согласиться с Т.С. Рудиченко, отмечавшей, что в XX веке «в донской песенной традиции в активной форме бытовал преимущественно армейский репертуар рубежа XIX – начала XX вв., состоящий в основной части из песен литературного происхождения» [98, с. 129].

В то же время эпоха «великого перелома» оказала существенное влияние на казачий фольклор, дополнив его песнями, в которых прославлялись колхозная система, советское устройство и «любимый вождь товарищ И.В. Сталин». Такое дополнение можно считать неизбежным, ибо органы власти сознательно и целенаправленно стремились к осовремениванию казачьего фольклора, указывая, что «нужно дать молодежи новые песни» [99, л. 10]. Как отмечалось в это время в региональной южнороссийской прессе, *«зажиточная, культурная жизнь порождает множество новых песен. Эти песни говорят о незыблемости колхозного строя, о дружбе и единстве народов Северного Кавказа, о готовности его (терского казачества. – А.С.) в любую минуту стать грудью на защиту своей родины»* [100]. Первый секретарь Северо-Донского окружкома ВКП(б), подчеркивая специфику привнесенных в советский период элементов казачьего фольклора, утверждал в ноябре 1936 г.: *«В песнях, в плясках и музыке казаки и казачки колхозного Дона демонстрируют укрепление своих колхозов и быстрый подъем своего культурного уровня»* [48, л. 54]. В 1936 г. терский казак Белигуров сочинил песню с характерными строками: *«Шагай вперед, казачье племя, // Крепи колхозы! В добрый путь!»* [101].

Таким образом, в репертуаре казачьих фольклорных коллективов в 1930-х гг. сочетались (и достаточно органично) как традиционные, так и советские песни. Например, 8 апреля 1936 г. в Новороссийске состоялся радиоконцерт хора кубанских казаков станицы Раевской Азово-Черноморского края. Как отмечалось в газетной публикации, «хор выступил со своим вновь разученным репертуаром», в который вошли «Песнь о Ворошилове» и старинные произведения, – «Косари», «Ой на зори жинцы жнуть» [это искаженный вариант, верно на украинском языке «Ой на горі та й женці жнуть». – А. С.] и др. [102]. Донской историк В.С. Сидоров, характеризуя одну из сложенных на Кубани казачьих песен о радостной колхозной жизни, справедливо писал: *«Оголтелая советскость песни скомбинирована с обломками подлинного фольклора, на которые “покупается” всякий равнодушный к этому человек. А в исполнении хора дивных голосов абсолютно традиционного звучания песня-подделка превращается в эстетически значимую вещь»* [103, с. 482].

Репертуар Северо-Донского окружного казачьего хора во время его выступлений в Москве в октябре 1936 г. включал в себя как новые («Интернационал», «Песня о тов. Сталине»), так и старые («На заре было, на зореньке», «Ковыль-травушка», «Орёл»),

«Веселитесь, храбрые казаки», «Конница лихая») песни [104, л. 42 об. – 43]. Сочетание в казачьем фольклоре традиционных элементов и советских новаций хорошо заметно и в собрании старинных и советских песен, пословиц, поговорок донских казаков, подготовленном в 1938 г. Обществом изучения Ростовской области при Президиуме облисполкома [105, л. 1–26]. Эти материалы, опубликованные в том же году [106], свидетельствуют о компоновке с обязательным подчеркиванием «проклятого» дореволюционного казачьего прошлого и «счастливого» советского настоящего. Содержание досоветского фольклора отражало исключительно негативные стороны казачьей жизни (тяготы военной службы, зависимость от войсковой администрации, и пр.), в то время как советские песни, сказы, поговорки повествовали о великой любви казаков к советской власти, колхозной системе и «товарищу Сталину». Надо сказать, что, несмотря на четко выраженную идеологическую, агитационно-пропагандистскую мотивацию, сам факт собирания досоветского казачьего фольклора оказал положительное воздействие на устойчивость песен, сказов, пословиц и поговорок казаков. Думается, в определенной мере внимание к казачьему фольклору во второй половине 1930-х гг. способствовало закреплению в народной памяти тех или иных фольклорных элементов. Так, послевоенная, совершенная в 1945 г., экспедиция в гребенские казачьи станицы *«показала, что казачья песня сохранилась, она жива. Это не только остатки былевого эпоса, баллад, исторических песен, но и военно-бытовая лирика, мужская и женская, любовные песни, протяжные и частые»* [107, с. 33]. В итоге казачьи песенные традиции удалось сберечь для новых поколений казаков и текстуально, и мелодично.

Именно песенное творчество казаков, на наш взгляд, стало одним из культурных истоков кампании «за советское казачество». И донской писатель М.А. Шолохов не только хорошо знал и любил донскую казачью песню, но и отчетливо понимал, что с помощью казачьей песни можно укреплять позитивный образ донских казаков в непростые советские времена. Поэтому по его инициативе в августе 1935 г. в станицу Вешенскую из колхозов района были приглашены лучшие песенники и танцоры. В образованный казачий хор отобрали 38 человек, а его первым руководителем стал казак из хутора Терновского Арсентий Аникеевич Овчаров. После концертов в Ростове-на-Дону хор в октябре 1935 г. выехал в столицу. Вешенцы дали в Москве более 60 концертов. Довелось выступить хору и на концерте, посвященном 18-й годовщине Октябрьской революции, где присутствовал И.В. Сталин [108].

Сегодня традиции Вешенского казачьего хора продолжает муниципальный ансамбль песни и пляски «Донское сияние». С 2012 г. коллектив носит звание муниципального, а его бессменным руководителем является Александр Васильевич Чудин. Исторически этот казачий творческий коллектив получается старейшим из ныне действующих казачьих ансамблей в Ростовской области.

Специфическим элементом казачьего фольклора 1930-х гг. являлись частушки. Особенность этого малого жанра заключается в том, что по отношению к ним приходится говорить не о сочетании традиционных элементов и новаций, а о коллизии содержания. Частушки отражали живую действительность колхозной казачьей станицы Юга России, но при этом характер отражения разнился в зависимости от того, кто являлся автором частушек. Немало казачьих частушек, авторство которых принадлежало либо просоветски настроенным казакам-активистам, либо же штатным пропагандистам властных структур, воспевали неопровержимые, с их точки зрения, достоинства колхозной системы: *«Старый месяц на исходе, // Новый нарождает»*

ся. // *Кто работает в колхозе, // В хлебе не нуждается*»; *«Богатеем год от года, // Горы хлеба в закромах. // У колхозных счетоводов // Аж мозоли на руках»*; [109, с. 25, 30, 32–33, 38–39, 42–43] *«Зерно сыпется в чувалы [т.е. большие мешки], // Из чувалов через край. // Ой, чувалы дюже малы // На колхозный урожай»* [110], и т.д.

Неофициальные же частушки в своей вербальной форме выражения четко фиксировали гораздо более суровое отношение вполне определенной части южнороссийского казачества к колхозам и советской власти. Особенно жестко оценивались в этом народном фольклоре события 1932–1933 гг. в пострадавших от голода регионах, как о том свидетельствуют материалы полевых исследований, опубликованные монографии В.В. Кондрашина [111, с. 507–514]. Неофициальные частушки исполняли только в узком домашнем кругу. В частности, на Дону пели: *«Как Ленин умирал, // Сталину наказывал, // Чтобы хлеба не давал, // Сала не показывал»*; *«Едет Ленин на телеге, // А телега на боку. // Ты куда, плешивый, едешь? // Ликвидировать муку»* [112]. В данном случае казачий фольклор 1930-х гг. ярко и эмоционально отражал негативные черты советской действительности, которыми изобиловала эпоха «великого перелома».

Само же казачество, в конце концов, в большинстве своем развернулось в сторону советской власти, ибо для казака-патриота Родина могла быть только одна: та, где его родовые корни, та, где его родной дом, та, где он готов растить детей, та, которую он готов защищать до последней капли крови. И это наша общая великая Россия.

Изменение тактического курса по отношению к казакам выразилось в кампании «за советское казачество», официальный старт которой дается властями в феврале 1936 г. В то же время анализ источников позволяет утверждать, что подготовительная работа к развертыванию данной кампании началась не позднее середины 1935 г., причем к ее осуществлению самое непосредственное отношение имел известный писатель М.А. Шолохов. Не случайно первая (после 1930 г.) публикация, в которой говорилось о казаках как особой группе колхозников, вышла в конце 1935 г. под фамилией первого секретаря Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаева, а наибольшую активность в проведении проказачьих мероприятий демонстрировало руководство Северо-Донского округа Азово-Черноморского края.

Разумеется, об «оказачивании» второй половины 1930-х гг. можно говорить лишь в той вероятностной смысловой перспективе, что в данное время власть со всей определенностью заявила о праве казачьих сообществ на существование, но только в рамках колхозной системы и социалистического общества. Никакого восстановления сословного статуса казаков как воинов-земледельцев не произошло, ибо это в корне противоречило всем мероприятиям большевиков, осуществленным в отношении казаков в предшествующий период. Тем более не произошло заметного увеличения численности казаков за счет неказачьего населения Юга России (бывших иногородних крестьян, немцев-колонистов и пр.). Документы позволяют утверждать, что все подобные предложения (исходившие, в частности, от С.М. Буденного) реализовать не удалось, хотя их авторы преследовали благую цель: устранить рецидивы сословной розни путем объявления всех жителей Дона, Кубани, Ставрополя и Терека казаками.

Не следует идеализировать кампанию «за советское казачество», выступавшей вынужденной мерой со стороны большевиков, многие из которых по-прежнему

испытывали недоверие, а то и ненависть к казакам. Об этом, в частности, недвусмысленно свидетельствует весьма сдержанная реакция самого И.В. Сталина на провозглашение его весной 1936 г. «почетным казаком-колхозником» Дона. Развернув кампанию «за советское казачество», представители власти приняли во внимание как обострение международной обстановки и угрозу надвигающейся войны (в которой военно-патриотические традиции казачьих сообществ могли оказаться полезными), так и упорное нежелание казаков растворяться в массе колхозников, сохранение ими своего субэтнического облика. Потребность в консолидации всего советского общества подстегивала большевиков и заставляла менять политические установки.

Изменив с середины 1930-х гг. тактический курс в отношении казачьих сообществ (в том числе и на Юге России), советское руководство приложило усилия к максимально полному использованию военно-патриотических традиций казачества для повышения обороноспособности Советского Союза и укрепления колхозной системы. В результате вновь формировались казачьи кавалерийские дивизии, широко развернулось движение «ворошиловских кавалеристов» и т.д. Таким образом, сталинский режим частично реанимировал прежний, военно-служилый, статус казачества.

Большинство казаков-колхозников Юга России выразили полную поддержку кампании «за советское казачество», обещая в ответ на мирные инициативы власти защищать СССР в любое время и от любых противников. Однако некоторая часть казаков не смогла простить сталинскому режиму его преступления периода сплошной форсированной коллективизации и отказала большевикам в социально-политическом союзе. Одним из негативных последствий насильственной коллективизации стал казачий коллаборационизм во время Великой Отечественной войны, хотя подавляющее большинство донских, кубанских, терских казаков в 1941–1945 гг. выступили против гитлеровцев, на стороне советской власти.

Кампания «за советское казачество» является лишним доказательством того, что расказачивания как **политики поголовного истребления казаков** в период сплошной форсированной коллективизации не осуществлялось, некорректно говорить об истреблении миллионов казаков. Мы считаем неадекватным и неправомерным использование понятия «расказачивание» по отношению к историческому периоду 1930-х гг. Да, произошло уничтожение казачьего сословия, поскольку казаки утратили сословные права и привилегии. Почти исчезло казачье единоличное хозяйство и казачья община как экономическая основа существования казачьего сословия. Вместе с тем социально-экономическая консолидация казачества действовала на другом экономическом фундаменте, на обобществленной хозяйственной базе казачьих колхозов (подчеркнем, был и такой термин!), стало развиваться личное подсобное хозяйство казаков, отчасти сохранялись единоличные хозяйства (в 1940 г. на Дону, Кубани и Ставрополье таковых хозяйств насчитывалось только по официальным данным примерно 8 тысяч [113, с. 138]), что позволило оформиться иной социальной группе, которую тогда вполне официально называли «казаки-колхозники», «колхозное казачество», а с началом кампании «за советское казачество» закрепилось и широко применялось в социально-политической практике понятие «советские казаки», хотя в обиходе само слово «казак(и)» сохранялось и никуда не делось, что и подпитывало ментальные, культурно-этнические надежды в казачьей среде на лучшие времена. Заметим, советские преобразования про-

ходили при жизни двух-трех поколений казачества, и старшие поколения хорошо помнили прежнюю, дореволюционную жизнь, могли передать не только в повседневном быту, но и в ходе кампании «за советское казачество» лучшие казачьи традиции молодым поколениям казаков.

Принимая во внимание кампанию «за советское казачество» (в ходе которой казаки, сотрудничавшие или мирившиеся с советской властью, признавались полноправными гражданами СССР), никак нельзя согласиться с утверждениями тех авторов, которые коллективизацию трактуют как завершающий этап расказачивания. Учитывая, что «расказачивание» в такой трактовке выглядит как ликвидация казаков как особой социальной общности или даже как субэтнуса (либо как ряда характеристик казачества как субэтнуса), возникает естественный вопрос: если коллективизация завершила процесс расказачивания, для кого же тогда задумывалась и проводилась кампания «за советское казачество»? Очевидно, что подобная трактовка является чрезмерно поспешной, политически конъюнктурной и опровергается конкретно-историческими материалами. Численность казаков оставалась достаточно высокой и к исходу 1930-х гг. Согласно справке Краснодарского краевого управления народно-хозяйственного учета о количестве населения, составленной не позднее 14 декабря 1937 г., *по переписи 1937 г., в Краснодарском крае из 2,7 млн жителей «предположительно» проживало более 1 млн казаков, что составляло 38,6 % к общей численности населения края и 78,3 % к численности кубанских казаков в 1915 г.* (тогда их насчитывалось более 1,3 млн) [114, с. 806].

Безусловно, трагической страницей того времени являлись массовые политические репрессии, сильно затронувшие казаков. В июле 1936 г. на места разослали закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». Вообще общественно-политическая ситуация 1936 г. напоминала какое-то угрюмое затишье перед бурей. Но в 1936 г. на территории современной Ростовской области не был расстрелян ни один человек. Однако ловля «троцкистов» и «зиновьевцев» в стране продолжалась. Это являлось поводом для зачистки высшего партийного руководства, для уничтожения руководителей, как тогда говорили, «погрязших в бюрократизме и самоуспокоенности». Верховная власть смогла обвинить и заменить все руководство Азово-Черноморского края: Б.П. Шеболдаева, 1-го секретаря крайкома ВКП(б); М.М. Малинова, 2-го секретаря крайкома ВКП(б); В.Ф. Ларина, председателя крайисполкома.

Началась фабрикация фиктивных уголовно-политических дел. В Азово-Черноморском крае это вылилось в подготовку «заговора» не только из числа троцкистов, но и из «правых», а, кроме того, туда же «вписали» казаков-«белогвардейцев». Белогвардейцами объявили, как это не удивительно звучит, верхушку красных казаков – бывшего казачьего комиссара при ВЦИК М.Я. Макарова (донского казака станицы Алексеевской Хоперского округа) и бывшего его заместителя Ф.П. Степанова (сибирского казака станицы Котуркульской). «Троцкистом» правоохранительные инстанции признали командующего войсками СКВО, командарма 2-го ранга Н.Д. Каширина (оренбургского казака станицы Верхнеуральской).

В условиях проведения массовых репрессий и перед предстоящими выборами в органы власти предпринимается ряд мер, успокаивающих основные массы населения. В марте 1937 г. аннулируются задолженности колхозов и единоличников. И урожай в 1937 г., словно подыгрывая закореневшему во властной вертикали

И.В. Сталину, оказался небывалый. Июль 1937 г. стал переломным моментом: репрессии обрушились на рядовое казачье и неказачье население. ЦК ВКП(б) поручил всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским руководителям НКВД взять на учет всех возвратившихся из мест заключения на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебных из них немедленно арестовать и расстрелять в порядке административного проведения дел через тройки (первая категория репрессированных), а остальных, менее активных, но все же враждебных, элементов (вторая категория репрессированных) переписали и выслали в районы по указанию НКВД. Последних, как правило, ждал срок от 8 до 10 лет заключения. Таким образом, оказались обречены все, кто хоть раз проходил по пресловутой 58-й статье УК РСФСР.

Проведение массовых репрессий партийными и силовыми структурами целенаправленно планировалось, причем в среднем рассчитывали репрессировать 0,2 % населения. Руководство Азово-Черноморского края запросило лимиты по масштабам репрессирования населения для края: 6644 человека по 1-й категории (расстрельный список) и 6962 человека по 2-й категории (длительное заключение). Очевидно, что учет враждебных элементов в крае велся тщательно и был выверен до единиц. После получения списков с мест, руководство НКВД установило свой лимит для каждого региона. Нарком внутренних дел Н.И. Ежов, мыслящий круглыми числами, направил в Азово-Черноморский край лимит – 5000 по первой категории и 8000 по второй категории. Всего подлежало репрессированию 13 000 человек.

В ходе начатой силовиками 1 августа 1937 г. спецоперации, получившей название «кулацкой», только в Вешенском районе «обнаружили» и «обезвредили» 5 казачьих «подпольных организаций». В следующем, 1938 г. от региональной партийной элиты и «перестаравшихся» сотрудников НКВД последовали новые просьбы с мест об увеличении лимита на репрессии. Если средний процент осужденных по стране устанавливался 0,2 % от численности населения региона, то в Азово-Черноморском крае в итоге репрессиям подверглись 0,3–0,4 % населения. 17 ноября 1938 г. И.В. Сталин и В.М. Молотов подписали совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 81 «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». С этого момента репрессивная политика резко изменилась. Судя по архивным документам, все, кого не успели расстрелять до ноября 1938 г., уцелели, какие бы страшные уголовно-политические обвинения им ни предъявлялись. Детально исторический сюжет о репрессиях в Азово-Черноморском крае в 1937–1938 гг. проанализировал профессор А.В. Венков [115, с. 79–90].

В целом же репрессии периода 1937–1938 гг., по сравнению с периодом уголовно-политических преследований 1930–1933 гг., носили менее массовый характер, но оказались гораздо более жестокими по характеру применяемых государством карательных мер. Соотношение 1-й (расстрельной) категории и 2-й (тюремно-лагерной) категории в 1930 г. составляло 1 : 8 – 1 : 10 (иначе говоря, на 10 заключенных приходился лишь 1 расстрелянный арестант). В репрессивной практике 1937 г. это достаточно трагическое соотношение сравнялось (1 : 1). Подчеркнем, поголовного уничтожения казачества не произошло: *«Трагические страницы истории казачества необходимо исследовать и помнить о них, а если писать об этих трагических страницах, то делать это с большим тактом, не превращать исследование в полигон для антирусского глумления»* [116, с. 289].

О том, что коллективизация на Юге России не тождественна рассказыванию и тем более она не завершила этот репрессивный процесс (политику), свидетельствуют и результаты анализа казачьей повседневности и культуры 1930-х гг. Безусловно, *«колхозное строительство» оказало сильнейшее влияние на структуры повседневности казачьих станиц Дона, Кубани, Терека. В первой половине 1930-х гг. это влияние носило преимущественно негативный характер, поскольку деструктивный импульс коллективизации привел к разрушению целого ряда казачьих станиц и снижению эффективности функционирования социальной инфраструктуры. В частности, нельзя ни в коем случае забывать региональную социальную трагедию 15 “чернодосочных станиц”»* [117, с. 57–66], равно как и попытку властей минимизировать ее последствия с помощью красноармейцев-переселенцев [118, с. 211–218]. Во второй же половине десятилетия, в результате организационно-хозяйственного укрепления колхозной системы, в казачьих станицах в широких масштабах началось строительство клубов, школ, библиотек, больниц, осуществлялась электрификация и пр. Приметы «нового быта» в это время становились все более многочисленными и зримыми, а казаки-колхозники искренне хотели «Сталину родному // Все богатства показать» [105, л. 23].

Но наряду с этим, даже в коллективизированных казачьих станицах Дона, Кубани и Терека второй половины 1930-х гг. сохранялась масса традиционных элементов культуры и быта. Это логически объясняется тем, что ускоренность модернизации «по-сталински» не позволила полностью изменить складывавшийся веками уклад жизни донцов, кубанцев, терцев. Сбережению целого ряда традиционных элементов казачьей повседневности в значительной мере способствовала и кампания «за советское казачество». Даже к исходу 1930-х гг. сохранялся и использовался в быту традиционный казачий костюм, казаки жили в традиционных жилищах и т.д. Невосполнимой утраты казачьей культуры не произошло, и в этом заключается, пожалуй, главное достижение кампании «за советское казачество» как целенаправленной партийно-государственной политики второй половины 1930-х гг.

Молодые поколения казаков, выросшие в годы советской власти, в массе своей приветствовали социалистические преобразования и выказывали поддержку всем советским реформам. В сентябре 1937 г. произошло очередное изменение административно-территориального деления. Вместо упраздненного Азово-Черноморского края появились Ростовская область и Краснодарский край. У молодых казаков по-прежнему на слуху оставались герои из числа самих казаков, такие как донской казак из хутора Семимаячный станицы Верхнекундрюченская бывшего Первого Донского округа, подъесаул Белой армии, советский генерал, трижды Георгиевский кавалер и кавалер трех орденов Красного Знамени Т.Т. Шапкин. Генеральскую карьеру в предвоенные годы сделал донской казак станицы Преображенской бывшего Хоперского округа, кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды В.С. Попов, защитивший в 1937 г. диссертацию «Действия кавалерийского корпуса в прорыве» на соискание ученой степени кандидата военных наук, где отстаивал свой практический опыт как командир 4-го казачьего кавалерийского корпуса. И этот список довольно длинный.

Подчеркнем, главный исторический урок подготовки и осуществления социально-политической кампании «за советское казачество» заключается в осознании важности каждой социальной (этнической) группы для российского общества, ибо она

может и должна принести пользу своей стране во имя процветания общей Родины – великой России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Щетнев В.Е.* Рассказывание как социально-историческая проблема // *Голос минувшего*. 1997. № 1. С. 18–22.
2. Правда. 1936. 18 февраля.
3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 344.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 219.
5. Речь Ф.М. Сылкова на съезде передовиков животноводства // *Казачество под большевистским знаменем*. Пятигорск: Северо-Кавказское краевое государственное издательство, 1936. С. 55–57.
6. Речь Ф.Т. Токмачева на съезде передовиков животноводства // *Казачество под большевистским знаменем*. С. 62–65.
7. *Бондарев В.А.* Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополя в конце 20-х – 30-х годах XX века. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 520 с.
8. *Шеболдаев Б.П.* Выступление на совещании в ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации. 2 июля 1934 г. // *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы в 5 т. 1927–1939. Т. 4. 1934–1936 / отв. ред. Ю. Мошков. М.: РОССПЭН, 2002. С. 178–181.*
9. Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2002. 528 с.
10. Картины былого Тихого Дона. Т. 2. М.: Граница, 1992. 223 с.
11. *Шолохов М.А.* Поднятая целина. М.: Молодая гвардия, 1960. 614 с.
12. *Скорик А.П.* Преодоление последствий работы в конце 1932 года специальной комиссии Л.М. Кагановича на Кубани (на примере передового колхоза) // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2020. № 1. С. 74–82.
13. *Скорик А.П.* Прототипы шолоховских героев в документальных источниках по истории донского казачества 1930-х гг. // *Власть* (г. Москва). 2009. № 7. С. 135–137.
14. *Скорик А.П.* Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. 344 с.
15. *Скорик А.П.* Антипатриотические настроения казачества Юга России в период коллективизации как выражение социального протеста // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2009. № 1. С. 72–76.
16. *Хохульников К.Н.* Казачью славу приумножив!.. Казачье зарубежье XX столетия. История. Культурно-историческое, духовное наследие. Ростов н/Д.: Казачье зарубежье, 2009. 496 с.
17. *Ратушняк О.В.* Казачье зарубежье как социально-исторический феномен: образование, структура, проблемы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни: 1920–1960-е гг.: дис. ... докт. ист. наук. Краснодар, 2017. 533 с.
18. *Скорик А.П.* Качели судьбы донского казака-репатрианта Утишева: опыт исторической биографии // *Российская государственность в судьбах народов Кавказа–XI. Материалы региональной науч.-практ. конф. Пятигорск, 26 апреля 2019 г. Пятигорск: ПГУ, 2019. С. 276–303.*
19. *Скорик А.П., Тикиджян Р.Г.* Красные партизаны в советской действительности 1920-х – 1930-х годов (на материалах Юга России) // *Российская история*. 2009. № 4. С. 104–114.
20. *Панфилец В.К.* Кубанская станица: [Станица Новолеушковская Краснодарского края]. Краснодар: Сев. Кавказ, 1993. 184 с.
21. ЦДНИРО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 82.
22. *Самсоненко Т.А.* Развитие системы социальной помощи и здравоохранения в коллективизированной деревне Юга России 1930-х гг.: дис. ... докт. ист. наук. Новочеркасск, 2011. 590 с.
23. *Осколков Е.Н.* Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 1993. № 1–2. С. 3–23.
24. *Осокина Е.А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М.: Изд-во МГОУ, 1993. 144 с.
25. ЦДНИРО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 27.

26. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 174.
27. Молот. 1930. 27 апреля.
28. Полевые материалы автора (далее – ПМА). Информант Попова (Петрова) Александра Леонтьевна, 1930 г.р., записана в хуторе Старая Станица г. Каменска Ростовской области 10 мая 2009 г.
29. *Власкина Т.Ю.* Посаждение на коня в обрядности детского цикла донских казаков // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: мат-лы Всерос. науч. конф. (9–10 июня 2009 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2009. С. 90–93.
30. Военный билет А.А. Жужнева. // Личный архив автора. Костино-Быстрянский сельсовет (административный центр – хутор Костино-Быстрянский), ныне это Морозовский район Ростовской области.
31. *Скорик А.П., Шадрина А.В.* Воинский тип религиозности донского казачества: опыт академического эссе // Казачествоведение. 2025. Т. 1, № 3. С. 17–39.
32. Вышеград. Северодонцы вышли в Новочеркасск // Молот. 1936. 20 мая.
33. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 570.
34. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 580.
35. Постановление Северо-Кавказского крайисполкома и крайкома ВКП(б) «О краевом народном празднике в связи с предстоящим приездом в Пятигорск казаков Дона и Кубани» от 23 марта 1936 г. // Северо-Кавказский большевик. 1936. 24 марта.
36. Ворошиловские всадники // Молот. 1936. 29 января.
37. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р 1185. Оп. 3. Д. 84.
38. ЦДНИРО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 59.
39. ЦДНИРО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 60.
40. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11.
41. *Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К.* Казачество и социализм: Исторические очерки. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1986. 160 с.
42. Постановление Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О развитии конного спорта в Северо-Кавказском крае» от 13 февраля 1936 г. // Северо-Кавказский большевик. 1936. 16 февраля.
43. *Буденный С.М.* Нам нужны красные конники // Молот. 1936. 1 февраля.
44. *Егоров А.И.* Ворошиловским кавалеристам // Молот. 1936. 23 февраля.
45. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 754.
46. Письмо казака-колхозника колхоза имени 8 Марта Крыловского района [Краснодарского края] Петра Дмитриевича Дубины «Множить ряды ворошиловских всадников» // Большевик. 1938. 16 мая.
47. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 133.
48. ЦДНИРО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 72.
49. ЦДНИРО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 7.
50. 86 клубов ворошиловских кавалеристов // Молот. 1936. 4 марта.
51. Вышеград. 300 кружков ворошиловских кавалеристов // Молот. 1936. 10 апреля.
52. Почему в Ростове нет клуба ворошиловских кавалеристов? // Молот. 1936. 10 апреля.
53. Речь Е.Г. Евдокимова на пленуме Ростовского горсовета с советскими казаками Дона, Кубани, Терека и горцами Северного Кавказа 15 марта 1936 г. // Казачество под большевистским знаменем. С. 15–30.
54. ЦДНИРО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 29.
55. ЦДНИРО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 66.
56. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 11. Д. 47.
57. ЦДНИРО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 19.
58. День нашей жизни. Статьи. Заметки. Письма. Документы. (15 мая 1940 г.). Ростов н/Д.: Ростоблкнигоиздат. 1940. 228 с.
59. Новые кружки ворошиловских всадников // Орджоникидзевская правда. 1940. 18 октября.
60. *Заикин А.* Создадим эскадроны ворошиловских всадников // Орджоникидзевская правда. 1940. 11 сентября.
61. Большевик. 1940. 30 июля.
62. ЦДНИРО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 80.
63. *Маслов С.* Всадники Буденного // Коневодство и конный спорт. 1985. № 5. С. 13–15.
64. Шире движение ворошиловских кавалеристов // Молот. 1936. 20 марта.

65. Ворошиловские кавалеристы. Беседа с командующим восками СКВО, командармом 2-го ранга тов. Н.Д. Кашириным // Молот. 1936. 1 февраля.
66. Клуб ворошиловских кавалеристов // Молот. 1936. 11 февраля.
67. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 216.
68. Делегация казаков Дона у товарищей Шеболдаева, Ларина и Малинова // Молот. 1936. 29 мая.
69. ЦДНИРО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 62.
70. Помощь ворошиловским кавалеристам // Молот. 1936. 20 марта.
71. *Шергов И.* Боевые сыны Терека и Кубани. На краевых конно-спортивных состязаниях // Орджоникидзевская правда. 1940. 20 августа.
72. Колхозный путь. 1937. № 1. С. 24, 30, 38, 41.
73. Клуб ворошиловских всадников // Орджоникидзевская правда. 1940. 7 декабря.
74. *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д.: Российская академия образования, 2001. 280 с.
75. *Петров (Бирюк) Д.И.* Сказание о казаках. М.: Воениздат, 1973. 853 с.
76. *Шубин С.* Сыны советского Дона // Советские казаки. Очерки о бойцах, строителях социализма, верных сынах колхозного Тихого Дона. Сталинград: Крайиздат, 1936. С. 105–117.
77. *Чумак И.* Казачья полусотня // Орджоникидзевская правда. 1940. 15 августа.
78. Орджоникидзевская правда. 1940. 8 января.
79. ПМА. Информант Давидович Всеволод Евгеньевич, 1922 г.р., записан в г. Ростов-на-Дону 10 мая 2009 г.
80. Письмо донской казачьей сотни Б.П. Шеболдаеву, В.Ф. Ларину, Н.Д. Каширину. 24 марта 1936 г. // Колхозный путь. 1936. № 6. С. 2.
81. ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 141.
82. ЦДНИРО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 83.
83. Колхозная молодежь овладевает военными знаниями // Орджоникидзевская правда. 1940. 27 декабря.
84. *Шергов И.* Состязания колхозных конников // Орджоникидзевская правда. 1938. 1 ноября.
85. *Гуревич Л.* Праздник дружбы народов // Молот. 1936. 8 мая.
86. *Чекалин Ю.* Красное знамя // Орджоникидзевская правда. 1939. 12 октября.
87. Информационное письмо редактору «Крестьянской газеты» // Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы / пред. ред. коллегии А.А. Алексеева; сост.: А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь, В.Е. Токарев. Краснодар: Эдви, 1997. С. 810.
88. *Хромушин И.Е.* Путь к миллионным доходам // Колхозный путь. 1937. № 1. С. 28–31.
89. ЦДНИРО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28.
90. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 54.
91. *Соколов Б.В.* Сталин, Булгаков, Мейерхольд... Культура под сенью великого кормчего. М.: Вече, 2004. 384 с.
92. Донские казаки в Москве // Казачество под большевистским знаменем. С. 49–51.
93. Тов. Пищик руководит казачьим хором // Северо-Кавказский большевик. 1936. 30 марта.
94. Песни краевого хора терских казаков / отв. ред.: Ян Казьмерович, М. Ставицкий. Пятигорск: Севкавведиздат, 1936. 52 с.
95. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 178.
96. Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. В 2 кн. Кн. 1. 1905–1941 гг. / сост., вступ. ст., коммент., примеч. В.В. Петелина. М.: Шолоховский центр МГОПУ им. М.А. Шолохова. 2005. 813 с.
97. Базковский казачий хор // Молот. 1936. 18 марта.
98. Рудиченко Т.С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова, 2004. 512 с.
99. ЦДНИРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 60.
100. Капиев Эффенди. Терская казачья песня // Орджоникидзевская правда. 1939. 12 ноября.
101. *Андреев С.* Из-за Терека буйного // Северо-Кавказский большевик. 1936. 11 декабря.
102. *Соколов Ал.* Радиоконцерт казачьего хора // Молот. 1936. 10 апреля.

103. Крестная ноша. Трагедия казачества. Ч. I. Как научить собаку есть горчицу. 1924–1934 / сост. В.С. Сидоров. Ростов н/Д.: Гефест, 1994. 511 с.
104. ЦДНИРО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 62.
105. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 230.
106. Фольклор Дона и Кубани. Сб. 1-й. Ростов н/Д.: Ростиздат, 1938. 168 с.
107. Белецкая Е.М. Фольклор станицы Червленой: память поколений (1890–1990-е гг.) // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: мат-лы 6-й Междунар. Кубанско-Терской конф. / под ред. Н.Н. Великой, С.Н. Лукаша. Краснодар; Армавир, 2008. С. 29–35.
108. Грибанов С. Вешенскому станичному хору – 70! // Тихий Дон. 2005. 20 августа.
109. Дон волною серебрится. Частушки, пословицы и поговорки Дона / сост. П.И. Ковешников. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1979. 191 с.
110. Мекенские припевки // Орджоникидзевская правда. 1937. 24 октября.
111. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 519 с.
112. ПМА. Информант Шматова Юлия Николаевна, 1935 г.р. (1935–2018), записана в селе Верхне-Свечниково Кашарского района Ростовской области в ноябре 2008 г.
113. Бондарев В.А., Ревин И.А. Единоличные крестьянские хозяйства на Юге России в 1930-е годы // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 4(84). С. 130–140.
114. Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы / пред. ред. коллегии А.А. Алексеева; сост.: А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь, В.Е. Токарев. Краснодар: Эдви, 1997. 1120 с.
115. Венков А.В. Союз троцкистов и белых казаков, или разгром партийно-советской верхушки в Азово-Черноморском крае // Наука Юга России. 2017. Т. 13, № 2. С. 79–90.
116. Венков А.В. Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казацкого народа» // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 1. С. 275–290.
117. Скорик А.П. Депортация населения «чернодосочных» станиц как антиказачья акция: причины и последствия // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг.: мат-лы науч.-практ. конф. / под ред. Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. Краснодар: Традиция, 2009. С. 57–66.
118. Скорик А.П., Бондарев В.А. Красноармейцы-переселенцы в колхозах Дона и Кубани в 1930-х гг.: Опыт исторического исследования локально созданной социальной группы эпохи «великого перелома» // Человек на исторических поворотах XX века / под ред. А.Н. Еремеевой, А.Ю. Рожкова. Краснодар: Кубанькино, 2006. С. 211–218.

REFERENCES

1. Shchetnyov V.E. 1997. Raskazachivanie as a Socio-Historical Problem. *Golos minuvshogo*. [Voice of the Past]. No. 1: 18–22. (In Russian).
2. *Pravda*. [Pravda newspaper]. 1936. February 18th. (In Russian).
3. [Documentation Centre for the Modern History of the Rostov Region (DCMHRR)]. Coll. 8. Aids. 1. Fol. 344. (In Russian).
4. [The Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH)]. Coll. 17. Aids. 120. Fol. 219. (In Russian).
5. Rech' F.M. Skylkova na s"ezde peredovikov zivotnovodstva. 1936. [Speech by F.M. Skylkov at the Congress of Animal Husbandry Leaders]. *Kazachestvo pod bol'shevistskim znamenem*. [The Cossacks under the Bolshevik Banner]. Pyatigorsk: Severo-Kavkazskoe kraevoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1936: 55–57. (In Russian).
6. Rech' F.T. Tokmachyova na s"ezde peredovikov zivotnovodstva. 1936. [Speech by F.T. Tokmachev at the Congress of Animal Husbandry Leaders]. *Kazachestvo pod bol'shevistskim znamenem*. [The Cossacks under the Bolshevik Banner]. Pyatigorsk: Severo-Kavkazskoe kraevoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1936: 62–65. (In Russian).
7. Bondarev V.A. 2006. *Krest'yanstvo i kollektivizatsiya: mnogoukladnost' social'no-ekonomicheskikh otnoshenij derevni v rajonah Dona, Kubani i Stavropol'ya v konce 20-h – 30-h godah XX veka*. [Peasantry and Collectivization: The Diversity of Social and Economic Relations in the Villages of the Don, Kuban, and Stavropol Regions in the Late 1920s and 1930s]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo SKNC VSh: 520. (In Russian).
8. Sheboldaev B.P. 2002. Vystuplenie na soveshchanii v CK VKP(b) po voprosam kollektivizatsii. 2 iyulya 1934 g. [Speech at a meeting of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the issues of collectivization. July 2, 1934]. *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie: Dokumenty i materialy v 5-ti t. 1927–1939. T. 4. 1934–1936*. [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dekulakization: Documents and Materials in 5 Vols. 1927–1939. Vol. 4. 1934–1936]. Yu. Moshkov (eds.). Moscow, ROSSPEN: 178–181. (In Russian).

9. Livshin A.Ya., Orlov I.B., Hlevnyuk O.V. (compl.) 2002. *Pis'ma vo vlast'. 1928–1939: Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennye struktury i sovetskim vozhdym*. [Letters to the authorities. 1928–1939: Statements, complaints, denunciations, and letters to government agencies and Soviet leaders]. Moscow, ROSSPEN, 2002: 528. (In Russian).
10. *Kartiny bylogo Tihogo Dona*. [Paintings of the former Quiet Don]. Vol. 2. Moscow, Granica, 1992: 223. (In Russian).
11. Sholohov M.A. 1960. *Podnyataya celina*. [Raised virgin land]. Moscow, Molodaya gvardiya: 614. (In Russian).
12. Skorik A.P. 2020. [Overcoming the consequences of the work of L.M. Kaganovich's special commission in the Kuban region in late 1932 (using the example of an advanced collective farm)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. [Humanities and Legal Studies]. No. 1: 74–82. (In Russian).
13. Skorik A.P. 2009. [Prototypes of Sholokhov's characters in documentary sources on the history of the Don Cossacks in the 1930s]. *Vlast' (Moscow)*. [Power (Moscow)]. No. 7: 135–137. (In Russian).
14. Skorik A.P. 2008. *Mnogolikost' kazachestva Yuga Rossii v 1930-e gody: Ocherki istorii*. [The Diversity of the Cossacks in Southern Russia in the 1930s: Essays on History]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo SKNC VSh SFEDU: 344. (In Russian).
15. Skorik A.P. 2009. [Anti-patriotic Sentiments of the Cossacks of Southern Russia during the Period of Collectivization as an Expression of Social Protest]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*. [Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences]. No. 1: 72–76. (In Russian).
16. Hohul'nikov K.N. 2009. *Kazach'yu slavu priumnozhiv!.. Kazach'ye zarubezh'ye KHKH stoletiya. Istoriya. Kul'turno-istoricheskoye, dukhovnoye nasledie*. [Multiplying the Cossacks' glory!.. The Cossack diaspora of the 20th century. History. Cultural, historical, and spiritual heritage]. Rostov-on-Don, Kazach'ye zarubezh'ye: 496. (In Russian).
17. Ratushnyak O.V. 2017. *Kazach'e zarubezh'e kak social'no-istoricheskij fenomen: obrazovanie, struktura, problemy obshchestvenno-politicheskoy, social'no-ekonomicheskoy i kul'turnoj zhizni: 1920–1960-e gg*. [The Cossack Diaspora as a Socio-Historical Phenomenon: Formation, Structure, and Problems of Socio-Political, Socio-Economic, and Cultural Life: 1920s–1960s]. PhD (History) Thesis. Krasnodar: 533. (In Russian).
18. Skorik A.P. 2019. [The Swing of Fate of the Don Cossack Repatriate Utishev: An Experience of Historical Biography]. *Rossiyskaya gosudarstvennost' v sud'bah narodov Kavkaza-XI. Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii*. [Russian statehood in the fates of the peoples of the Caucasus-XI. Materials of the regional scientific and practical conference. Pyatigorsk, April 26, 2019]. Pyatigorsk, PGU: 276–303. (In Russian).
19. Skorik A.P., Tikidzh'yan R.G. 2009. [Red Partisans in the Soviet Reality of the 1920s and 1930s (Based on the Materials from Southern Russia)]. *Rossiyskaya istoriya*. [Russian History]. No. 4: 104–114. (In Russian).
20. Panfilec V.K. 1993. *Kubanskaya stanica: [Stanica Novoleushkovskaya Krasnodarskogo kraya]*. [Kuban village: (Novoleushkovskaya village, Krasnodar region)]. Krasnodar, Severnyj Kavkaz: 184. (In Russian).
21. [Documentation Centre for the Modern History of the Rostov Region]. Coll. 36. Aids. 1. Fol. 82. (In Russian).
22. Samsonenko T.A. 2011. *Razvitie sistemy social'noj pomoshchi i zdravoohraneniya v kollektivizirovannoj derevne Yuga Rossii 1930-h gg*. [Development of the social assistance and healthcare system in the collectivized villages of Southern Russia in the 1930s]. PhD (History) Thesis. Novocherkassk: 590. (In Russian).
23. Oskolkov E.N. 1993. [The Tragedy of the Black-Board Villages: Documents and Facts]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*. [Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences]. No. 1–2: 3–23. (In Russian).
24. Osokina E.A. 1993. *Ierarhiya potrebleniya. O zhizni lyudej v usloviyah stalinskogo snabzheniya. 1928–1935 gg*. [The hierarchy of consumption. About people's lives under Stalin's supply system. 1928–1935]. Moscow, Izdatel'stvo MGOU: 144. (In Russian).
25. [DCMHRR]. Coll. 87. Aids. 1. Fol. 27. (In Russian).
26. [Russian State Military Archive (RGVA)]. Coll. 33987. Aids. 3. Fol. 174. (In Russian).
27. *Molot*. [Molot newspaper]. 1930. April 27th. (In Russian).
28. *Polevye materialy avtora*. [The author's field materials]. Informant Popova (Petrova) Aleksandra Leont'evna, born in 1930; recorded in the village of Staraya Stanitsa, Kamensk, Rostov Region (Oblast'), on May 10, 2009. (In Russian).
29. Vlaskina T.Yu. 2009. [Mounting a Horse in the Rituals of the Don Cossacks' Children's Cycle]. *Nacional'nye elity i problemy social'no-politicheskoy i ekonomicheskoy stabil'nosti: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (9–10 iyunya 2009 g., Rostov-na-Donu)*. [National Elites and Problems of Socio-Political and Economic Stability: Materials of the All-Russian Scientific Conference (June 9–10, 2009, Rostov-on-Don)] / akad. G.G. Matishov (eds.). Rostov-on-Don: 90–93. (In Russian).

30. *Military ID Card of A.A. Zhuzhnev. Lichnyj arhiv avtora. Kostino-Bystryanskij sel'sovet (administrativnyj centr – hutor Kostino-Bystryanskij), nyne eto Morozovskij rajon Rostovskoj oblasti. [The author's personal archive. Kostino-Bystryansky Selsoviet (the administrative center is the farmstead of Kostino-Bystryansky), now part of the Morozovsky District of the Rostov Region].* (In Russian).

31. Skorik A.P., Shadrina A.V. 2025. [The Military Type of Religiousness among the Don Cossacks: An Academic Essay]. *Kazakovedenie*. 1(3): 17–39. (In Russian).

32. [The North-Don representatives went to Novocherkassk]. *Molot*. [Molot newspaper]. 20 of May. (In Russian).

33. [Russian State Archive of Economics (RSAE)]. Coll. 396. Aids. 3. Fol. 570. (In Russian).

34. [RSAE]. Coll. 396. Aids. 3. Fol. 580. (In Russian).

35. [Resolution of the North Caucasus Regional Executive Committee and the Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) "On the Regional People's Festival in Connection with the Upcoming Visit of the Don and Kuban Cossacks to Pyatigorsk" dated March 23, 1936]. *Severo-Kavkazskij bol'shevik*. [The North Caucasus Bolshevik]. 1936. 24 of March. (In Russian).

36. [Voroshilov Horsemen]. *Molot*. [Molot newspaper]. 1936. January 29th. (In Russian).

37. [The State Archive of the Rostov Region (SARR)]. Coll. R-1185. Aids. 3. Fol. 84. (In Russian).

38. [DCMHRR]. Coll. 76. Aids. 1. Fol. 59. (In Russian).

39. [DCMHRR]. Coll. 76. Aids. 1. Fol. 60. (In Russian).

40. [DCMHRR]. Coll. 9. Aids. 1. Fol. 11. (In Russian).

41. Voskoboynikov G.L., Prilepskij D.K. 1986. *Kazachestvo i socializm: Istoricheskie ocherki*. [Cossacks and Socialism: Historical Essays]. Rostov-on-Don, Knizhnoe izdatel'stvo: 160. (In Russian).

42. [Resolution of the North Caucasus Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) "On the Development of Equestrian Sports in the North Caucasus Region" dated February 13, 1936]. *Severo-Kavkazskij bol'shevik*. [The North Caucasus Bolshevik]. 1936. 16 of February. (In Russian).

43. Budyonnyj S.M. 1936. [We need red horsemen]. *Molot*. [Molot newspaper]. 1 of February. (In Russian).

44. Egorov A.I. 1936. [Voroshilov cavalymen]. *Molot*. [Molot newspaper]. 23 of February. (In Russian).

45. [The State Archive of the Modern History of the Stavropol Territory (SAMHST)]. Coll. 1. Aids. 1. Fol. 754. (In Russian).

46. [Letter from Pyotr Dmitrievich Dubina, a Cossack collective farmer from the 8 March collective farm in the Krylovsky district (Krasnodar Territory)]. *Bol'shevik*. [The Bolshevik newspaper]. 1938. 16 of May. (In Russian).

47. [Documentation Center of the Modern History of the Krasnodar Territory (DCMHKR)]. Coll. 12. Aids. 1. Fol. 133. (In Russian).

48. [DCMHRR]. Coll. 76. Aids. 1. Fol. 72. (In Russian).

49. [DCMHRR]. Coll. 31. Aids. 1. Fol. 7. (In Russian).

50. [86 clubs of Voroshilov Cavalymen]. *Molot*. [Molot newspaper]. 1936. 4 of March. (In Russian).

51. [300 clubs of Voroshilov Cavalymen]. *Molot*. [Molot newspaper]. 10 of April. (In Russian).

52. *Pochemu v Rostove net kluba voroshilovskih kavaleristov? [Why isn't there a Voroshilov Cavalry Club in Rostov?]. Molot*. [Molot newspaper]. 1936. April 10th. (In Russian).

53. [Speech by E.G. Evdokimov at the plenary session of the Rostov City Council with the Soviet Cossacks of the Don, Kuban, Terek, and the highlanders of the North Caucasus on March 15, 1936]. *Kazachestvo pod bol'shevistskim znamenem*. [The Cossacks under the Bolshevik Banner]. Pyatigorsk, Severo-Kavkazskoe kraevoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1936: 15–30. (In Russian).

54. [DCMHRR]. Coll. 44. Aids. 1. Fol. 29. (In Russian).

55. [DCMHRR]. Coll. 44. Aids. 1. Fol. 66. (In Russian).

56. [RSAE]. Coll. 396. Aids. 11. Fol. 47. (In Russian).

57. [DCMHRR]. Coll. 28. Aids. 1. Fol. 19. (In Russian).

58. *Den' nashej zhizni. Stat'i. Zametki. Pis'ma. Dokumenty. (15 maya 1940 g.)*. [A day of our lives. Articles. Notes. Letters. Documents. (May 15, 1940)]. Rostov-on-Don, Rostoblknigoizdat, 1940: 228. (In Russian).

59. [New clubs of Voroshilov's horsemen]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda*. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]. 1940. 18 of October. (In Russian).

60. Zaikin A. 1940. [Let's create squadrons of Voroshilov's horsemen]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda*. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]. 11 of September. (In Russian).

61. *Bol'shevik*. [The Bolshevik newspaper]. 1940. 30 of July. (In Russian).

62. [DCMHRR]. Coll. 87. Aids. 1. Fol. 80. (In Russian).

63. Maslov S. 1985. [Horsemen of Budyonny]. *Konevodstvo i konnyj sport. [Horse Breeding and Equestrian Sports]*. No. 5: 13–15. (In Russian).
64. [The movement of Voroshilov's cavalymen becomes wider]. *Molot. [Molot newspaper]*. 1936. March 20th. (In Russian).
65. [Voroshilov Cavalymen. Conversation with the Commander of the North Caucasus Military District, Army Commander of the 2nd Rank, Comrade N.D. Kashirin]. *Molot. [Molot newspaper]*. 1936. 1 of February. (In Russian).
66. [Voroshilov Cavalymen's Club]. *Molot. [Molot newspaper]*. 1936. 11 of February. (In Russian).
67. [RSASPH]. Coll. 17. Aids. 120. Fol. 216. (In Russian).
68. [A delegation of Don Cossacks at the home of Comrades Sheboldaev, Larin, and Malinov]. *Molot. [Molot newspaper]*. 1936. 29 of May. (In Russian).
69. [DCMHRR]. Coll. 36. Aids. 1. Fol. 62. (In Russian).
70. [Assistance to the Voroshilov Cavalry]. *Molot. [Molot newspaper]*. 1936. 20 of March. (In Russian).
71. Shergov I. 1940. [The Fighting Sons of the Terek and the Kuban. At the Regional Equestrian Competitions]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]*. 20 of August. (In Russian).
72. *Kolhoznyj put'. [Kolkhoz Path]*. 1937. No. 1: 24, 30, 38, 41. (In Russian).
73. [Voroshilov Horsemen's Club]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]*. 1940. 7 of December. (In Russian).
74. Velikaya N.N. 2001. *Kazaki Vostochnogo Predkavkaz'ya v XVIII–XIX vv. [Cossacks of the Eastern Ciscaucasia in the 18th and 19th Centuries]*. Rostov-on-Don, Rossijskaya akademiya obrazovaniya: 280. (In Russian).
75. Petrov (Biryuk) D.I. 1973. *Skazanie o kazakah. [The legend of the Cossacks]*. Moscow, Voenizdat: 853. (In Russian).
76. Shubin S. 1936. [Sons of the Soviet Don]. *Sovetskie kazaki. Oчерки o bojcax, stroitelyah socializma, vernyh synah kolhoznoho Tihogo Dona. [Soviet Cossacks. Essays about Fighters, Builders of Socialism, Faithful Sons of the Collective Farm Quiet Don]*. Stalingrad, Krajizdat: 105–117. (In Russian).
77. Chumak I. 1940. [The Cossack fifty]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]*. 15 of August. (In Russian).
78. *Ordzhonikidzevskaya Pravda. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]*. 1940. 8 of January. (In Russian).
79. *Polevyje materialy avtora. [The author's field materials]*. Informant Davidovich Vsevolod Evgen'evich, 1922 goda rozhdeniya, zapisan v g. Rostov-na-Donu 10 maya 2009 g. [Informant: Davidovich Vsevolod Evgenievich, born in 1922, recorded in the city of Rostov-on-Don on May 10, 2009]. (In Russian).
80. [Letter from the Don Cossack Hundred to B.P. Sheboldaev, V.F. Larin, and N.D. Kashirin. March 24, 1936]. *Kolhoznyj put'. [Kolkhoz Path]*. 1936. No. 6: 2. (In Russian).
81. [DCMHRR]. Coll. 5. Aids. 1. Fol. 141. (In Russian).
82. [DCMHRR]. Coll. 36. Aids. 1. Fol. 83. (In Russian).
83. [Collective farm youth is acquiring military knowledge]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]*. 1940. 27 of December. (In Russian).
84. Shergov I. 1938. [Competitions of collective farm horsemen]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]*. 1 of November. (In Russian).
85. Gurevich L. 1936. [Peoples' Friendship Day]. *Molot. [Molot newspaper]*. 8 of May. (In Russian).
86. Chekalin Yu. 1939. [The Red Banner]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]*. 12 of October. (In Russian).
87. [Information letter to the editor of the «Krest'yanskoj gazety»]. *Krasnodarskij kraj v 1937–1941 gg. Dokumenty i materialy. [The Krasnodar Territory in 1937–1941: Documents and Materials]*. Preface by the editorial board: A.A. Alekseeva; Compl.: A.M. Belyaev, I.Yu. Bondar', V.E. Tokarev. Krasnodar, Edvi, 1997: 810. (In Russian).
88. Hromushin I.E. 1937. [The path to million-ruble revenues]. *Kolhoznyj put'. No. 1: 28–31. (In Russian)*.
89. [DCMHRR]. Coll. 24. Aids. 1. Fol. 28. (In Russian).
90. [RSASPH]. Coll. 558. Aids. 11. Fol. 54. (In Russian).
91. Sokolov B.V. 2004. *Stalin, Bulgakov, Mejerhol'd... Kul'tura pod sen'yu velikogo kormchego. [Stalin, Bulgakov, Meyerhold... Culture under the shadow of the great leader]*. Moscow, Veche: 384. (In Russian).
92. [Don Cossacks in Moscow]. *Kazachestvo pod bol'shevistskim znamenem. [The Cossacks under the Bolshevik Banner]*. Pyatigorsk, Severo-Kavkazskoe kraevoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1936: 49–51. (In Russian).
93. [Comrade Pishchik leads the Cossack choir]. *Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1936. 30 of March. (In Russian)*.

94. Kaz'merovich Yan, Stavickij M. (eds.). 1936. *Pesni kraevogo hora terskih kazakov*. [Songs of the regional choir of the Terek Cossacks]. Pyatigorsk, Sevkaavedizdat: 52. (In Russian).
95. [DCMHRR]. Coll. 9. Aids. 1. Fol. 178. (In Russian).
96. *Mihail Sholohov v vospominaniyah, dnevnikah, pis'mah i stat'yah sovremennikov*. [Mikhail Sholokhov in the memoirs, diaries, letters, and articles of his contemporaries]. In 2 books. Book 1. 1905–1941. Moscow, Sholokhov Centre, 2005: 813. (In Russian).
97. [Bazkovsky Cossack Choir]. *Molot*. [Molot newspaper]. 1936. March 18th. (In Russian).
98. Rudichenko T.S. 2004. *Donskaya kazach'ya pesnya v istoricheskom razvitii*. [The Don Cossack Song in Historical Development]. Rostov-on-Don, Publishing House of the Rostov State Conservatory named after S.V. Rachmaninoff: 512. (In Russian).
99. [DCMHRR]. Coll. 55. Aids. 1. Fol. 60. (In Russian).
100. Kapiiev Effendi. 1939. [The Tersk Cossack song]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda*. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]. 12 of November. (In Russian).
101. Andreev S. 1936. [From beyond the violent Terek]. *Severo-Kavkazskij bol'shevik*. [The North Caucasus Bolshevik]. 11 of December. (In Russian).
102. Sokolov A.I. 1936. [Radio concert of the Cossack choir]. *Molot*. [Molot newspaper]. 10 of April. (In Russian).
103. *Krestnaya nosha. Tragediya kazachestva. Ch. I. Kak nauchit' sobaku est' gorchicu. 1924–1934*. [The Cross-bearer. The Tragedy of the Cossacks. Part I. How to Teach a Dog to Eat Mustard. 1924–1934]. Compl.: V.S. Sidorov. Rostov-on-Don, Gefest, 1994: 511. (In Russian).
104. [DCMHRR]. Coll. 76. Aids. 1. Fol. 62. (In Russian).
105. [DCMHRR]. Coll. 12. Aids. 2. Fol. 230. (In Russian).
106. *Fol'klor Dona i Kubani. Sb. 1*. [Folklore of the Don and Kuban. Collection 1st]. Rostov-on-Don, Rostizdat, 1938: 168. (In Russian).
107. Beleckaya E.M. 2008. [Folklore of the Chervlyonnaya Village: Memory of Generations (1890–1990s)]. *Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza. Materialy Shestoj Mezhdunarodnoj Kubansko-Terskoj konferencii*. [From the History and Culture of the Linear Cossacks of the North Caucasus. Materials of the Sixth International Kuban-Terek Conference]. N.N. Velikoj, S.N. Lukasha (eds.). Krasnodar; Armavir: 29–35. (In Russian).
108. Gribanov S. 2005. [The Vyoshenskaya Village Choir is 70 years old!]. *Tihij Don*. [The Quiet Don]. 20 of August. (In Russian).
109. *Don volnoyu serebritsya. Chastushki, poslovice i pogovorki Dona*. [The Don is silvered by waves. Chastushkas, proverbs, and sayings of the Don]. Compl. P.I. Koveshnikov. Rostov-on-Don, Knizhnoe izdatel'stvo, 1979: 191. (In Russian).
110. Mekenskie pripevki [The Meken choruses]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda*. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]. 1937. 24 of October. (In Russian).
111. Kondrashin V.V. 2008. *Golod 1932–1933 godov: tragediya Rossijskoj derevni*. [The 1932–1933 Famine: The Tragedy of the Russian Village]. Moscow, ROSSPEN: 519. (In Russian).
112. *Polevye materialy avtora*. [The author's field materials]. Informant Shmatova Yuliya Nikolaevna, born 1935 (1935–2018). Recorded in the village of Verkhne-Svechnikovo, Kasharsky District, Rostov Region, in November 2008. (In Russian).
113. Bondarev V.A., Revin I.A. 2012. [Individual Peasant Farms in Southern Russia in the 1930s]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. [Bulletin of RSUH. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies]. No. 4 (84): 130–140. (In Russian).
114. *Krasnodarskij kraj v 1937–1941 gg. Dokumenty i materialy*. [The Krasnodar Territory in 1937–1941: Documents and Materials]. A.A. Alekseeva (ed.); A.M. Belyaev, I.Yu. Bondar', V.E. Tokarev (compl.). Krasnodar, Edvi, 1997: 1120. (In Russian).
115. Venkov A.V. 2017. [The Union of Trotskyists and White Cossacks, or the Destruction of the Party-Soviet Elite in the Azov-Black Sea Region]. *Nauka Yuga Rossii*. [Science of the South of Russia]. 13(2): 79–90. (In Russian).
116. Venkov A.V. 2018. [Genocide, famine, and other horrors in the history of the “Cossack people”]. *Novoe proshloe / The New Past*. No. 1: 275–290. (In Russian).
117. Skorik A.P. 2009. [Deportation of the population of the “chernodosochny stanitsy” (villages) as an anti-Cossack action: causes and consequences]. *Istoricheskaya pamyat' naseleniya Yuga Rossii o golode 1932–1933 gg. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii*. [Historical Memory of the Population of Southern Russia about the Famine

of 1932–1933. *Materials of the Scientific and Practical Conference*]. N.I. Bondarya, O.V. Matveeva (eds.). Krasnodar, Tradiciya: 57–66. (In Russian).

118. Skorik A.P., Bondarev V.A. 2006. [Red Army Resettlers in the Collective Farms of the Don and Kuban Regions in the 1930s: A Historical Study of a Locally Created Social Group during the “Great Breakthrough”]. *Chelovek na istoricheskikh povorotakh XX veka. [Man at the Historical Turning Points of the 20th Century]*. A.N. Ereemeeva, A.Yu. Rozhkov (eds.). Krasnodar, Kuban’kino: 211–218. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СКОРИК Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова; г. Новочеркасск, Российская Федерация.

ALEXANDER Pavlovich Skorik – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social and Human Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation; Platov South Russian State Polytechnic University (NPI); Novocherkassk, Russian Federation.

E-mail: s_a_p@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1283-8137

© А.П. Скорик, 2026

Дата поступления в редакцию: 01.08.2026.

Дата принятия статьи: 07.08.2026.

КАЗАЧЕСТВО В НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

УДК 94 (47).073/.94(47).084

ОЧЕРК ИСТОРИИ РУССКО-ЧЕРКЕССКИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2026 г. В.П. Горбенко

Участница-секретарь литературного объединения «Горячий Ключ»
(Горячий Ключ, Россия)

Аннотация редколлегии. История взаимоотношений русского и кавказского населения, берущая начало в дореволюционный период, в сознании жителей бывшего пограничного региона представляется иначе, нежели в Центральной России, что служит ярким проявлением специфики локальной исторической памяти. Русскоязычное население, находящееся в непосредственном контакте с коренными народами Кавказа, стремится осмыслить истоки межэтнического взаимодействия, обращаясь к историческим источникам, фольклору и устоявшимся легендам. Данная работа – пример осмысления русско-черкесских отношений человеком, живущим в этом регионе, в этом обществе. Поскольку автор не является профессиональным историком, в исследовании наблюдается довольно свободное обращение с документами. Привлечение документальных и поэтических источников обусловлено не стремлением к объективной реконструкции событий, а намерением передать личностное восприятие проблематики. Данный подход демонстрирует механизм отражения исторических событий в народном сознании и специфику их рецепции на локальном уровне.

Ключевые слова: Кавказ, история, взаимоотношения, казаки, черкесы.

ESSAY ON THE HISTORY OF RUSSIAN-CIRCASSIAN RELATIONS

V.P. Gorbenko

Member and secretary of the literary association “Goryachiy Klyuch”
(Goryachiy Klyuch, Russia)

Abstract by the editorial board. The history of relations between the Russian and Caucasian populations, which began back in the distant prerevolutionary times, is reflected in the consciousness of the inhabitants of this former border region in a somewhat different way than in the consciousness of the population of central Russia. This is a vivid example of historical memory. Naturally, the Russianspeaking population that comes into contact with the indigenous population of the Caucasus tries to understand the origins of its interaction with them and turns to historical sources, folklore, and established legends. We have here an example of how a person living in this region, in this society, understands the RussianCircassian relations. The author is not a professional historian, and therefore we will encounter a rather free approach to the documents. In the selection of documents and the author's use of poetic sources, we primarily see a desire to convey to the reader not an objective, but a personal vision of the topic. And this is an example of how a particular historical event is reflected in the popular consciousness.

Keywords: The Caucasus, history, relationships, Cossacks, Circassians.

Урок правдивой хроники нельзя оставлять на потом, лучше узнать сейчас, иначе будущим поколениям напишут ложь.

Валентина Горбенко

Краснодарский край был образован 13 сентября 1937 г. в результате деления Азово-Черноморского края на Ростовскую область и Краснодарский край с площадью 85 тыс. кв. км. с Адыгейской автономной областью. Но это дата административная, история же кубанских земель уходит в глубокую древность. Более тысячи лет назад, в 946 г., русы отметили победу над хазарами. Отважная русская дружина князя Святослава Игоревича Храброго прошла походом по этим землям и разгромила иудейское государство, пытавшееся поработить Русь. И здесь возникают вопросы: какие народы проживали с той поры там, где ныне находится Краснодарский край? Как падение каганата отразилось на народах Кавказа? Какие события предшествовали возникновению Краснодарского края и Адыгейской автономной области? Широко известно, что казаки с 1792 г. переселялись на правый берег Кубани. Значит, по какой-то причине они не могли обосноваться на всей территории будущего Краснодарского края? Что помешало? С кем казаки воевали, охраняя правый берег р. Кубани? Кто отправлял соплеменников в рабство и неплохо зарабатывал на этом? Когда образовались станицы на левом берегу Кубани? Как зарождалась дружба горских и русских народов? Чтобы разгадать эти и другие загадки, давайте мысленно перенесемся в девятнадцатый век и пройдемся по датам. Как гласит летопись, в апреле 1864 г. закончилась столетняя Кавказская война (1763–1864 гг.). Какая причина заставляла вести войну целое столетие?

В письме черкесов к османскому султану есть любопытное замечание: «Уже много лет мы ведем войну с Россией, но большой беды в том нет. Наоборот, это позволяет нам иметь хорошую добычу». Надо отметить, что это письмо было написано на 90-м году русско-черкесской войны, в 1850-х гг., и интересно было бы знать, какая «добыча» имела в виду?

Горские народы на протяжении веков проживали у моря и по притокам рек, следуя своим грабительским обычаям. Однако доброго соседства с Русским царством, а позже с Российской империей не складывалось. Причины были не только территориальные. К Черному, Азовскому и Каспийскому морям вели торговые пути, находившиеся под влиянием Османской империи. Султаны негласно разрешали проживавшим там народам грабить купцов и путешественников и поставлять на турецкий рынок не только промышленный, но и живой товар. По берегам Чёрного моря дежурили скупщики. Пленных они грузили на корабли и увозили за море. Что оставалось делать Российской империи? Мириться с таким положением дел было невозможно. Вот как далее разворачивались события.

В 1801 г. три раздробленных грузинских царства добровольно присоединились к России. В результате этого решения Персия и Османская империя наконец-то потеряли контроль над Грузией. Чтобы обеспечить безопасность, России необходимо было полностью отвоевать не только Причерноморье, но и весь Кавказ. Усиление на его территории русского влияния означало ослабление контроля с турецкой и английской сторон в торговом и политическом отношениях. А инструментами тако-

вого являлись флот, оружие, деньги, военная помощь и наемная живая сила. Набеги горских племен продолжались. Чтобы пресечь дальнейшее разграбление селений и пленение славян Российская империя выдвинула свои законы, однако все требования были игнорированы.

*Стратег и просветитель
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!*

А.С. Пушкин

В 1816 г. российский царь Александр I отправляет на Кавказ опытного генерала Алексея Петровича Ермолова, снискавшего славу блестящего военного стратега. В короткий срок Ермолов сосредотачивает в своих руках не только военную, но и гражданскую власть. Последующие события показали, что избранная им с первых месяцев кавказского наместничества тактика оказалась единственно верной.

Ее суть состояла в медленном и постепенном продвижении в глубь горных районов. Беспощадное подавление вооруженного сопротивления и бандитских вылазок умело сочеталось с хозяйственным освоением края. Ермолов привлекал на сторону России местные народы, приобщал молодежь к цивилизованному образу жизни, последовательно боролся с варварскими пережитками эпох: работорговлей, разбоем, грабежами, похищением людей с целью выкупа. Но богатые черкесские кланы, которые столетиями шантажировали Русь, а затем Российскую империю, требуя взамен перемирия все больших денег и привилегий, всячески препятствовали наместнику.

Ермолов был неподкупен и справедлив, за это воинственные горцы его уважали. Остерегались они и ответных мер, ведь девиз военачальника: «Ни один набег не должен остаться безнаказанным» – не был пустым звуком. В то же время его руководство вынуждено было признать, что без крайних мер наместнику вряд ли удалось бы пресечь вековые обычаи и столь распространенную на Кавказе работорговлю.

С 1816 по 1825 г. генерал провел ряд крупных военных операций, в том числе и на Кубани. Благодаря Ермолову Россия приросла Абхазией, Карабахским и Ширванским ханствами. «Правя» Кавказом, он окружил себя умными и образованными людьми. Кавказские земли начали развиваться. Для русской армии у горцев приобретались овечьи полушубки и бурки, башлыки, черкески, бешметы, сапоги из мягкой кожи, провиант, в частности были увеличены мясные и винные порции для солдат и офицеров. Молодых горцев он приобщал к честной торговле, а их детей – к учебе. Многие молодые черкесы, попав под благотворное влияние перемен, присягнули на верность российскому царю.

Но после отставки генерала по болезни пришедшие наместники перестали следовать его тактике. Черкесские кланы стали вновь похищать людей, а русские генералы покорно выкупали у них заложников. В то же время многие горцы оставались на стороне Российской империи, и это подтверждается историческими фактами. Так, собственными силами горцы сражались с мюридами, присланными предводителем Шамилем. Был и еще один пример. В 1842 г. майор Николай Иванович Евдокимов пришел к горцам в аул с четырьмя ротами Апшеронского пехотного полка. Он собрал жителей для разговора, но один из местных, незаметно подкравшись, ранил его ножом в спину.

По одной версии, горцы затем сами изрубили своего соплеменника и уничтожили его семью, отомстив за русского майора. По другой же – сам Евдокимов, найдя силы, убил нападавшего, а старшины подхватили его и бережно отнесли в саклю. Русского майора лечил горец, и через два месяца Евдокимов снова был в строю. Это событие говорит о том, что наука генерала Ермолова не прошла даром. Многие горцы понимали, что жить под крылом царской России безопаснее, чем воевать против засланных религиозных фанатиков. Русские стали находить общий язык с горцами, испытывая взаимную симпатию. Заслужить уважение и удостоиться быть названным русским братом, кунаком, означало получить помощь и защиту побратима, даже если тому неминуемо придется заплатить за покровительство ценой своей жизни. Эта поддержка в общем деле была взаимной. Она сыграла важную роль и после сохранилась на долгие годы. Вместе легче было защищать Кавказские земли от турецких и английских наемников. В историческом очерке «Двухсотлетие Кубанского казачьего войска» П.П. Короленко кратко, с временной последовательностью, описал события тех лет: «...До окончания турецкой войны в 1829 году, в борьбе с закубанскими горцами мы придерживались, в общем, оборонительного способа действий, отчасти по недостатку численности военных сил на правом крыле Кавказской линии, но, главным образом, потому, что закубанский край считался территорией турецкой империи, и движение туда наших отрядов могло быть оправдываемо лишь необходимостью репрессалии за набеги горцев в наши пределы» [1, с. 46].

Поэтому, находясь с лета 1792 г. на военном положении, черноморские казаки не могли обосноваться на левом берегу Кубани. Оборонительная кордонная линия, не только по правому берегу Кубани, укреплялась на протяжении десятилетий. Переломным моментом в ходе русско-турецкой войны стал 1829 г., тогда победа увенчалась Адрианопольским мирным договором. Но западные политические круги препятствовали мирному договору и турецкая сторона, нарушив договор, продолжала вести прежнюю политику. Торговые отношения между богатыми кланами черкесов и турок продолжались. Основным видом товара, по-прежнему, были живые люди-пленники. Пресечь работорговлю и вытеснить турецких подданных было главной целью Российской империи. Пиратские суда западных стран в Чёрном море продолжали творить беззаконие.

Покорение Кубанской области

Тем временем в сражении на Черном море под Синопом в ноябре 1853 г. расклад сил изменился. После Победы в Крымской войне Российская Империя жестко ограничила черкесам выход в море. Прекратились поставки оружия и денежная помощь местным кланам от турецких и английских торговцев. В течении года Черноморский флот перекрыл поток пленников в Турцию, однако богатые черкесы еще сопротивлялись.

Сторонником генерала Ермолова стал князь Александр Иванович Барятинский. В 1856 г. он был назначен новым наместником и главнокомандующим на Кавказе. В результате набеговая война утихала. Ее проиграл последний предводитель имам Шамиль, он хотел помочь турецкому султану и пытался создать на Кавказе шариатское государство, но многие горские народы нового лидера гнали и долгое время воевали между собой.

В сентябре 1859 г. имам Шамиль, осажденный в ауле Гуниб, сдался русским войскам, возглавлял которые генерал А.И. Барятинский. А принудил его к этому

полковник Евдокимов. Но до окончательной победы оставалось еще пять долгих и тревожных лет.

В октябре 1860 г. Черноморское войско было переименовано в Кубанское. Наказным атаманом стал Николай Иванович Евдокимов, заслуживший звание генерал-адъютанта. В то время как на Восточном Кавказе ситуация наладилась, на Западном предстояло еще много работы. Князь Барятинский, действуя решительно, передал командование в руки Евдокимова. В 1862 г. Николай Иванович стал начальником всей Кубанской области. Прибыв на место, он объявил войскам, что экспедиции будут продолжаться непрерывно. Евдокимову предстояло покорить край, на который претендовала Западная Европа: ей был нужен Кавказ для военных баз и различных действий, направленных против России. Вот почему Евдокимов рассчитывал не только его покорить, но и поселить здесь русских навсегда. Имея опыт действий на Восточном Кавказе и огромные властные полномочия, генерал Евдокимов с чрезвычайной энергичностью принялся за дело.

Хотя предложенный план генерала был одобрен начальством, ход военных действий пришлось изменить. Это в своем очерке отмечает П.П. Короленко (глава XIII): «Как граф Евдокимов ни настаивал на исполнении его повелений, основанных на воле главнокомандующего, казаки распоряжения кавказского начальства не исполняли и за Кубань не шли. Пришлось несколько изменить план военных операций в 1861 году и вместо предполагавшегося переселения за Кубань в значительных размерах ограничиться меньшим числом семейств, вызванных по-прежнему жеребьевым порядком из линейных и донских казаков и солдат, служивших в кавказских войсках, да и то поселенная Псеменская станица, заброшенная в горные трущобы, через года была разорена горцами, а жители ее частью были перебиты, а частью уведены в плен. Признавая в неохоте казаков поголовно переселяться за Кубань, много уважительных причин, Правительство отменило передвижение целых станиц на передовую линию, после чего волнения казаков сами собою улеглись» [1, с. 58].

К концу 1863 г. практически вся Кубанская область была покорена. Для окончательного овладения Западным Кавказом оставалось смирить племена убыхов, джигетов и шапсугов, стесненных в узком пространстве между крутыми склонами главного Кавказского хребта и Чёрным морем, Абхазией и течением Пшады.

Опубликован «Отчет № 2 гр. Евдокимова, заключительный этап Кавказской войны в Закубанье и о военных действиях, исполненных в Кубанской области в период времени с 1-го июля 1863 года по 1-е июля 1864 года» [2].

«...В течение января месяца 1864 года войсками, отделенными для охранения вновь занятого края от Джубы до Геленджика, произведено было несколько движений в горы в разных направлениях, для исследования – не осталось ли где-нибудь в трущобах горских жилищ, а именно: 18-го января – от Чуэпсинского поста между Мезибом и Джубой; с 20-го по 30-е. января – по ущельям Пшады, Вулана и их притоков.

Первая часть Джубского отряда, которая в первой половине декабря, месяца 1863 года отошла к Григорьевскому укреплению, после работ в окрестностях этого укрепления, выступила 2-го января 1864 года к Псекупским минеральным источникам, куда, по случаю глубоких снегов и метелей, сосредоточилась только 6-го числа и с 8-го приступила к устройству Чебийского поста. <...>

К половине месяца мост через Оцепсып был окончен, почему представлялась возможность предпринять рекогносцировку новой местности к стороне Псекупса, чем указать также Абадзехам на твердость нашего намерения: выслать всех их в самом начале

февраля месяца, т. е. тотчас по окончании срока, данного им для временного проживания на своих местах между Пшишем и Псекупсом. 15-го января отряд двинулся вверх по Оцепсып и, пройдя 13 верст, ночевал на р. Цыце; 16-го продолжал двигаться на Хатост, но, по случаю глубоких снегов, пройдя 2 версты, возвратился к устью р. Хатарамуко; 17-го три батальона рубили просеку по дороге на верховья Оцепсып, после чего отряд отошел к устью сей реки и с 20-го приступил к прорытию снега в Пшишском ущелье, чтобы открыть хотя какое-нибудь временное сообщение по этому ущелью.

С наступлением срока переселения всех Абадзех, временно оставленных на жительстве между Пшишем и Псекупсом, им послано было приказание, чтобы они начали выселяться безотлагательно, причем на сбор имущества и вывоз его из аулов определен был семидневный срок. Затем Пшихский и Джубский отряды были направлены в пространство между Пшишем и Псекупсом, а Даховский – в верховья Пшиша, чтобы осмотреть каждому отряду свои районы, действительно ли все выселились, а если бы нашлись некоторые аулы еще занятыми Абадзехами, то такие аулы немедленно выселить. <...>

Одновременно с этими действиями Пшихского отряда первая колонна Джубского отряда переправилась на правую сторону Псекупса и с тою же целью, как и Пшихский отряд, направившись к р. Марте и действуя в связи с Пшихским отрядом, по 16-е число обошла все пространство между этою рекою и Псекупсом, выселив из него нижних Абадзехов. <...>

Таким образом, к 20-му февраля последние туземцы северной покатости, оставшиеся на своих прежних местах, одни – по дарованным им разрешениям, другие – под прикрытием горных трущоб, сдвинуты все с своих мест и отправлены, согласно их желания, частью для водворения на указанных местах на Кубани и Лабе, частью же к разным пунктам морского побережья, для отплытия оттуда на переселение в Турцию. Те отдельные семейства, которые в то время оставались блуждать по скрытым трущобам главного хребта, куда войска не имели времени и случая проникнуть, равно как уцелевшая часть горного общества Тубы, находились сами в блокадном положении, потому что входы к ним и выходы были заграждены громадными снегами. Тщательная очистка таких местностей исполнена, как увидим ниже, легкими колоннами и соседними кордонными войсками.

Сверх изложенных действий Даховского отряда, на обязанности этого отряда оставалось еще удаление верхних Абадзех, живших в котловине, образуемой верховьями Псекупса, между главным хребтом и хребтом Котх, что и было исполнено этим отрядом при содействии части Джубского отряда к 1-му марта; этого же числа Пшихский отряд переправился через главный хребет по Псекупскому перевалу и, войдя в связь с действиями Даховского отряда, о которых говорится ниже, в первой половине марта очистил от туземцев вершины р. Туапсе и 17-го числа прибыл к Хадыжам.

Этими февральскими действиями Джубского, Пшихского и Даховского отрядов и были закончены собственно военные операции на северной покатости и в том же месяце открылись положительные действия по ту сторону гор» [2, с. 66–69].

Успешные действия войск в феврале – марте 1864 г. вызвали панику среди еще не покоренных горцев. Средства у богатых черкесских кланов иссякали, а помощи от турецких и английских эмиссаров всё так же не поступало. В самый разгар весны, когда в аулах расцветали фруктовые деревья и земля требовала семян, русские военные призывали горцев обратиться к мирной и созидательной жизни, огласив условия. Наказной атаман генерал Николай Иванович Евдокимов был настойчив и непреклонен. Черкесским воинственным кланам было предложено либо покинуть аулы и уйти за море, либо переселиться на указанные места, на равнину и принять

подданство Российской империи. Срок им давался до двух месяцев. Выбор горцы сделали сами.

21 мая 1864 г. все русские войска, пять колонн, соединились в урочище Кбаадэ – населенном пункте, располагавшемся на месте современного поселка Красная Поляна в Адлерском районе города-курорта Сочи, откуда кавказский наместник и главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич Романов отправил императору Александру II историческую телеграмму: «Имею счастье поздравить Ваше Величество с окончанием славной Кавказской войны. Отныне не остается более ни одного не покоренного племени». По сути, в этой столетней войне и заключалась постепенная колонизация Кавказа [3, с. 200].

Победа была достигнута благодаря грамотному, а порой и жесткому подходу, умению убеждать врага и обращать к сотрудничеству. Выдающиеся личности того времени – Алексей Петрович Ермолов, Александр Иванович Барятинский, Николай Иванович Евдокимов – заслуживают памяти благодарных потомков. О каждом генерале сохранились биографические сведения о их жизни и заслугах перед Отечеством.

После окончания Кавказской войны население Северо-Западного Кавказа, издревле известное как «черкесы», вошло в состав Российской империи. Граница от правобережья р. Кубани переместилась на левобережье и на побережье Чёрного моря. Началось строительство казачьих укреплений и заселение возле них мирных аулов на левобережье Кубани. Это касалось тех горцев, которые добровольно переселились на равнину нынешнего Краснодарского края. Чтобы не ослаблять влияние над горскими племенами, расселялись и казачьи семьи, для контроля за Кубанью.

Постепенно налаживался быт, но начальство Кубанского войска не давало горцам даже повода думать, что они могут заключать какие-то условия. Понадобились годы, чтобы иметь в них подданных Государю Императору. Ведь английские и турецкие эмиссары не оставляли попыток привлечь черкесов на свою сторону. Однако спустя десять лет, когда начались военные действия на Балканах и на Кавказе с Османской империей, то наравне с русскими на стороне Российской империи участвовали представители горских народов Северного Кавказа, о чем сохранились самые лестные отзывы начальства. Многие из них за свою безупречность и безграничную храбрость были отмечены наградами за победу, заслужив доверие. С годами крепла дружба новых поколений. За Кубань массово шли переселенцы из других губерний, среди которых были мастеровые, они организовывали артели. Первым переселенцам, их семьям из казны выдавались подъемные на обустройство. Люди заводили скот и птицу, корчевали свои земельные участки. Но недолгими были эти мирные дела. Запад не оставлял людям выбора, а турецкие эмиссары – попыток привлечь черкесов на свою сторону. Прошли мирные десятилетия. Горские народы доказали свою преданность и заслужили доверие, они наравне с русскими героически сражались с турками в Первой мировой войне. Со стороны запада продолжались провокации и войны, заговоры и перевороты с одержимой целью: завладеть землей и ресурсами, а людей превратить в товар. Мирные горские народы изъявили свое желание жить в составе социалистической страны. Последовали события, которые показали, что назрела необходимость в сохранении традиций и национального быта адыгов Кубани. Поэтому неслучайно было создание Адыгейской автономной области в составе Краснодарского края.

Написать краткий очерк ушедших событий меня побудила статья в одной краевой газете, которая освещала проведение «Дня памяти и скорби по жертвам Кавказской войны 21 мая». И это скорбное событие современные адыги отмечают каждый год. Просматривая исторические сведения, нашла и приобрела книгу П.П. Короленко, в которой искала причину этой столетней войны. Разногласия между сторонами оказались веские и длились долгое время: законы, культурные особенности и традиции часто вступали в противоречие.

Едва ли удастся найти ответ на главный вопрос: какая из сторон понесла больше утрат? Сколько людей за все эти века было продано на невольничьих рынках, сколько судеб загублено, сколько детей обречено на невыносимые условия жизни и сиротство, сколько женщин и мужчин сгинули в беспощадном промысле, лишенном всякого человеческого оправдания, и сколько народу полегло в этой столетней войне за право безопасно жить на Кавказе? Трудно представить, сколько потерь перенесли казаки, стоя на кордонной линии. Сколько лишений выпало на долю первых переселенцев. И много усилий было приложено для освоения новых станиц и выстраивания доверительных отношений с горскими народами. Известно, что почти все станицы левого берега р. Кубани были основаны с весны 1864 г.

Молодому поколению необходимо знать этот правдивый и в то же время скорбный период прошлого Кубани. О том, кто способствовал завершению столетней войны, строил и укреплял порты Черноморской береговой линии. Как постепенно крепла дружба между горскими и русским народами, чтобы Россия, наконец, приросла нынешней Кубанью. Сотни горцев и казаков героически сражались во Второй мировой войне. Отстраивали города в послевоенные советские пятилетки.

Обеим сторонам важно хранить память о всех невинных жертвах и предостерегать грядущие поколения от повторения ошибок прошлого. Современники осознают: неудобную для кого-то правду следует разумно и ответственно освещать в школьных учебниках. Откладывать нельзя: промедление грозит повторением горьких уроков, которые сегодня переживает молодое поколение на Украине. Тяжело признавать, какими жертвами братский народ пожинает сейчас плоды воспитания на лжи. Правду не требуется доказывать – ее важно знать и понимать. Уважение к народам и есть признание их равноправия. Мир – залог счастливого будущего.

Все ушедшие, скорбные события – это часть общей истории Краснодарского края, которую невозможно ни отменить, ни исправить, а тем более нельзя исказить. Подрастающему поколению необходимо изучать правдивую историю своего народа. Многонациональный Краснодарский край защищают хребты Кавказских гор, а жители берегут дружбу, чтобы наш любимый солнечный край жил и процветал вечно. Значит, быть добру!

О чём молчишь, седой Кавказ?

О чем молчишь, седой Кавказ,
Вершины устремляя в небо?
Лишь эхом даль отозвалась –
Всё было – была и небыль.

Седой Кавказ под облаками...
Вершины снежные манят,
Ущелья, скрытые лесами,
Красоты в глубине таят.

Ты расскажи, Кавказ могучий,
О тех минувших временах,
Когда в горах сгущались тучи,
О горцах, гордых племенах.

На скакунах товар навьючен.
Крутые тропы, реки – вброд,
И водопад с высокой кручи
Стремился вниз потоком вод.

Неукротимы нравы горцев,
Набегом грабили, пленили.
«Живой товар» везли торговцам –
За счет чужой неволи жили?

В такой наживе нет геройства,
Ну, чем гордиться будет их –
Сейчас живущее потомство,
Причины ссоры позабыв.

Россия тактику сменила.
Пришли другие времена.
Начало дружбе положила
Русско-черкесская война.

Да, усмирил Кавказ Ермолов...
Был неподкупен, справедлив,
И горцы чтят своих героев,
России верность сохранив.

Его завету, тактике внимая,
Был Барятинский к горцам мил,
Их жизнь ждала уже иная,
Сдался и сам имам Шамиль.

Кто на равнину, кто за море –
Но справедливым был финал.
И пусть не гnevаются в скорби –
Сам император выбор дал.

А реки с гор точили камень...
Война была, видать, не зря.
Хранят черкес и русский память,
Где общий дом, одна земля.

Валентина Горбенко
(г. Горячий Ключ, Краснодарский край)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696–1896: (Ист. очерк). Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правл., 1896. 96 с.
2. Кумыков Т.Х. Отчет № 2 гр. Евдокимова о военных действиях, исполненных в Кубанской области в период времени с 1-го июля 1863 года по 1-е июля 1864 года // Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 47–113.
3. Собрание сочинений Р.А. Фадеева: в 3 т. Т. 1. Ч. 1: 60 лет Кавказской войны. Письма с Кавказа / Р.А. Фадеев. СПб.: Типография В.В. Комарова, 1889. 294 с.

REFERENCES

1. Korolenko P.P. 1896. *Dvukhsotletiyе Kubanskogo kazach'yego voyska. 1696–1896: (Ist. ocherk)*. [The Bicentennial of the Kuban Cossack Host. 1696–1896: (Historical Essay)]. Yekaterinodar, Printing House of the Kuban Regional Administration: 96 p. (In Russian).
2. Kumykov T.Kh. 1994. Report No. 2, group Evdokimov, on military operations carried out in the Kuban Region between July 1, 1863, and July 1, 1864. In: *Vyseleniye adygov v Turtsiyu – posledstviye Kavkazskoy voyny*. [The resettlement of the Adyghe people to Turkey was a consequence of the Caucasian War]. Nalchik, Elbrus: 47–113.
3. Fadeev R.A. 1889. *Sobraniye sochineniy R.A. Fadeyeva: v 3 t. T. 1. Ch. 1: 60 let Kavkazskoy voyny. Pis'ma s Kavkaza*. [Collected Works in 3 volumes. Vol. 1. Part 1: 60 Years of the Caucasian War. Letters from the Caucasus]. St. Petersburg, V.V. Komarov's Printing House: 294 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГОРБЕНКО Валентина Павловна – участница-секретарь литературного объединения «Горячий Ключ». Лауреат конкурсов и фестивалей в номинации авторских стихов; Горячий Ключ, Российская Федерация.

GORBENKO Valentina Pavlovna – Member and secretary of the literary association “Goryachiy Klyuch”. Laureate of competitions and festivals in the category of original poetry; Goryachiy Klyuch, Russian Federation.

© В.П. Горбенко, 2026.

Дата поступления в редакцию: 28.08.2026.
Дата принятия статьи: 02.09.2026.

ИЗЫСКАНИЯ КРАЕВЕДОВ

УДК 97 (47). 084.8

5-Й ДОНСКОЙ КАЗАЧИЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС. ЛИЧНЫЙ СОСТАВ. ОБНАРУЖЕННЫЕ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ ВЕТЕРАНЫ

© 2026 г. Ю.И. Карташов

Верхнедонской округ ВВД, ст. Вешенская,
Шолоховский район, Ростовская область, Россия

Аннотация редколлегии. Материал публикуется в том же виде, в каком был представлен нашим корреспондентом, чтобы показать его творческую лабораторию, степень разработанности темы и личное отношение к выявленным фактам. Материал расположен в алфавитном порядке. За основу автор взял принятое в современном казачьем сообществе деление по округам и первым представил материал по своему родному округу. Этот материал – весомый вклад в развернувшуюся ныне в области работу по увековечению донских казаков – участников Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус, ветераны, награды.

THE 5TH DON COSSACK CAVALRY CORPS. PERSONNEL. VETERANS DISCOVERED ON THE UPPER DON

Yu.I. Kartashov

Verkhnedonskoy District of the AllDon Cossack Host. St. Vyoshenskaya,
Sholokhovsky District, Rostov Region, Russia

Abstract. The material is published in the same form as it was presented by our correspondent, in order to show his creative process, the degree to which the topic has been developed, and, to some extent, his personal attitude towards the facts that have been revealed. The material is arranged in alphabetical order. The author took as a basis the division by districts, which is commonly used in the modern Cossack community, and was the first to present material on his native district. This material is a significant contribution to the work currently underway in the region to immortalize the Don Cossacks – participants in the Great Patriotic War.

Keywords: The 5th Guards Don Cossack Cavalry Corps, veterans, awards.

ШОЛОХОВСКИЙ РАЙОН (бывшие Базковский и Вешенский районы)

1. Алейников Иван Анисимович, 1924 г. р., уроженец и житель х. Меркулова Базковского р-на. Призван Базковским РВК, гв. казак, пулеметчик 39-го гв. кавполка 11-й гв. каз. кавдивизии. Награжден 29.09.1943 медалью «За отвагу» (за подвиг 08.09.1943). Убит 08.09.1943. Похоронен в братской могиле в с. Старая Ласпа Тельмановского р-на Сталинской области.

2. Алексеев Иван Никифорович, 1925 г. р., уроженец х. Дубровка Вешенского р-на. Призван Вешенским РВК 10.05.1943, гв. казак, сабельник, 43-й гв. кавполк. Пропал без вести. Осталась мать – Матрена Дмитриевна. Вероятно, был в окружении

или в плену. Вновь в армии, тяжело ранен 23.01.1945, награжден 29.01.1945 медалью «За отвагу».

3. Алексеенко Владимир Григорьевич, 1905 г. р., уроженец Киевской области, воспитанник детдома. Призван Базковским РВК, гв. казак, 39-й гв. кавполк 11-й гв. каз. кавдивизии. Убит 16.09.1943. Похоронен в братской могиле с. Константиновка Пологовского р-на Запорожской области.

4. Аникин Георгий Петрович, 1925 г. р., уроженец х. Вязовской Вешенского района Ростовской области, житель х. Колундаевский Колундаевского с/с. Призван Вешенским РВК, Ростовская обл., Вешенский р-н (в документе ниже под № 31); гв. казак, рядовой, беспартийный, минометчик 12-й гвардейской кавалерийской дивизии. Погиб 21.01.1945. Похоронен – Венгрия Агт-Сент-Петер (юго-западнее). Осталась мать – Мария Ивановна, х. Колундаев. Последнее место службы: 12-я гв. кавдивизия. Воинская часть: 12-я гв. кавдивизия. Дата выбытия: 21.01.1945. Причина выбытия: убит. Первичное место захоронения: Венгрия, варм. Хайду, Сент-Петер, юго-западнее (в документе ниже – под номером 31).

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Воинское звание	Должность и специальность	Партийность	Год рождения	Какой местностью уроженец	Каким РВК призван и какой обл., с какого года в армии	Когда и по какой причине выбыл	Где похоронен	Ближайшие родственники	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Родственные отношения, фамилия, имя и отчество	Где проживают (полный адрес)
25	Алексеев Виктор Павлович	Рядовой старший сержант	Фельдшер субельник		1921	Калининский Тверской обл.	Тверской Калининский	21.01.1945 Убит	Венгрия Агт-Сент-Петер	мать Ульяна Алексеевна	Калининский обл.
26	Александров Павел Филиппович	казак	Рядовой субельник		1907	Тверской Тверской обл.	Тверской Тверской обл.	21.01.1945 Убит	Венгрия Агт-Сент-Петер	мать Анна Александровна	Тверской обл.
27	Антонов Михаил Иванович	казак	Рядовой субельник		1914	Тверской Тверской обл.	Тверской Тверской обл.	21.01.1945 Убит	Венгрия Агт-Сент-Петер	мать Анна Антоновна	Тверской обл.
28	Березин Николай Федорович	казак	Рядовой субельник		1907	Тверской Тверской обл.	Тверской Тверской обл.	21.01.1945 Убит	Венгрия Агт-Сент-Петер	мать Анна Березина	Тверской обл.
29	Березин Филипп Павлович	казак	Рядовой субельник		1926	Тверской Тверской обл.	Тверской Тверской обл.	21.01.1945 Убит	Венгрия Агт-Сент-Петер	мать Анна Березина	Тверской обл.
30	Березин Федор Григорьевич	казак	Рядовой субельник		1929	Тверской Тверской обл.	Тверской Тверской обл.	21.01.1945 Убит	Венгрия Агт-Сент-Петер	мать Анна Березина	Тверской обл.
31	Аникин Георгий Петрович	казак	Рядовой субельник		1925	Тверской Тверской обл.	Тверской Тверской обл.	21.01.1945 Убит	Венгрия Агт-Сент-Петер	мать Анна Аникина	Тверской обл.
32	Березин Александр Павлович	казак	Рядовой субельник		1915	Тверской Тверской обл.	Тверской Тверской обл.	21.01.1945 Убит	Венгрия Агт-Сент-Петер	мать Анна Березина	Тверской обл.
33	Березин Михаил Павлович	казак	Рядовой субельник		1923	Тверской Тверской обл.	Тверской Тверской обл.	21.01.1945 Убит	Венгрия Агт-Сент-Петер	мать Анна Березина	Тверской обл.

Именной список потерь. Аникин Г.П. (п. 31)

5. Атарщиков Василий Степанович (Стефанович), 1925 г. р., уроженец х. Меркулова (в другом документе – ст. Вешенской). Призван Вешенским РВК в 1943 г., 200 запасной армейский стрелковый полк, затем – гв. казак, сержант, пом. наводчика пулемета 1-го эскадрона, командир отделения 1-го эскадрона 43-го гв. каз. кавполк 12-й гв. каз. кавдивизии 5-й гв. каз. кавкорпуса. Награжден медалью «За взятие Будапешта» (01.12.1945), орденами Красной Звезды (02.03.1944) и Отечественной войны II степени (06.04.1985).

6. Афонин Иван Иванович, 1925 г. р., уроженец и житель х. Пигаревка. Призван Вешенским РВК 16.04.1943, гв. казак, пулеметчик 43-го гв. кавполка 12-й гв. кавдивизии, награжден 28.02.1944 орденом Красной Звезды. Со слов сослуживцев – убит, признан пропавшим без вести в апреле 1945 г.

7. Бесхлебнов Михаил Васильевич, 1925 г. р., уроженец х. Попова, проживал в ст. Вешенской. Призван Вешенским РВК 10.04.1943, красногвардеец, кавалерист, 12-я гв. кавдивизия. Пропал без вести в мае 1944 г.

8. Бесхлебнов Михаил Федорович, 1925 г. р., уроженец х. Вязовской Вешенского р-на Ростовской области, житель х. Вязовского Вязовского с/с. Призван Вешенским РВК Вешенского района Ростовской области, гв. казак, рядовой, кавалерист 12-й гвардейской Донской кавалерийской дивизии. Погиб 20.09.1943 в бою за село Авсиевка, УССР. Похоронен: Запорожская область, Васильевский район, пгт Степаногорск, гражданское кладбище (в документе ниже – под номером 22).

[illegible]

Именной список потерь. Бесхлебнов М.Ф. (п. 22)

9. Бирюлин Афанасий Васильевич, 1921 г. р., уроженец и житель Чукаринского с/с. Призван Базковским РВК, кадр., гв. ст. лейтенант, ком. взвода ПТР 47-го гв. кавполка 12-й гв. кавдивизии. Награжден 03.03.1944 орденом Красной Звезды. Убит 02.04.1944. Похоронен в братской могиле 200 м севернее с. Молешти Оргеевского уезда, Бессарабия.

10. Благородов Василий Андреевич, 1925 г. р., уроженец и житель Колундаевского с/с. Призван Вешенским РВК, гв. казак, кавалерист 43-го гв. кавполка 12-й гв. кавдивизии. Убит 17.02.1944. Похоронен в братской могиле с. Шандыровка Корсуньского р-на Киевской области.

11. Богатырев А.Н., Шолоховский р-н, 12-я гв. кавдивизия. (Газета «Тихий Дон»).

12. Бондарев Никита Игнатьевич, 1907 г. р., уроженец и житель Кружилинского с/с. Призван Базковским РВК, гв. казак, 41-го гв. кавполка 11-й гв. кавдивизии. Убит 01.02.1944. Похоронен в братской могиле в с. Толстая Ольшанского р-на Киевской области.

13. Ващаев Василий Егорович, 1895 г. р., уроженец и житель Черновского с/с, призван Вешенским РВК, гв. казак 12-й гв. кавдивизии. Умер от ран 27.08.1944. Похоронен в братской могиле северо-западной окраины с. Валя-Узулуй, Румыния.

14. Ворчуков Михаил Степанович, 21.11.1924, уроженец и житель х. Базки. Учился в Базковской средней школе, окончил 7 классов. После школы потупил в ФЗО. Призван Базковским РВК в январе 1943. Ушел на фронт. В Чебатовке его ранило, и тут же он попал в госпиталь. На фронте в 1943 г. его приняли в комсомольцы. После госпиталя он был направлен в 5-й Казачий корпус и воевал там до конца войны; гв. казак, сержант, был минометчиком, его ранило осколком, и он опять оказался в госпитале. После выздоровления вернулся в часть. Участвовал в боях за Будапешт. Воинские части: 41-й гвардейский кавалерийский полк 11 гвардейской кавалерийской дивизии, 41-й кавалерийский полк 47-й кавалерийской дивизии, 237-й армейский запасной стрелковый полк, 31-й гвардейский стрелковый корпус. После войны возвратился в родную станицу. Награды: две медали «За Отвагу» (22.02.1944, 26.04.1945), медаль «За взятие Будапешта» (09.06.1945). Умер 31.12.1982.

Ворчуков Михаил Степанович

15. Гавриленко Иван Захарович, 1921 г. р., Чернышевский р-н, х. Гусынка. Призван Чернышевским РВК, гв. сержант, командир отделения миномета 1-го огневого взвода 3-й противотанковой батареи, 184 гв. артиллерийско-минометный полк 12-й гв. кавдивизии 5-го гв. кавкорпуса 4-го Украинского фронта. Награжден медалью «За отвагу» (24.09.1943, как указано в документе, *«за то, что он в бою за высоту 986 08.09.1944 своим минометом рассеял и частично уничтожил до 60 солдат немецко-венгерской армии, и тем самым помог своей батарее сорвать готовящуюся пехоту противника на наши боевые порядки»*). Пропал без вести 03.09.1942, Сталинградская обл., вновь в строю. Убит 26.01.1945. Похоронен: варм. Фейер, г. Эрчи, Венгрия. Осталась мать – Гавриленко Мария Григорьевна.

16. Калицын А.И., Шолоховский р-н, 12-я гв. кавдивизия (газета «Тихий Дон»).

17. Галицын Иван Павлович, 1925 г. р., уроженец и житель х. Вязовской Вешенского района Ростовской области. Призван Вешенским РВК, гв. казак, рядовой, кавалерист 43-го казачьего гвардейского кавалерийского полка 12-й гвардейской Донской казачьей кавалерийской дивизии, 2-й Украинский фронт. Погиб 06.02.1944 года. Похоронен в братской могиле в с. Шпиль Ольшанского р-на Киевской области (в документе ниже – на предпоследней строке).

5-й ДОНСКОЙ КАЗАЧИЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС.
ЛИЧНЫЙ СОСТАВ. ОБНАРУЖЕННЫЕ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ ВЕТЕРАНЫ

Формы № 17.

Секретно.

1944 г.

ИМЕННОЙ СПИСОК.

взаимосвязи потерь сержантского и рядового состава частей и подразделений 12-й гвардейской Краснознаменной донской кавалерийской дивизии за период с 1 по 4 февраля 1944 года

Фамилия, имя и отчество.	Военное звание.	Должность.	Чины.	Год рождения.	Место рождения.	В каком РВК.	В каком РВК.	Дата гибели.	Место гибели.	Причина гибели.	Фамилия, имя и отчество родителей.
Миллудов Михаил Иванович	сержант	инженер	о/п	1918	Челябинская обл. Алаулинский р-н	Алаулинский РВК	Челябинская обл.	4.2.44	Сел. окр. х. Шинь-Ольгин. р-н Ижев. обл.	Убит	Отец Михайлов Семен Иванович
Семилетов Евгений Иванович	кавалерист	о/п	1925	Ростовская обл. Машинский р-н	Вешенский РВК	Ростов. обл.	5.2.44	50 лет, от школы, сел. Тих. Черон. обл. р-н К.	Убит	Отец Семилетов Иван Иванович	
Коломоен Павел Иванович	кавалерист	о/п	1902	Ростовская обл. Киреевский район	Киреевский РВК	Рост. обл.	5.2.44	Л. пиль. Ольгин. р. Ижев. обл.	Убит	Отец Кавторожный Василий Иванович	
Климов Михаил Иванович	кавалерист	о/п	1924	Томская обл. Бондарский р-н	Бондарский РВК	Томская обл.	5.2.44	Л. Тих. Вер. Ольгин. р. Ижев. обл.	Убит	Отец Климов Иван Андреевич	
Сидоров Иван Иванович	кавалерист	о/п	1912	Сталинград. обл. Давыдовский р-н	Сталинград. обл. Давыдовский РВК	Сталинград. обл.	5.2.44	Ижев. обл. Ольгин. р. с. Марков.	Убит	Отец Сидоров Иван Иванович	
Григорьев Виктор Иванович	кавалерист	о/п	1914	Сталинград. обл. Уг. р-н	Ижевский РВК	Сталинград. обл.	5.2.44	Ижев. обл. Ольгин. р. с. Марков.	Убит	Отец Григорьев Виктор Иванович	
Галицын Иван Иванович	кавалерист	о/п	1925	Ростовская обл. Машинский р-н	Вешенский РВК	Ростов. обл.	5.2.44	Ижев. обл. Ольгин. р. с. Марков.	Убит	Отец Галицын Иван Иванович	
Т. И. Борис Терентьевич	кавалерист	о/п	1903	Ростовская обл. Сосновский р-н	Сосновский РВК	Ростов. обл.	5.2.44	Л. Веро-Ольгин. р-н Ижев. обл.	Убит	Отец Терентьев Борис Иванович	

ны не доверять

Именной список потерь. Галицын И.П.

18. Гаранин Иван Павлович, 09.09.1925, Ростовская обл., Вешенский р-н, Колундаевский с/с, х. Нижне-Ушаковский; гв. казак. Место службы: Вешенский РВК, Ростовская обл., Вешенский р-н, 43-й гв. кавполк 12-й гв. кавдивизии 4-го Украинского фронта. Дата призыва: 04.1943. Воинское звание: гв. казак; майор; капитан. Воинская часть: 43-й гвардейский кавалерийский полк 12-й гвардейской кавалерийской дивизии. Награды: орден Красной Звезды (02.02.1945), медаль «За отвагу» (23.09.1943), медаль «За боевые заслуги» (26.10.1955), медаль «За взятие Будапешта» (09.06.1945), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945).

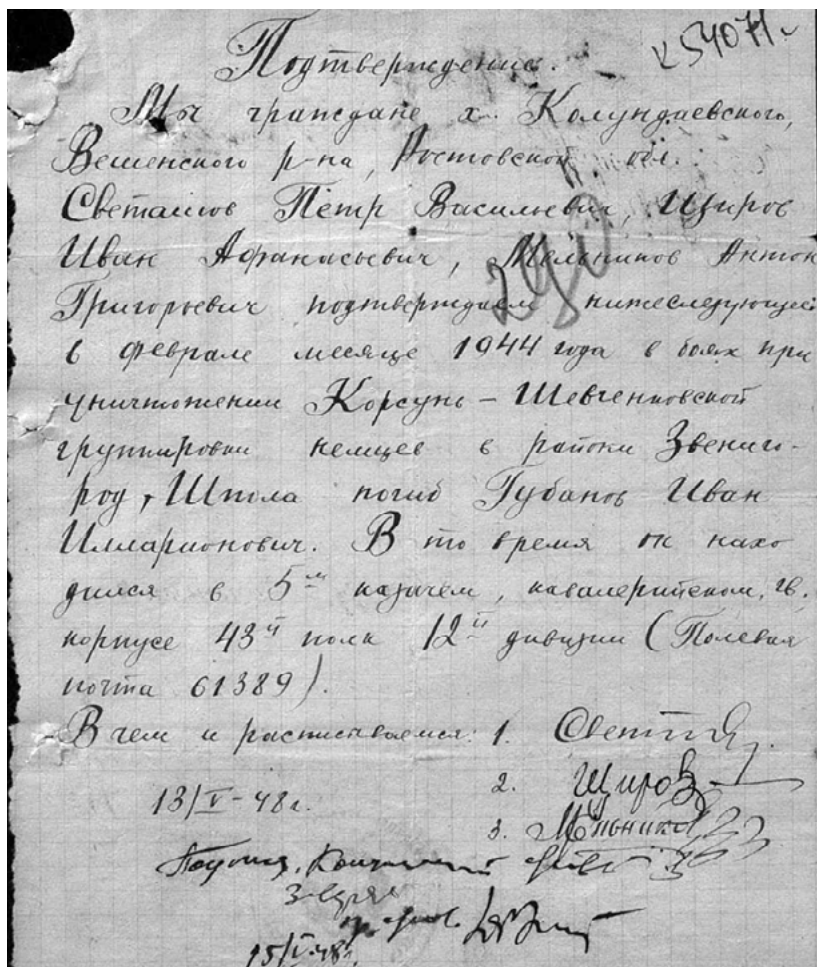
19. Громов Пантелей Георгиевич, 1924 г. р., уроженец х. Черновского Вешенского р-на. Призван Вешенским РВК, гв. казак, беспартийный, телефонист взвода связи 43-го гв. каз. кавполк 12-й гв. каз. кавдивизии 51-го гв. каз. кавкорпуса. Награжден медалями

Гаранин Иван Павлович

«За отвагу» (17.02.1945 – «в боях под населенным пунктом Дьюла 2 февраля 1945 г. под сильным артмин огнем противника, рискуя жизнью, дал эскадронам телефонную связь и три раза под ружейно пулеметным огнем противника исправлял порывы, чем и обеспечил руководство эскадронами во время боев», «За взятие Будапешта» (17.02.1945).

20. Губанов Иван Илларионович, 1925 г. р., уроженец х. Вязовской Вешенского района Ростовской области, житель х. Колундаевского Колундаевского с/с. Призван Вешенским РВК 16.04.1943, рядовой, б/п, кавалерист 43-го полка 12-й дивизии 5-го гвардейского казачьего кавалерийского корпуса, погиб в феврале 1944 г. Похоронен в районе Звенигород – Шпола (см. документ, приведенный ниже). Остался отец – Г. Илларион Тихонович, искал сына через Москву.

Подтверждение о смерти И.И. Губанова, 13.05.1948

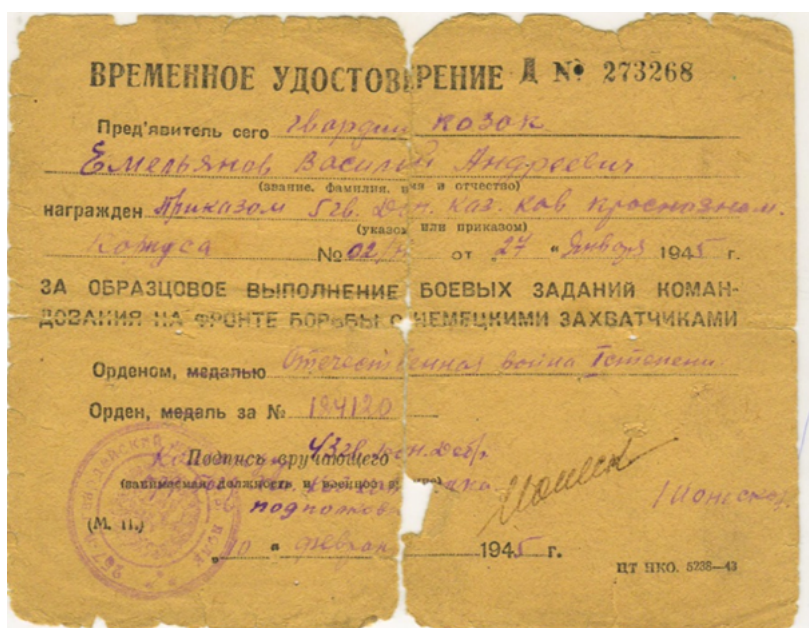
21. Данилов Павел Ефимович, 1903 г. р. Призван Вешенским РВК, гв. ст. сержант, пом. ком. взвода 12-й гв. кавдивизии, умер от болезни 03.07.1943.

22. Дерезкий Иван Устинович, 1924 г. р., уроженец Беляевского р-на Одесской области, житель х. Дубровка. Призван Вешенским РВК, гв. казак, минометчик 37-го гв. кавполка 11-й гв. кавдивизии. Награжден медалями «За боевые заслуги» (07.10.1943, 19.11.1944) и «За отвагу» (03.09.1944, 10.01.1945). Убит 22.01.1945. Похоронен в братской могиле в с. Гебель-Яроши, Венгрия.

23. Емельянов Василий Андреевич, 1925 г. р., уроженец х. Вязовской Вешенского района Ростовской области, житель х. Вязовского Вязовского с/с. Призван Вешенским РВК Вешенского района Ростовской области в 1943 г., гв. казак, бронбойщик – ПТР 12-й гвардейской кавалерийской дивизии, красноармеец. Награжден орденами Красной Звезды (05.03.1944), Отечественной войны I степени (27.01.1945). Погиб 14.03.1945. Похоронен в братской могиле в с. Шимонторина (Шаманторинд), Венгрия.

Емельянов
Василий Андреевич

Временное
удостоверение
о награждении
В.А. Емельянова
орденом Отечественной
войны I степени

Временное
удостоверение
о награждении
В.А. Емельянова
орденом «Красная Звезда»

24. Ермаков Михаил Николаевич. Воинское звание: гв. казак. Воинская часть: 43-й гв. каз. кп 12-й гв. каз. кавдивизии 51-го гв. каз. кавкорпуса. Кто наградил: 43-й гв. каз. кавполк. Наименование награды: Медаль «За взятие Будапешта». Дата документа: 01.12.1945. Приказ подразделения от: 01.12.1945. Издан: 43 гв. каз. кавполк. (Он же – Ермаков Михаил Николаевич. 1925, Ростовская обл., Вешенский р-н, х. Черновский. *Юбилейная картотека*. Наименование награды: орден Отечественной войны II степени. Номер документа: 87. Дата документа: 06.04.1985).

25. Ермаков Ф.Н., 12-я гв. кавдивизия (газета «Тихий Дон»).

26. Земляков Яков Маркович, 1894 г. р., уроженец Мигулинского р-на, житель ст. Вешенской. Призван Вешенским РВК в феврале 1942 г., гв. ст. сержант, командир отд. артбатареи 256 гв. кавполка 12-й гв. кавдивизии, награжден медалью «За боевые заслуги» (31.10.1942), пропал без вести в августе 1944 г., признан пропавшим без вести в октябре 1944 г.

27. Землянухин Василий Алексеевич. Воинское звание: гв. казак. Воинская часть: 43-й гв. каз. кавполк 12-й гв. каз. кавдивизии 51-го гв. каз. кавкорпуса, рядовой командир отделения. Медаль «За взятие Будапешта» (дата документа: 01.12.1945. Приказ подразделения от: 01.12.1945. Издан: 43-й гв. каз. кавполк).

28. Зыков Александр Михайлович. Воинское звание: сержант. Командир отделения 2-го эскадрона. Воинская часть: 43-й гв. каз. кавполк 12-й гв. каз. кавдивизии 5-го гв. каз. кавкорпуса. Кто наградил: 43-й гв. каз. кавполк. Награды: Медаль «За взятие Будапешта». Дата документа: 01.12.1945. Приказ подразделения от 01.12.1945. Издан: 43-й гв. каз. кавполк.

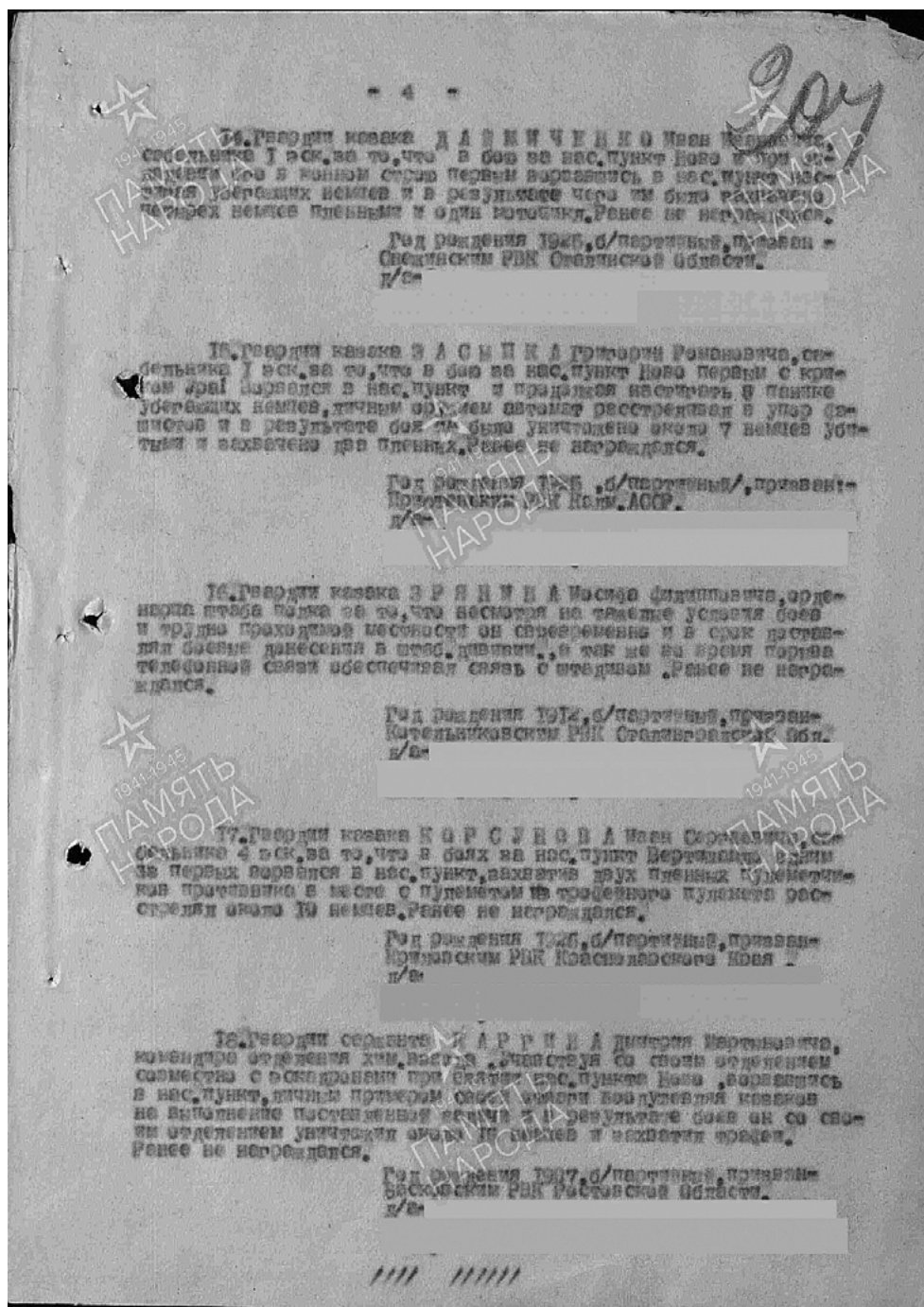
29. Калинин Алексей Пантелеевич, 1925 г. р. В 18-летнем возрасте оказался в рядах Советской армии. Прошел начальное обучение военному делу. После окончания зачислили в 5-й гвардейский Донской казачий Краснознаменный кавалерийский корпус. При распределении попал в минометную батарею. Воевал командиром минометного расчета. Участвовал в освобождении Украины. Форсировал р. Днепр на лошадях вплавь. Освободили железнодорожные станции: Новые Буды, Звенигород, Ольшаны. Под Новыми Будадами получил тяжелое ранение и был отправлен в госпиталь, затем в глубокий тыл на долечивание. Был демобилизован. В 1944 г. вернулся домой. Долгое время работал в колхозе. С 1965 г. работал в районной сельхозтехнике слесарем-наладчиком. Награды: орден Отечественной войны I степени. Умер 10 июля 2010 г., х. Дубровка.

Калинин
Алексей Пантелеевич

30. Капылов Герман Степанович, 1925 г. р. Призван Вешенским РВК; гв. казак, член ВЛКСМ, рядовой саперного взвода 43-го гв. кавалерийского полка. Награжден медалью «За отвагу» («На всем протяжении боевых действий полка обеспечивал один из первых своевременно (работу?) наблюдательного и командного пунктов штаба, служил примером всем казакам взвода, под сильным артиллерийским огнем противника в любой обстановке быстро отрывал щели и блиндажи»).

31. Каргин Дмитрий Мартынович, 1907 г. р. Уроженец х. Калининский, Каменская область, Базковский район. Призван Базковским РВК, Ростовская обл. Воинское звание: гв. сержант. Воинская часть: 47-й гвардейский кавалерийский полк 12-й гвардейской кавалерийской дивизии, беспартийный, командир отделения хим. взвода. Награды: медаль «За отвагу» (04.10.1945), орден Отечественной войны II степени (06.04.1985) (в документе ниже – под номером 18).

Наградной документ. Каргин Д.М. (п. 18)

32. Колосов Михаил Афанасьевич, 1925 г. р., уроженец и житель х. Верхне-Ушакова. Призван Вешенским РВК, гв. казак, сабельник 43-го гв. кавполка 12-й гв. кавдивизии. Награжден медалью «За боевые заслуги» (26.10.1943), а также медалью «За отвагу» (посмертно, 29.01.1945). Умер от ран 22.01.1945 в ППГ-284. Похоронен в братской могиле в усадьбе помещика с. Старый Эрд, Венгрия.

33. Коновалов Демьян Григорьевич, 1897 г. р. Место рождения: Ростовская обл., Алексеево-Лозовский р-н, с. Ольховка. Место призыва: Алексеево-Лозовский РВК, Ростовская обл., Алексеево-Лозовский р-н. Дата призыва: 11.1941. Воинское звание: казак. Последнее место службы: 12-я гв. кавдивизия. Воинская часть: 12-я гв. кавдивизия. Дата выбытия: 18.12.1942. Причина выбытия: пропал без вести. Место выбытия: Орджоникидзевский край, Курский р-н, п. Дыдымкин. Беспартийный, жена – Коновалова Пелагея Ерофеевна, с. Ольховчик.

Из госпиталя ЭГ 1095: Коновалов Демьян Григорьевич, 1894 г. р. Дата и место призыва: Алексеево-Лозовский РВК, Ростовская обл., Алексеево-Лозовский р-н. Воинское звание: красноармеец. Последнее место службы: 10-я стрелковая бригада. Воинская часть: 10-я стрелковая бригада. Дата выбытия: 30.09.1943. Причина выбытия: выбыл в 10-ю сбр, 30.09.1943.

Из госпиталя ЭГ 1807: Коновалов Демьян Григорьевич. Воинское звание: красноармеец. Последнее место службы: 10-я сбр 62 А, 64 А. Дата выбытия: 07.09.1943. Причина выбытия: выбыл из госпиталя.

Из госпиталя ЭГ 1628: болезнь – Коновалов Демьян (Демьян) Григорьевич, 1894 г. р. Дата и место призыва: 1941 Алексеево-Лозовский РВК, Ростовская обл., Алексеево-Лозовский р-н. Воинское звание: красноармеец. Последнее место службы: ГАВС 2025. Воинская часть: ГАВС 2025. Дата выбытия: 14.09.1944.

Донесение о потерях. Попал в плен (освобожден) Красноармеец, 1894 г. р., Ростовская обл., Алексеево-Лозовский р-н, пгт. Чертково. Место службы: 258-й гв. полк, Алексеево-Лозовский РВК, Ростовская обл., Алексеево-Лозовский р-н. Попал в плен (освобожден).

34. Косоножкин Дмитрий Андреевич, 1925 г. р. Место призыва: Вешенский РВК, Ростовская обл., Вешенский р-н. Воинское звание: гв. казак; гв. рядовой; казак. Воинская часть: 43-й гв. каз. кавполк 12-й гв. каз. кавдивизии 5-го гв. каз. кавкорпуса. Награды: медаль «За взятие Будапешта» (01.12.1945), медаль «За боевые заслуги» (12.05.1945). Приказ подразделения №: 9/н от 12.05.1945. Издан: 43-й гв. кавполк 12-я гв. кавдивизии (как указано в документе, будучи заряжающим минометной батареи, «в боях за с. Пова 2.04.1945 несмотря на сильный арт мин. огонь противника непрерывно вел огонь по наступающим немцам, чем самым обеспечил эскадронам отбить атаку противника»). Член ВЛКСМ. 2-й эскадрон (в документе ниже – под номером 11).

35. Косоножкин Федор Сидорович, 1912 г. р. Призван Базковским РВК, гв. сержант, кавалерист 41-го гв. кавполка 11-й гв. кавдивизии. Убит 17.09.1943. Похоронен в братской могиле в х. Петрикеевка Волновахского р-на Сталинской области.

36. Котельников Стефан (Степан) Васильевич, 1903 г. р., х. Солдатов Вешенского р-на; гв. казак. Призван Базковским РВК. Место службы: 5-й гв. каз. кавкорпуса. Воинская часть: 72-й гвардейский отдельный минометный дивизион, 5-й гвардейский кавалерийский корпус, рядовой ветслужбы, подносчик миномета. Награды: медаль «За отвагу» (19.07.1945), медаль «За оборону Кавказа» (30.05.1945).

- лист - 7 -
- К. М. 02970
9. Гвардии казак КРИВОШОКОВ ИВАН / БАСИЛЬЕВИЧ — телефониста взвода в батальоне. В боях под населенным пунктом Шиманторния 16.03.45 года в условиях чрезвычайно трудных условий и под сильным арт. мин. и пулеметным огнем противника 6 раз рискуя своей жизнью выходил на исправление поврежденной линии и бесперебойно обеспечивал связь К.П. с эскадронами.
1926 года рождения, русский, беспартийный, призван Ленинским районом РРК Сталинградской области. Домашний адрес —
 10. Старшина КОНДАЛАЕВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — ветинструктор 4 го эскадрона. В проведенных боях воином с 1944 года тов. КОНДАЛАЕВ оставался старшим конюшником в эскадроне, при любых обстоятельствах обеспечивал лошадей кормами и укрытием от возлуха, а также своевременно подставлял лошадей эскадрону во время боев.
1905 года рождения, русский, беспартийный, призван Касимовским РРК Рязанской области. Домашний адрес —
 11. Гвардии казак КОСОНОЖКИН ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ — заряжающего минометной батареи. В боях за село Ново 2.04.45 г не смотря на сильный арт. мин. огонь противника непрерывно вел огонь по наступающим немцам, чем самым обеспечил эскадронам отбить атаку противника.
1925 года рождения, русский, член ВЛКСМ, призван Решенским РРК Ростовской области. Домашний адрес —
 12. Гвардии сержанта КРИВОШОКОВ ГИЗЕЛ ФАДДЕЕВИЧ — рядового саперного взвода. Работая в саперном взводе показал себя смелым и отважным. В боях под селом Шиманторния 14.03.45 года под сильным убавленным огнем противника своевременно оборудовал III командира полка, чем самым дал возможность правильно руководить боем, что и дало возможность отразить контратаку противника.
1925 года рождения, русский, член ВЛКСМ, призван Решенским РРК Ростовской области. Домашний адрес —
 13. Гвардии казак ЛИМАНСКИЙ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ — заряжающего минометной батареи. В боях под селом Ново 1.04.45 г. при отражении яростной атаки противника он вел непрерывный огонь из своего миномета по наступающему противнику, чем самым помог эскадронам отбить атаку противника.
1924 года рождения, украинец, член ВЛКСМ, призван Балаклавским РРК Харьковской области. Домашний адрес —
 14. Гвардии казак ЛИХОВ ОТЕПАН ГРИГОРЬЕВИЧ — кондуктера 2 эскадрона воином за село Барлахида 31.03.45 года в ночном строю он первым ворвался в село и огнем из автомата убил 3 немцев.
1910 года рождения, русский, беспартийный, призван Исацановским РРК Ростовской области. Домашний адрес —
 15. Гвардии казак МАТВЕЕВ ТРОФИМ СТАНИСЛАВОВИЧ — рядового радиотачанки взвода связи. В боях под селом Шиманторния 16.03.45 года всегда находился на КП полка, одновременно подвывая тачанку для работы радиостанции, под огнем защищая три лошадей, всегда укрывал их от арт. мин. огня и бомбежки противника, обеспечивая тем самым непрерывное движение донесения что давало возможность бесперебойной работы связи.
1895 года рождения, русский, беспартийный, призван Раздорским РРК Ростовской области. Домашний адрес —
 16. Гвардии казак МАКАГОВ ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ — старшего конюшника штаба полка. Работая старшим конюшником штаба полка в 1944 года показал себя как умелый, честный и добросовестный работник. Выполняя задание командования он не однократно находил в боевых порядках полка не давая своей лошади под сильным огнем противника покинуть все подразделения и предоставлял вовремя все данные по личному составу и вооружению полка.

Наградной документ. Косоножкин Д.А. (п. 11)

37. Кочетов Семен Григорьевич, 1925 г. р., х. Поповский. Освобождал Украину, р. Миус, с. Русское. Освобождал Запорожье, 5-й донской кавалерийский корпус. После войны работал в своем родном хуторе трактористом. Награды: Орден Отечественной войны II степени, юбилейные медали (данные Терновской сельской библиотеки Шолоховского района).

38. Кошелев Степан Васильевич, 1925 г. р. Место призыва: Вешенский РВК, Ростовская обл., Вешенский р-н, х. Моховской. Воинское звание: гв. казак. Воинская часть: 43-й гвардейский кавалерийский полк 12-й гвардейской кавалерийской дивизии. Награды: медаль «За отвагу». Номер документа: 10/н. Дата документа: 03.12.1944. Издан: 43-й гв. кавполк 12-й гв. кавдивизии 3-го Украинского фронта (рядовой минометной батареи). Награды: медали «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейные. Умер 19.09.2000 (данные Терновской сельской библиотеки Шолоховского района).

Кочетов Семен Григорьевич

Кошелев Степан Васильевич

39. Кривоносов Василий Никонорович¹, 14.08.1925, х. Кобызевский Вешенского района Каменской (Ростовской) области. Окончил 7 классов Колундаевской средней школы. В 1942 г., когда немцы подошли к Дону, был отправлен в эвакуацию со скотом. В апреле 1943 г. ушел на фронт. Был распределен в 43-й гвардейский кавалерийский полк 12-й гвардейской кавалерийской Донской казачьей дивизии. С первых чисел мая 1943 г. в составе 5-го гвардейского Донского корпуса участвует в боях с юга Ростовской области до Воронежа и дальше к Украине. Осенью 1943 г. корпус участвует в освобождении Донбасса. В январе 1944 г. перешел из района Каховки

¹ Орфография источника сохранена.

с переправой через реку Днепр в Запорожье, и в составе 2-го Украинского фронта участвовал от начала до конца в окружении и разгроме корсунь-шевченковской группировки немецко-фашистских войск. 13 февраля в ходе боев получил тяжелое ранение, лежал в госпитале в Баку, получил инвалидность. После окончания войны в 1946 г. работал в колхозе им. Кирова. Восстанавливал хозяйство родного х. Колундаевского. По 1972 г. работал бригадиром полеводческой бригады, далее – управляющим 2-го отделения совхоза им. М.А. Шолохова хутора Колундаевского. Награды: орден Отечественной войны I степени, медаль Жукова, медаль «Захиснику Вітчизни» (Защитнику Украины), медаль «70 лет Вооруженных Сил СССР»; нагрудные знаки: «За доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне», «Ветеран 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса», «Фронтовик 1941–1945». В мирное время был награжден многими медалями. После выхода на пенсию в 1980 г. продолжал работать бригадиром животноводческой бригады по 04.01.1985. 3 года работал завхозом в Колундаевской сельской больнице. В 1987 г. ушел на заслуженный отдых. Умер 14 марта 2018 г. Похоронен в ст. Вешенской.

Кривоносов Василий Никонорович

40. Кривошлыков Иван Федорович, 15.11.1923. Место рождения: СССР, РСФСР, Ростовская область, Вешенский район, х. Гаврилинский. Место призыва:

Кривошлыков Иван Федорович

Вешенский РВК, Ростовская обл., Вешенский р-н. Дата призыва: 15.03.1943. Воинское звание: гв. ефрейтор; ефрейтор; ст. лейтенант; гв. казак. Воинская часть: 3-й Украинский фронт. 43-й гвардейский кавалерийский полк 12-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Учетно-послужная карточка. Дата рождения: 15.11.1923. Место рождения: СССР, РСФСР, Ростовская область, Вешенский район, х. Гаврилинский. Наименование военкомата: Вешенский РВК, Ростовская обл., Вешенский р-н. Дата и место призыва: Вешенский РВК, Ростовская обл., Вешенский р-н. Дата поступления на службу: 15.03.1943. Воинское звание: ст. лейтенант. Воинская часть: 43-й гв. кп. Дата окончания службы: 23.03.1947. Место призыва: Вешенский РВК, Ростовская обл., Вешенский р-н.

Награды: медаль «За отвагу» (23.09.1944), медаль «За отвагу» (10.03.1945) (как указано в документе, будучи рядовым саперного взвода, *«с головным отрядом, гвардии казак Кривошлыков 15.09.1944 г. в районе села Ньярад – с. Мартон и Баргаца разминировал дороги и мосты, всего извлек 20 мин»*), медаль «За боевые заслуги» (12.05.1945), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945), медаль «За взятие Будапешта» (09.06.1945), «За освобождение Украины», «Ветеран труда». (Кривошлыков Иван Федорович. Родился 15 ноября 1923 г. в х. Гаврилинском Вешенского района Ростовской области. В 1935 г. окончил Грязновскую начальную школу. В 1941 г. окончил Кашарскую среднюю школу. С июня 1942 г. по февраль 1943 г. эвакуировал скот колхоза «Путь Ильича» в Волгоградскую область. На фронте с марта 1943 г. по 9 мая 1945 г. В составе 5-го гвардейского Донского казачьего корпуса участвовал в освобождении Ростовской области, Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии и Австрии. С 1946 по 1947 г. – курсант Ярославского интендантского училища, в 1948 г. окончил Вешенское педагогическое училище, с 1948 по 1954 г. – преподаватель педагогического училища, с 1954 по 1960 г. – на партийной работе в Вешенском РК КПСС, с 1960 г. и до выхода на пенсию – учитель Колундаевской средней школы. Награды: орден Отечественной войны II степени, две медали «За отвагу», медали «За боевые заслуги», «За штурм и взятие Будапешта». Умер в 2013 г.).

41. Кружилин Федор Степанович, 1924 г. р., уроженец и житель х. Кружилина. Призван Базковским РВК, гв. казак, автоматчик 39-го гв. кавполка 11-й гв. кавдивизии, награжден медалью «За отвагу» (10.12.1943), умер от ран 19.01.1944. Похоронен в братской могиле 100 м севернее школы с. Букварка Кировоградской области.

42. Крылов Василий Васильевич, 15.08.1924, х. Меркуловский. До ухода на фронт работал в колхозе хлеборобом. На фронт попал в 1943 г. Зачислен

Крылов Василий Васильевич

в 5-й Гвардейский казачий кавалерийский корпус, освобождавший Украину (Гуляй Поле, Запорожье и др.). Корпус попал под танковую атаку, Василий Васильевич получил множество тяжелых ранений, очень обгорело лицо. Очнулся только в госпитале. Врачи долго боролись за его жизнь и смогли поставить бойца на ноги. Вернулся домой уже после Победы с инвалидностью 2-й группы. Стал работать в родном колхозе разнорабочим. Награды: медали «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Умер 5 февраля 2000 г.

43. Кузнецов Иван Степанович, 1925 г. р., уроженец и житель х. Антоновского. Призван Вешенским РВК, гв. казак, минометчик 12-й гв. кавдивизии. Убит 09.09.1943. Похоронен в братской могиле в с. Стыло Старобешевского р-на Сталинской области.

44. Лапченков Ефим Алексеевич, 1923 г. р. Воевал в 4-м эскадроне 39-го полка 11-й дивизии 5-го Донского кавкорпуса. Имеет благодарственные письма за подписью Верховного главнокомандующего И.В. Сталина за участие в операции по окружению группировки немцев в районе г. Мариуполя 9 июля 1944 г., за станцию Волноваха 10 сентября 1943 г., за взятие Ныредьхаз, за Дебрецен (Венгрия), за Румынию 2 февраля 1945 г. Участвовал в Японской кампании, имеет грамоту от командира корпуса генерал-майора Горшкова. Награды: «Орден Отечественной войны II степени», медали «За отвагу» «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За взятие Будапешта», юбилейные медали.

Лапченков Ефим Алексеевич

45. Латышев Леонид Васильевич, уроженец и житель Дударевского с/с. Призван Вешенским РВК в феврале 1943 г., гв. казак 43-го гв. кавполка 12-й гв. кавдивизии, награжден медалью «За отвагу» (26.10.1943), пропал без вести в январе 1944 г., признан пропавшим без вести в марте 1944 г.

46. Ломакин Федор Александрович, 1900 г. р., уроженец и житель Меркуловского с/с. Призван Базковским РВК, гв. казак, кавалерист 41-го гв. кавполка 11-й гв. кавдивизии. Убит 18.09.1943. Похоронен в братской могиле в х. Чаривный Пологского р-на Запорожской области.

47. Лосев Петр Владимирович, 1924 г. р., уроженец и житель Чукаринского с/с. Призван Базковским РВК в апреле 1943; гв. сержант, ком. отделения 39-го гв. кавполка 11-й гв. кавдивизии. Награжден медалями «За отвагу» (01.02.1944, 26.04.1944). Убит 28.12.1944. Похоронен в братской могиле с. Кернис, Венгрия.

48. Любимов Иван Макарович, 1925 г. р., уроженец и житель х. Базки. Призван Базковским РВК, гв. казак, орудийный номер 41-го гв. кавполка 11-й гв. кав-

дивизии. Убит 12.04.1944, тело осталось на поле боя, 0,5 км восточнее с. Реучешти, Румыния.

49. Макаров Василий Николаевич, 1925 г. р. х. Грязновский. Призван Вешенским РВК, гв. казак, член ВЛКСМ, рядовой саперного взвода 43-го гв. кавполка, награжден медалью «За отвагу» (как указано в документе, *«во всех проведенных боях под сильным пулеметным и минометным огнем противника смело разминировал мосты и переправы, чем обеспечил беспрепятственное продвижение головному отряду, а так же своевременно и быстро оборудовал командный и наблюдательный пункт штаба»*). Награды: орден Отечественной войны II степени. Номер документа: 74. Дата документа: 06.04.1985).

50. Малахов Иван Георгиевич, 1925 г. р., уроженец и житель х. Севостьянова Терновского с/с. Призван Вешенским РВК в мае 1943 г., гв. казак, кавалерист 43-го гв. кавполка 12-й гв. кавдивизии, умер от ран 26.09.1943. Похоронен в братской могиле в с. Украинка Киевской области.

51. Махоркин (Мухоркин) Михаил Устинович, 1925 г. р., уроженец х. Богомолов (ныне с. Красный Флот Воронежской области), житель х. Мельниковский. Призван Вешенским РВК 16.04.1943, гв. казак, 43-й гв. кавполк, 12-я гв. кавдивизия, пропал без вести в декабре 1944 г. в районе Эстергома, Чаквара у г. Будапешта, Венгрия.

52. Мельников Александр Иванович, 21.08.1925, х. Дударевский Вешенского района, Ростовской области. Призван 15.05.1943 Вешенским райвоенкоматом (прибавил возраст). 10.06.43 принял присягу. Прохождение службы: 43-й Гвардейский казачий кавалерийский полк 12-й гвардейской Донской казачьей кавалерийской дивизии, 48-я батарея, наводчик, рядовой; в/ч 15286, 4-я батарея, минометчик, рядовой; в/ч 19953, 5-я батарея, телефонист, рядовой, на 2, 3, 4-м Украинских фронтах. Награды: медали «За отвагу» (20.09.1944, 12.12.1944), «За взятие Будапешта» (9.05.1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (9.05.1945), «30-летие Советской армии и флота» (22.02.1948). Благодарности от Верховного Главнокомандующего (03.02.1944, 18.02.1944, 22.10.1944, 13.02.1945, 02.04.1945). 2 августа 1946 г. был переведен на Дальний Восток. Демобилизован 14.10.1948. Умер 12 января 1985 г.

Мельников Александр Иванович

53. Мельников Антон Григорьевич, 05.08.1923, Ростовская обл., Шолоховский р-н, х. Мельняковский. Место и дата призыва: Семикаракорский РВК, Ростовская обл., Семикаракорский р-н, 15.04.1943; гв. казак; гв. рядовой; мл. лейтенант. 43-й гв. кавполк 12-й гв. кавдивизии 5-го гв. кавкорпуса.

Место рождения: СССР, РСФСР, Ростовская область, Вешенский район, Колундаевский сельсовет, населенный пункт Мельняковский.

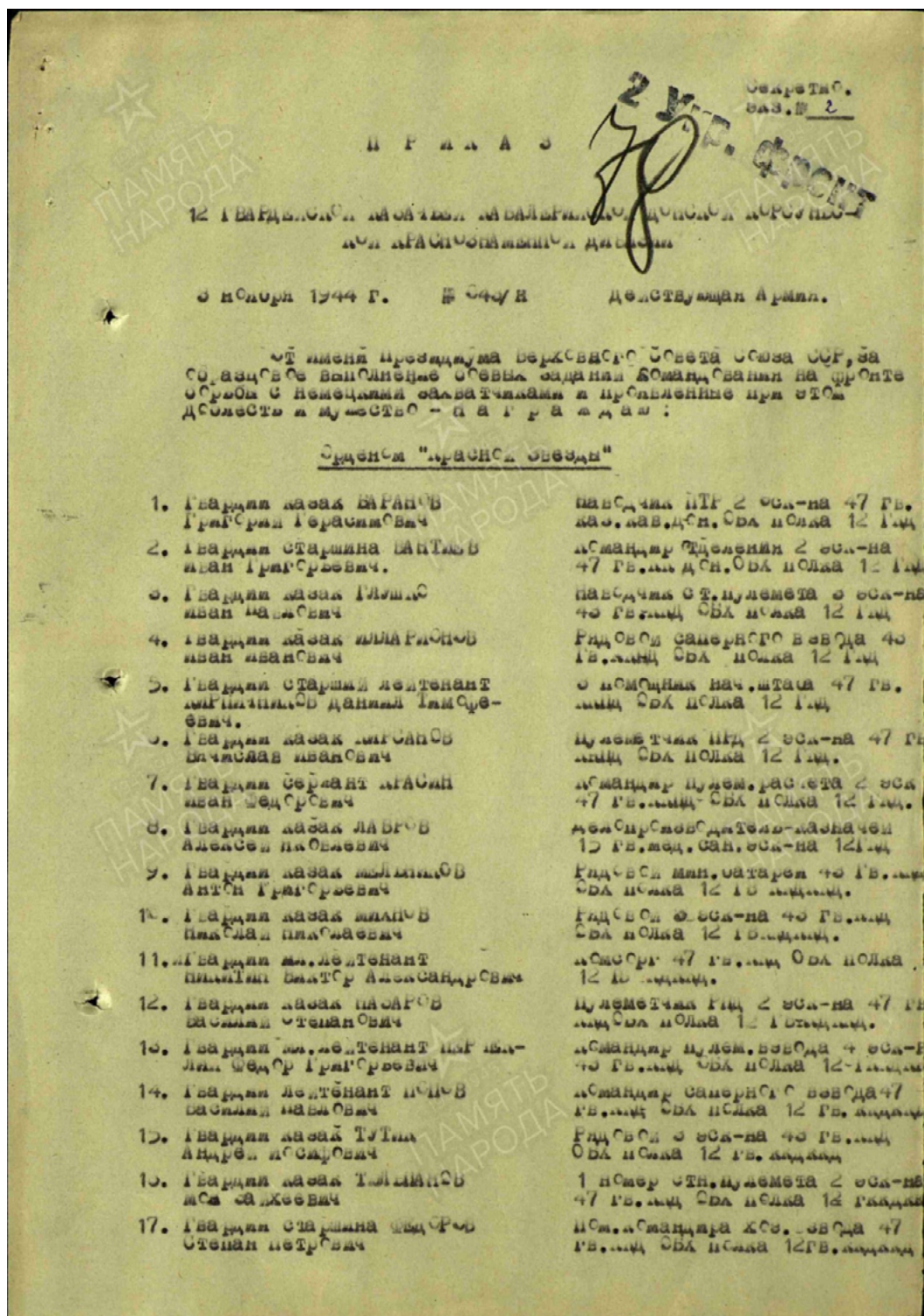
Награды: медаль «За взятие Будапешта», орден Отечественной войны I степени 06.04.1985, медаль «За отвагу» 22.02.1944, орден Красной Звезды 03.11.1944, орден Отечественной войны II степени 23.04.1945.

Из наградного документа (медаль «За отвагу»). Дата рождения: 1924. Наименование военкомата: Семикаракорский РВК, Ростовская обл., Семикаракорский р-н. Воинское звание: гв. казак. Воинская часть: 43-й гв. кавполк. Кто награждал: 43-й гв. кавполк 12-й гв. кавдивизии 5-го гв. кавкорпуса. Место призыва: Семикаракорский РВК, Ростовская обл., Семикаракорский р-н. Приказ подразделения №: 1/н от 22.02.1944. Издан: 43-й гв. кавполк 12-й гв. кавдивизии 5-го гв. кавкорпуса.

Наградной документ (орден Красной Звезды). Дата рождения: 1925. Наименование военкомата: Вешенский РВК, Ростовская обл., Вешенский р-н. Дата и место призыва: Вешенский РВК, Ростовская обл., Вешенский р-н. Дата поступления на службу: 15.04.1943. Воинское звание: гв. казак. Воинская часть: 43-й гв. кавполк. Кто награждал: 12-я гв. кавдивизия 2-го Украинского фронта. Наименование награды: орден Красной Звезды. Номер документа: 43/н. Дата документа: 03.11.1944. Место призыва: Вешенский РВК, Ростовская обл., Вешенский р-н. Приказ подразделения №: 43/н от 03.11.1944. Издан: 12-я гв. кавдивизия 2-го Украинского фронта (в документе ниже – под номером 9).

Мельников Антон Григорьевич

Приказ о награждении А.Г. Мельникова орденом Красной Звезды

Из наградных документов. Дата рождения: 1923 г. Воинское звание: гв. рядовой. Военно-пересыльный пункт: 43-й гв. кавполк. Кто наградил: 43-й гвардейский кавалерийский полк 12-й гвардейской кавалерийской дивизии. Наименование награды: медаль «За отвагу». Дата документа: 22.02.1944. Медаль «За взятие Будапешта» (в документе ниже Мельников под номером 21).

5-й ДОНСКОЙ КАЗАЧИЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС.
ЛИЧНЫЙ СОСТАВ. ОБНАРУЖЕННЫЕ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ ВЕТЕРАНЫ

479

А К Т

1949 года, октября 25-го дня гор. Новочеркасск.

Мною, командиром 12 Гвардейской Кавалерийской Казачьей
Донской Корпусской Краснознаменной ордена Кутузова дивизии
Генерал-майором ГРИГОРЬЕВ, на основании Указа Президиума
Верховного Совета Союза ССР от 9-го мая 1945г. - вручен
медали "ЗА ВЗЯТИЕ БУДАПЕШТА", бойцам, командирам и политра-
ботникам Красной Армии:-

п/п	Военное звание	Фамилия, имя и отчество	Должность	№ удостов.
1.	Гв. подполк.	КОПЧЕНО Александр Иванович	Командир полка 43	A-080001
2.	Гв. майор	КОТОВ Иван Оникович	Зам. ком. полка по оч	A-080002
3.	Гв. подполк.	КУРИГИН Марей Маутиевич	" " по п/ч	A-080003
4.	Гв. ст. л-т	АДУСТАМОВ Григорий Захарь.	Пом. нач. п/о	A-080004
5.	Гв. ст. серж.	БАЛАНУТОВ Александр Тимос.	Ком. отд. 43 ГРК	A-080005
6.	"	БАДОВ Виктор Алексеевич	Повар х/взв. 43 ГРК	A-080006
7.	Гв. капитан	БЕЗУНОВ Александр Алексан.	Зам. ком. 43 ГРК по артиллерии.	A-080007
8.	Гв. майор	ВАЛНЕР Лев Лавринович	Ст. метр. 43 ГРК	A-080008
9.	"	ГРАЧЕВ Александр Иванович	Пом. ком. 43 ГРК по п/о	A-080009
10.	Гв. капитан	ГУДАВ Николай Федорович	ПМ-по уч. 43 ГРК	A-080010
11.	Гв. л-т	ДЕРЖАВ Николай Николаевич	К-р п/взв. 43 ГРК	A-080011
12.	Гв. ст. л-т	КОПЧЕНО-ВЕНДИКОВ Вера Алек.	Нач. медпункта 43 ГРК	A-080012
13.	Гв. майор	КОВАЛЕНКО Дмитрий Иванович	ПМ-43 ГРК	A-080013
14.	Гв. л-т	КУЗЬМИН Иван Андреевич	Зам. к-ра 1 эск. 43 ГРК.	A-080014
15.	Гв. мл. л-т	КУЗЬМИН Иван Иванович	К-р сап. взв. 43 ГРК	A-080015
16.	Гв. сержант	КРИВОКОНЬ Алексей Михайл.	Гидр. 43 ГРК	A-080016
17.	Гв. капитан	КОМОМЕНКОВ Иван Иванович	"	A-080017
18.	Гв. сержант	КРИВОШИНОВ Иван Федорович	"	A-080018
19.	Гв. старшина	КРАТОВ Николай Дмитриевич	Пом. ком. взв. 43 ГРК	A-080019
20.	Гв. л-т	ЛЕНЬ Иван Иванович	К-р хозяйств. 43 ГРК	A-080020
21.	Гв. казак	МЕЛЬНИКОВ Антон Григорьев.	Гидр. 43 ГРК	A-080021
22.	Гв. казак	МЯЛОВ Егор Степанович	"	A-080022
23.	Гв. сержант	МАКАРОВ Василий Николаевич	Ст. писарь 43 ГРК	A-080023
24.	Гв. капитан	МЕОНОВИЧ Дмитрий Иванович	К-р 76мм бат. 43 ГРК	A-080024
25.	Гв. л-т	МУЗЫЧЕНКО Александр Конон.	Зав. дел 43 ГРК	A-080025
26.	Гв. майор	НАНКАН Всеволод Иванович	Нач. штаба 43 ГРК	A-080026
27.	Гв. капитан	НОРОВ Василий Степанович	ПМ-3 43 ГРК	A-080027
28.	Гв. ст. л-т	НОМОДАТЕНКО Григорий Калин.	Пом. нач. п/о 43 ГРК	A-080028
29.	Гв. т/инт. 1р	НОЗДНИКОВ Николай Иванович	Нач. фин. 43 ГРК	A-080029
30.	Гв. л-т	НОЗДНИКОВ Дмитрий Кузьмич	Нач. политех. 43/п.	A-080030
31.	Гв. л-т	ПЕТАЛЕН Константин Алекс.	К-р взв. авт. 43 ГРК	A-080031
32.	Гв. л-т	ПАСТУХОВ Анатолий Михайл.	К-р взв. 76 мм бат.	A-080032
33.	Гв. мл. л-т	ПОМОЩНИКОВ Степан Федор.	Сельднер старший 43 ГРК	A-080033
34.	Гв. л-т	РАПУТЕН Георгий Иванович	Зам. к-ра 2 эск. 43/п.	A-080034
35.	Гв. л-т	РЕЗНИКОВ Константин Фекст.	К-р взв. 76 мм бат.	A-080035
36.	Гв. казак	РЕУТОВ Александр Васильев.	Гидр. 43 ГРК	A-080036
37.	Гв. капитан	САВИН Семен Егорович	Нач. связи 43 ГРК	A-080037
38.	Гв. ст. т/л.	СЕРЖАНТ Владимир Васильев.	Нач. б/п. 43 ГРК	A-080038
39.	Гв. ст. л-т	ТАДАНОВ Иван Григорьев.	К-р взв. упр. 76мм бат. 43 ГРК	A-080039

Акт о вручении медали «За взятие Будапешта»
А.Г. Мельникову, 25.10.1945

Мельников Антон Григорьевич, 1924 г. р. Место призыва: Семикаракорский РВК, Ростовская обл., Семикаракорский р-н. Воинское звание: гв. казак. Воинская часть: 43-й гв. кавполк 12-й гв. кавдивизии 5-го гв. кавкорпуса 2-го Украинского фронта.

История: Мельников Антон Григорьевич родился 5 марта 1923 г. в х. Мельняковском Колундаевского с/с Вешенского (Шолоховского) района. В марте 1943 г. был призван в армию. Служил в 5-м Донском гвардейском кавалерийском корпусе. Имел девять боевых наград, а также восемь благодарностей от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. В 1941 г. окончил 10 классов Вешенской средней школы. Выпускной был 21 июня 1941 г. С первых дней войны добровольцем вступил в истребительный батальон, который занимался охраной аэродромов и разведкой нашего района. В марте 1943 г. был призван в Красную армию. Служил в 43-м гвардейском кавалерийском полку 12-й гвардейской кавалерийской Донской казачьей дивизии 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса.

Первое боевое крещение принял на Миусском фронте. Участвовал в освобождении г. Ростова-на-Дону от фашистских захватчиков. В августе 1943 г. части корпуса ушли на фронт изгонять фашистских оккупантов с Украины. Прорвав оборону противника на р. Кальмиусе, они освободили Васильевку, Марьино. В конце 1943 г. форсировал Днепр. В 1944 г. форсировал реку Дунай и принял активное участие в битве за Будапешт, в которой получил ранение в голову, но остался в строю и продолжал воевать.

2 апреля 1945 г. в составе 3-го Украинского фронта освободил от фашистов г. Надьканижу, за это все бойцы получили благодарность Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Во время броска на Фишбах, в Австрийские Альпы, его застало окончание войны. После войны еще почти год служил в г. Новочеркасске (КУКС – курсы усовершенствования командного состава). Домой вернулся в марте 1946 г. Сразу поступил на работу в Министерство заготовок в качестве агента. В 1959 г. был избран председателем исполкома Колундаевского сельского совета и до 1973 г. занимал эту должность. С 1973 г. и до выхода на пенсию возглавлял Колундаевское почтовое отделение. Награды: орден Отечественной войны I степени, два ордена Отечественной войны II степени, орден Красной Звезды, две медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а также восемь благодарностей от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Умер 3 января 2013 г.

Мельников Антон Григорьевич

Вот что написал о нём его потомок Иван Ушаков (на запрос автора)¹: «Мой прадед Мельников Антон Григорьевич, родился 5 марта 1923 г. в хуторе Мельняковском, Колундаевского сельского совета, Вешенского района. Детство его прошло очень тяжело. В 1930 г. отца раскулачили и осудили на 10 лет. Мать умерла от голода в 1933 г. Прадед и трехлетняя сестренка остались на попечении пятнадцатилетней сестры. Жили где придется, голодали. Два года ходил по хуторам побирался. В 1934 г. отец пришел с тюрьмы, собрал всех детей. Жить было негде, но вскоре отец женился. Они все стали жить у мачехи, и мой прадед смог учиться. В 1941 г. окончил 10 классов Вешенской средней школы. Выпускной был 21 июня 1941 г. А завтра началась война... С первых дней войны мой прадед не остался в стороне и в 1941 г. добровольцем вступил в истребительный батальон, который занимался охраной аэродромов и разведкой нашего района. В марте 1943 г. был призван в Армию. Служил в 43-м Гвардейском полку 12-й Гвардейской Донской казачьей кавалерийской дивизии Пятого Донского кавалерийского корпуса. По боевым дорогам прошел более 10 тыс. км от Миуса до Австрийских Альп. Первое боевое крещение принял на Миусском фронте. Участвовал в освобождении города Ростова-на-Дону от фашистских захватчиков. В августе 1943 г. части корпуса моего прадеда убыли на фронт изгонять фашистских оккупантов с Украины. Прорвав оборону противника на реке Кальмиусе, они освободили Васильевку, Марьино... В конце 1943 г. форсировал Днепр. В 1944 г. форсировал реку Дунай и принял активное участие в битве за Будапешт. Моему прадеду с боевыми товарищами пришлось отражать контратаки немецких войск, пытавшихся прорваться к окруженному Будапешту, выдержать натиск танков эсэсовских дивизий между озером Веленце и рекой Дунаем, ликвидировав угрозу прорыва к Будапешту с юга. В битве за Будапешт получил ранение в голову, но остался в строю и продолжал воевать. В этой битве донцы-казаки вновь показали образцы героизма, отваги и мужества, отбив яростные танковые атаки врага, и нанеся ему тяжелые потери. Отгремев, закончились бои в Будапеште. Мой прадед со своей дивизией совершив стремительный рейд, 2 апреля 1945 г. в составе 3-го Украинского фронта освободил от фашистов город Надьканижу, за это все бойцы получили благодарность Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Во время броска на Фишбах, в Австрийские Альпы, их и застало окончание войны с фашистами. За мужество и отвагу в боях за Родину мой прадед, Мельников Антон Григорьевич, был награжден медалями и орденами. Среди них орден Отечественной войны I степени, два ордена Отечественной войны II степени, орден Красной Звезды, две медали «За отвагу», медаль «За боевые заслуги», медаль «За взятие Будапешта», медаль «За победу над Германией», а также восемь благодарностей от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. После войны мой прадед продолжал служить Родине, но уже в мирных целях. Еще почти год служил в городе Новочеркасске КУКС (курсы усовершенствования командного состава). Домой вернулся в марте 1946 г. Сразу поступил на работу в Министерство заготовок в качестве агента. В 1949 г. мой прадед женился на моей прабабушке Валентине Ивановне, она проработала медсестрой 43 года. У них родились две дочери. В 1959 г. был избран председателем исполкома Колундаевского сельского совета и до 1973 г. занимал эту должность. С 1973 г. и до выхода на пенсию возглавлял Колундаевское почтовое отделение».

¹ Орфография и пунктуация источника сохранены.

54. Мельников Василий Иванович, 13.03.1923, х. Дударевский. В 1942 г. уехал учиться в г. Миллерово, а в 1943 г. ушел на фронт. Служил в составе 5-го гвардейского Донского казачьего корпуса. Василий Иванович с детства очень любил лошадей и на фронте конь был верным другом солдату-казаку. Вся жизнь Василия Ивановича связана с этими удивительными животными. После войны в 1946 г. он работал в х. Колундаевском конюхом, возил корм на ферму, работал в МТС трактористом. Воспитал трех сыновей. Награды: орден Боевого Красного знамени, орден Отечественной войны II степени, орден «Знак Почета», медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Умер 13 января 1996 г.

55. Мельников Иван Владимирович, 1914 г. р. Призван Вешенским РВК, гв. казак, ездовой минбатарей. Награжден медалью «За боевые заслуги» (в наградных документах указано: «Участник всего боевого пути полка неоднократно под сильным огнем противника доставлял боеприпасы к минометным расчетам умело всегда маскировал лошадей и хорошо за ними ухаживал»).

56. Мельников Иван Дмитриевич, 1922 г. р., Селивановский р-н, колхоз «Большевицкий путь» (бывшая территория Краснокутского юрта Верхнедонского округа), гв. сержант, сабельник, беспартийный. Осталась мать – Агриппина Никифоровна.

57. Мельников Иван Маркович, 1925 г. р., уроженец и житель Черновского с/с. Призван Вешенским РВК в 1943 г., гв. казак, минометчик 13-го гв. кавполка (43-го гв. кавполка?) 12-й гв. кавдивизии. Убит 30.01.1944. Похоронен в братской могиле в с. Гарков Лебединского р-на Киевской области.

58. Мельников Иван Никитович, 1925 г. р., уроженец х. Нижне-Вязовского. Призван Вешенским РВК, гв. ефрейтор, член ВЛКСМ, заряжающий минометной батареи, наводчик 82-мм миномета. Воинская часть: 43-й гв. кавполк 12-й гв. кавдивизии. Награды: две медали «За отвагу» (22.02.1944 – «в боях за село Глупки 10.02.1944 из своего миномета уничтожил наблюдательный пункт противника, один пулемет с расчетом и одну автомашину», медаль «За боевые заслуги» (20.09.1944 – «09.09.1944 г. будучи в боевом охранении обнаружил разведку из группы немцев, которая пыталась разведать нпшу оборону, найти проход для соединения со своими частями. Мельников своевременно доложил командира взвода, в результате чего

Мельников Василий Иванович

вся группа была подпущена на близкое расстояние и встречена шквальным пулеметным огнем, в результате чего лично Мельников из своего орудия уничтожил двух солдат, 4 немца были взяты в плен»), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (9.05.1945), медаль «За взятие Будапешта» (09.06.1945).

59. Мельников Петр Григорьевич, 1925 г. р., уроженец и житель х. Красноярского Лебяженского с/с. Призван Вешенским РВК в 1943 г., гв. казак, пулеметчик 13-го гв. кавполка 12-го гв. кавдивизии. Убит 30.01.1944. Похоронен в братской могиле в с. Марьяновка Киевской области.

60. Назаров Петр Алексеевич, 1925 г. р. Окончил 5 классов школы. В 1939 г. пошел работать в кузницу, решил продолжить отцовское ремесло. Призван Вешенским РВК. В 1943 г. учился в 5-м Донском казкорпусе, 43-й гв. кавполк. После учебы отправили на фронт (Австрия, Альпы, Закарпатье, дальний Восток, Северные Курилы). Рядовой. Работая подносчиком мин, в любых условиях боя бесперебойно доставлял мины к минометным расчетам. Кроме того, заменял кузнеца, сам ковал лошадей и делал подковы. В 1949 г. вернулся в родные края. Работал до самой пенсии кузнецом. Награды: медаль «За боевые заслуги» (17.02.1945), орден Отечественной войны II степени, медаль «За взятие Будапешта» (дата документа: 01.12.1945. Приказ подразделения от: 01.12.1945. Издан: 43-й гв. каз. кавполк, х. Дубровка). Умер 29 мая 2011 г.

Назаров Петр Алексеевич

61. Овчаров Василий Федорович. Наградной документ. Воинское звание: гв. казак. Воинская часть: 43-й гв. каз. кавполк 12-й гв. каз. кавдивизии 5-й гв. каз. кавкорпуса. Кто наградил: 43-й гв. каз. кавполк. Награды: медаль «За взятие Будапешта» (дата документа: 01.12.1945; приказ подразделения от 01.12.1945; издан: 43-й гв. каз. кавполк.). Рядовой 1-го эскадрона.

62. Паненков Василий Дмитриевич, 1924 г. р., уроженец и житель Чукаринского с/с. Призван Базковским РВК, гв. казак, кавалерист 39-го гв. кавполка 11-й гв. кавдивизии. Убит 28.01.1944. Похоронен в братской могиле 4 км северо-восточнее станции Капитоновка Златопольского р-на Кировоградской области.

63. Паничкин Петр Федорович, 1925 г. р., уроженец и житель х. Рубежного. Призван Базковским РВК, гв. казак, кавалерист 39-го гв. кавполка 11-й гв. кавдивизии. Убит 08.09.1943. Похоронен в братской могиле в с. Старая Ласпа Тельмановского р-на Сталинской области.

64. Панфилов Андрей Ефимович, 1895 г. р., уроженец и житель Дударевского с/с. Призван Вешенским РВК, гв. казак, кавалерист 12-й гв. кавдивизии. Награжден медалью «За боевые заслуги» (01.03.1944). Умер от ран 17.05.1944 в ЭП – 106 40 А, похоронен в братской могиле в г. Сучава.

65. Переверткин Василий Федорович, 14.01.1923. Место рождения: РФ, Липецкая область, Усманский район, с. Студенки. Место призыва: Кагановичский РВК, Воронежская обл., г. Воронеж, Кагановичский р-н. Дата призыва: 18.09.1941. Воинское звание: лейтенант; гв. лейтенант; капитан. Воинская часть: 5-й гв. кав. корпус, 150-й гв. истребительно-противотанковый артиллерийский полк, затем – 35-я гв. стрелковая дивизия, Московский военный округ. Награды: орден Отечественной войны I степени (16.02.1945), орден Красной Звезды (27.05.1945), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Умер в 2014 г. в ст. Вешенской.

*Переверткин
Василий Федорович*

История: Село Студенки, в котором родился Переверткин, с трех сторон окружал огромный массив леса, оказывавший большое положительное влияние на жизнь и быт жителей села.

В 1940 г. Василий Федорович поступил в Воронежский лесохозяйственный институт. Закончился первый учебный год. Участвовал в боях на севере Ростовской области, на Украине. На подступах к р. Северский Донец был ранен (снайпером). После госпиталя направлен в 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус. Назначен командиром взвода противотанковых орудий. Но уже 76 мм – более мощных. В составе 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса воевал до конца войны. Прибыв с фронта, Василий Федорович вернулся к своей довоенной профессии и окончил институт, как и планировалось до войны. По распределению поехал жить и работать на север Ростовской области. Вешенскому лесному хозяйству Василий Федорович посвятил более 40 лет (1949–1989 гг.). Больше полутора десятков лет проработал он главным лесничим в местном лесхозе. Потом 15 лет был его руководителем. Под его началом Вешенский лесхоз стал самым крупным в области по объемам лесокультурных работ и хозрасчетной деятельности, занимал лидирующее положение в области по разработке и внедрению в производство агротехнических способов облесения песков. Переверткин умер в 2014 г. 27.08.2012 ему было присвоено звание «Почетный житель Шолоховского района».

66. Поздняков Федор Яковлевич. *Наградной документ.* Воинское звание: гв. казак. Воинская часть: 43-й гв. кавполк. Кто наградил: 43-й гв. кавполк. Наименование награды: Медаль «За взятие Будапешта». Дата документа: 01.12.1945. Приказ подразделения от 01.12.1945. Издан: 43-й гв. кавполк.

67. Пономарев Иван Георгиевич, 1903 г. р., уроженец и житель х. Перевозного. Призван Вешенским РВК, гв. казак 1-й гв. кавдивизии. Пропал без вести в бою 15.01.1945 в районе с. Пимиш, Сент-Лелек, Венгрия.

68. Панфилов Михаил Николаевич, 1924 г. р., х. Калининский. Окончил Калининскую школу. В 1942 г. ушел воевать. Служил в 5-м Донском кавкорпусе. Был вторым номером пулеметного расчета. Четыре ранения: два в руку, два в ногу. Одно ранение получил в Румынии. В 1945 г. вернулся домой. В 1946 г. женился. С 1947 по 1948 г. жил на Урале. В 1957 г. переехали в х. Гороховский. Работал комбайнером, трактористом, шофером. Награды: орден «Великой Отечественной войны», медаль «За взятие Будапешта». Умер 6 января 2006 г.

Панфилов Михаил Николаевич

69. Попов Николай Петрович, 1925 г. р., уроженец и житель Колундаевского с/с. Призван Вешенским РВК в июле 1942 г., гв. казак, наводчик 43-го гв. кавполка 12-й гв. кавдивизии, награжден медалью «За отвагу» (22.02.1944). Убит 16.02.1944. Похоронен в братской могиле в с. Сегадинцы Ольшанского р-на Киевской области.

70. Попов Семен Игнатович, 1894 г. р., уроженец и житель х. Сингин. Призван Базковским РВК; гв. казак, 39-й гв. кавполк 11-й гв. кавдивизии. Убит: 04.1944. Похоронен в братской могиле в с. Вербовка Ольшанского р-на Киевской области.

71. Самсонов Иван Алексеевич, 1904 г. р., Базковский р-н, Верхне-Чирский с/с; гв. казак, сабельник. Убит 23.01.1945, Венгрия. Осталась жена Наталья.

72. Свиридов Андрей Степанович, 1925 г. р., уроженец и житель х. Кочетова. Призван Вешенским РВК; гв. казак, кавалерист 47-го гв. кав. полка 12-й гв. кавдивизии. Убит 16.02.1944. Похоронен в братской могиле севернее окраины с. Новая Буда Корсуньского р-на Киевской области.

73. Семидолин Валентин Михайлович, 1925 г. р., уроженец и житель х. Дубровка. Призван Вешенским РВК; гв. казак, кавалерист 43-го гв. кавполка 12-й гв. кавдивизии. Убит 05.02.1944. Похоронен в братской могиле в 50 м от школы в с. Тихие Вербы Ольшанского р-на Киевской области.

74. Сидоров Виктор Сергеевич, 1925 г. р., уроженец и житель Базковского р-на. Призван Базковским РВК; гв. казак, пулеметчик 41-го гв. кавполка 11-й гв. кавдивизии. Убит 11.09.1943. Похоронен в братской могиле в с. Малый Керменчик Сталинской области.

75. Сметанников Василий Семенович, 1925 г. р., уроженец и житель Лебяженского с/с. Призван Вешенским РВК; гв. казак, кавалерист 43-го гв. кавполка 12-й гв. кавдивизии. Убит 05.04.1944. Похоронен в братской могиле северо-западнее окраины г. Оргей, Молдавия.

76. Солдатов В.Н., 12-я гв. кавдивизия (газета «Тихий Дон»).

77. Суковатов Виктор Андреевич, 1924 г. р. Место рождения: Ростовская обл., Базковский р-н, Чукаринский с/с, х. Токин. Дата призыва: 04.1943. Базковский РВК, Ростовская обл., Базковский р-н. Воинское звание: красноармеец; казак. Воинская часть: 5-й гв. каз. кавкорпус 11-й гв. кавдивизии в/дк обхд.

[illegible]

78. Суковатов Иван Иванович. Воинское звание: казак. Воинская часть: 39-го гв. кавполк 11-й гв. кавдивизии. Награды: медаль «За взятие Будапешта». Приказ подразделения от 10.12.1945. Издан: 39-й гв. кавполк 11-й гв. кавдивизии.

79. Сухарев Иван Петрович, 1912 г. р., уроженец и житель Черновского с/с. Призван Вешенским РВК; гв. казак, кавалерист 43-го гв. кавполка 12-й гв. кавдивизии. Умер от ран 24.02.1944 в ППГ-284. Похоронен в братской могиле в парке с. Лебедин Шпольского р-на Полтавской области.

80. Токин Алексей Семенович. Представление на награждение. Воинское звание: гв. казак. Воинская часть: 258-го гв. каз. кавполк. Наименование награды: медаль «За оборону Кавказа». Приказ подразделения № 158 от 29.04.1945. Издан: 45-й гв. каз. кавполк.

81. Турилин Георгий Петрович, 1914 г. р., уроженец и житель х. Нижне-Ермакова. Призван Вешенским РВК, гв. казак, сабельник 43-го гв. кавполка 12-й гв. кавдивизии.

Убит 13.02.1944. Похоронен в лесополосе у с. Новая Буда Корсуньского р-на Киевской области.

82. Ушаков Василий Игнатьевич, 1925 г. р., уроженец и житель х. Кочетова. Призван Вешенским РВК, гв. казак, сабельник 43-го гв. кавполка 12-й гв. кавдивизии. Награжден орденом Славы III степени (03.03.1944). Убит 15.10.1944. Похоронен северо-западнее окраины г. Тегляд, Венгрия.

83. Фомин Архип Матвеевич, 1895 г. р., уроженец и житель х. Красноярского Лебяженского с/с. Призван Вешенским РВК, кандидат в члены ВКП(б), гв. казак, телефонист 259-го гв. кавполка 12-й гв. кавдивизии. Награжден медалью «За отвагу» (15.02.1943).

84. Фомичев Михаил Иванович, 1924 г. р., уроженец и житель х. Затон Варваринского с/с. Призван Базковским РВК, гв. казак 39-го гв. кавполка 11-й гв. кавдивизии. Награжден медалью «За боевые заслуги» (23.09.1943). Убит 14.09.1943. Похоронен в братской могиле в с. Солнцево Запорожской области.

85. Чукарин Иван Устинович. 1925 г. р. Звание: гв. казак. Место призыва: Базковский РВК, Ростовская обл., Базковский р-н. Место службы: 41-й гв. каз. кавполк 11-й гв. каз. кавдивизии 5-го гв. каз. кавкорпуса ЮФ. № записи: 17439765. Награды: медаль «За отвагу».

86. Щириков Иван Афанасьевич. Дата рождения 1925 г. р. Место рождения: РФ, Ростовская область, Шолоховский район. Место призыва: Вешенский РВК, Ростовская обл., Вешенский р-н. Воинское звание: гв. казак. Воинская часть: 3-й Украинский фронт. 43-й гв. кавполк 12-й гв. кавдивизии 5-го гв. каз. кавкорпуса, заряжающий минометной батареи, беспартийный. Награды: медаль «За отвагу», медаль «За взятие Будапешта».

БОКОВСКИЙ РАЙОН (БОКОВСКИЙ И ЧАСТЬ БЫВШЕГО БАЗКОВСКОГО РАЙОНА)

1. Бочков Петр Яковлевич, 1914 г. р., проживал в Боковском р-не (?), уроженец х. Попов. Призван Каргинским РВК (?), гв. казак, беспартийный, 12-я гв. Донская казачья кавдивизия. Пропал без вести 13.08.1942 на Кубани у ст. Комсомольской.

ВЕРХНЕДОНСКОЙ РАЙОН (ВЕРХНЕДОНСКОЙ И БЫВШИЙ МИГУЛИНСКИЙ РАЙОН)

1. Асташов Антон Владимирович, 1900 г. р., уроженец х. Попов. Призван Верхнедонским РВК; гв. казак, беспартийный, 12-я гв. Донская казачья кавдивизия. Пропал без вести 12.08.1942 на Кубани.

2. Асташов Илья Владимирович, 1895 г. р., уроженец х. Попов. Призван Верхнедонским РВК; гв. казак, беспартийный, 12-я гв. Донская казачья кавдивизия. Пропал без вести 13.08.1942 на Кубани (был в окружении?). Убит 30.12.1944 в бою за г. Будапешт, где и похоронен.

3. Бабаков Николай Павлович, 1915 г. р. Призван Мигулинским РВК; гв. казак, беспартийный, связной 1-го эскадрона 43-го гв. кавполка. Награжден медалью «За отвагу» (как указано в документе, «в ночном бою 21.08.1944 в р-не Старой Буды

и при наступлении на укреп. рубеж противника убил огнем автомата 3 румынских солдат и оказал помощь двум раненым казакам и вынес их с поля боя»).

4. Вещунов Николай Константинович, 1898 г. р., проживал в Мигулинском р-не. Призван Мигулинским РВК; гв. казак, беспартийный, 12-я гв. Донская казачья кавдивизия. Пропал без вести 15.08.1942 у ст. Черниговской Краснодарского края. Вероятно, вышел из окружения, впоследствии награжден медалью «За боевые заслуги» (18.02.1943).

5. Жарков Василий Минаевич (Минеевич), 1895 г. р., уроженец х. Ермаков ст. Вешенской, проживал в х. Солоновском Верхнедонского р-на. Призван Верхнедонским РВК; гв. казак, беспартийный, 12-я гв. Донская казачья кавдивизия. Пропал без вести 05.08.1942 на Кубани.

6. Земляков Яков Маркович, 1894 г. р., уроженец Мигулинского района, проживал в ст. Вешенской. Призван Вешенским РВК в феврале 1942 г. гв. ст. сержант, командир отделения артбатарей 259-го казачьего кавполка 12-й гв. кавдивизии, награжден медалью «За боевые заслуги» (31.10.1942), пропал без вести в августе 1942 г.

7. Колмыков Петр Васильевич, 1897 г. р., проживал в Мигулинском р-не. Призван Мигулинским РВК; ветинструктор, беспартийный, 12-я гв. Донская казачья кавдивизия. Пропал без вести 11.08.1942 у ст. Черниговской Краснодарского края.

8. Коршунов Михаил Петрович, 1900 г. р., уроженец х. Гребенников. Призван Верхнедонским РВК; гв. казак, беспартийный, 12-я гв. Донская казачья кавдивизия. Пропал без вести 12.08.1942 на Кубани.

9. Минаев Спиридон Иванович, 1895 г. р., уроженец х. Заикин. Призван Верхнедонским РВК; гв. казак, беспартийный, 12-я гв. Донская казачья кавдивизия. Пропал без вести 12.08.1942 на Кубани.

10. Носов Степан Федорович, 1910 г. р., х. Макаровский ст. Казанской. Призван Мигулинским РВК; гв. казак, беспартийный, ездовой орудийной 76 мм батареи 43-го гв. кавполка. Награжден медалью «За отвагу» (как указано в документе, *«в боях с немецкими захватчиками проявил исключительную отвагу в деле обеспечения быстрого маневра орудий при занятии и смене огневой позиции, под огнем противника пренебрегая опасностью и самой жизнью смело выезжал на огневую позицию. В течение двухдневного боя 16 и 17.09.1944 г. с. Ньярад – с. Мартон умело сохранил своих коней от обстрела противника»*). Награды: медаль «За отвагу» (23.09.1944), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945), медаль «За взятие Будапешта» (13.02.1945).

11. Пономарев Александр Михайлович, 1909 г. р. Призван Верхнедонским РВК; гв. казак, беспартийный, рядовой 4-го эскадрона 43-го гв. каз. кавполка. Награжден медалью «За отвагу» (20.09.1944) (как указано в документе, *«в бою за село Кибень 14.09.1944 года будучи связным у командира эскадрона, своевременно и точно все устные распоряжения от командира эскадрона командирам взводов передавал точно и вовремя, участник всех боев полка с 1943 года»*).

12. Радченко Федор Алексеевич, 1895 г. р., проживал в Мигулинском р-не. Призван Мигулинским РВК; ветинструктор, беспартийный, 12-я гв. Донская казачья кавдивизия. Пропал без вести 11.08.1942 у ст. Черниговской Краснодарского края.

13. Раздрокин Алексей Иванович, 1895 г. р., уроженец ст. Шумилинской. Призван Верхнедонским РВК; гв. казак, беспартийный, 12-я гв. Донская казачья кавдивизия. Пропал без вести 14.08.1942 у ст. Каневской Краснодарского края (был

в окружении?), снова в РККА, старшина, в стрелковой дивизии. Убит 21.08.1943. Захоронен: Донецкая обл., Славянский р-н, с. Дмитровка.

14. Топольсков Иван Власович, 1914 г. р., уроженец Верхнедонского р-на. Призван Верхнедонским РВК; рядовой, беспартийный, 12-я гв. Донская казачья кавдивизия. Пропал без вести 10.08.1942 на Кубани.

КАШАРСКИЙ РАЙОН

1. Песоцкий Петр Иванович, 1915 г. р. Призван Кашарским РВК; гв. казак, беспартийный, 12-я Донская гв. казачья кавдивизия. Пропал без вести 14.08.1942 у ст. Черниговской Краснодарского края.

МИЛЮТИНСКИЙ РАЙОН (БЫВШИЙ СЕЛИВАНОВСКИЙ)

1. Базывлев Василий Власович, 1902 г. р., Селивановский р-н, воевал в 12-й Донской гв. казачьей кавдивизии. Пропал без вести на Кубани в 1942 г.

СОВЕТСКИЙ СЕЛЬСКИЙ РАЙОН (БЫВШИЙ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ РАЙОН)

1. Алексеев Иван Алексеевич, 1897 г. р., уроженец ст. Чернышевская. Призван Чернышевским РВК; гв. казак, беспартийный, 12-я гв. Донская казачья кавдивизия. Пропал без вести 15.08.1942, Краснодарский край, Белореченский р-н, ст-ца Черниговская.

2. Дикарев Макар Семенович, 1898 г. р., Ростовская обл., Чернышевский р-н, х. Ханьжа. Место службы: Чернышевский РВК, Ростовская обл., Чернышевский р-н. Призван Чернышевским РВК в феврале 1942 г.; гв. казак, 43-й гв. каз. кавполк 12-й гв. каз. кавдивизии., беспартийный. Ординарец зам. командира кавполка. Награды: медали «За отвагу», «За оборону Кавказа», орден Славы III степени.

3. Ипатов Степан Сергеевич, 1899 г. р., уроженец Чернышевского р-на. Призван Чернышевским РВК; гв. казак, беспартийный, 12-я гв. Донская казачья кавдивизия. Пропал без вести 16.09.1942 у ст. Абхазской Краснодарского края.

4. Парфенов Филипп Евграфович, 1895 г. р., уроженец Чернышевского р-на. Призван Чернышевским РВК; гв. казак, беспартийный, 12-я гв. Донская казачья кавдивизия. Пропал без вести 16.09.1942.

5. Шепелев Петр Иванович, 1894 г. р., уроженец ст. Чернышевская. Призван Чернышевским РВК; сержант, беспартийный, командир отделения 12-й гв. Донской казачьей кавдивизии. Убит 17.08.1942 у ст. Черниговской на Кубани.

ЧЕРТКОВСКИЙ РАЙОН
(БЫВШИЙ АЛЕКСЕЕВО-ЛОЗОВСКИЙ РАЙОН)

1. Толочный Иван Алексеевич, 1912 г. р., уроженец Алексеево-Лозовского р-на. Призван Алексеево-Лозовским РВК; гв. казак, беспартийный, 12-я гв. Донская казачья кавдивизия. Пропал без вести 13.08.1942 у ст. Комсомольской на Кубани.

2. Шутько Гавриил Владимирович, 1897 г. р., уроженец Алексеево-Лозовского р-на. Призван Алексеево-Лозовским РВК; гв. казак, беспартийный, 12-я гв. Донская казачья кавдивизия. Пропал без вести 13.08.1942 у ст. Комсомольской на Кубани.

ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ 5-ГО ГВАРДЕЙСКОГО
ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО КАВАЛЕРИЙСКОГО КОРПУСА,
ПРИЗВАННЫЕ ОБЛИВСКИМ РВК

1. Болдин Иван Яковлевич, 1924 г. р., уроженец ст. Обливская; гв. казак, 47-й гв. кавполк 12-й гв. кавдивизии;

2. Волков Артем Никифорович, 1894 г. р., х. Нестеркин; ефрейтор, 223-й кавполк 63-й кавдивизии;

3. Зайцев Василий Антонович, 1924 г. р., уроженец х. Сиволобов; гв. сержант, 37-й гв. кавполк 11-й гв. кавдивизии;

4. Корнеев Николай Михайлович, 1913 г. р., уроженец Обливского р-на; гв. казак, 184-й гв. казачий арт.-мин. полк 12-й гв. кавдивизии;

5. Куцов Михаил Аристархович, 1915 г. р., уроженец ст. Обливская; гв. сержант, 39-й гв. кавполк 11-й гв. кавдивизии;

6. Моторкин Иван Ермолаевич, 1914 г. р., уроженец х. Елфимов; рядовой, 220-й кавполк 63-й кавдивизии;

7. Покотило Александра Яковлевна, 1919 г. р., уроженец х. Александровка; гв. зам. политрука, 12-я гв. кавдивизия;

8. Свиридов Иван Степанович, 1924 г. р., уроженец ст. Обливская; гв. сержант, 12-я гв. кавдивизия;

9. Сиволобов Федор Савельевич, 1925 г. р., уроженец х. Сиволобов; гв. казак, 11-я кавдивизия. Призван Морозовским РВК.

10. Синевин Яков Иванович, 1915 г. р., уроженец ст. Обливская; гв. старшина, 42-й гв. кавполк 11-й гв. кавдивизии;

11. Сорокин Абрам Иванович, 1905 г. р., уроженец ст. Обливская; гв. казак, ОВКР, СМЕРШ-5, 11-я гв. кавдивизия;

12. Ткачев Иван Тихонович, 1923 г. р., уроженец х. Ясиновка; гв. мл. лейтенант, 43-й гв. кавполк 12-й гв. кавдивизии;

13. Шерстобитов Пахом Ал-вич, 1903 г. р.; свх. 694 (Зерносовхоз); гв. казак 44-й гв. кавполк 11-й гв. кавдивизии.

ДРУГИЕ ОКРУГА

Первый Донской округ:

1. Галицын Иван Львович, гв. ефрейтор, 1901 г. р., Ростовская обл., Романовский р-н, ст. Красный Яр; 6-я гв. кавдивизии 3-го гв. кавкорпуса, Железнодорожный РВК, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, Железнодорожный р-н, 54-й гв. кавполк 14-й гв. кавдивизии.

Хоперский округ:

1. Ермаков Михаил Николаевич. Дата рождения: 1921 г. Дата и место призыва: 1940 г., Кильмезский РВК, Кировская обл., Кильмезский р-н. Воинское звание: сержант. Последнее место службы: 37-й гв. кавполк 11-й гв. кавдивизии 5-го кавкорпуса. Дата выбытия: 28.02.1945. Причина выбытия: выбыл из госпиталя. Госпиталь: ГЛР 4171.

2. Куприянов Николай Пантелеевич, 1924 г. р. Место призыва: Батайский ГВК, Ростовская обл., г. Батайск. Воинское звание: гв. ефрейтор; ефрейтор. Воинская часть: 43-й гвардейский кавалерийский полк 12-й гвардейской казачьей кавдивизии. Награды: орден Красной Звезды, медаль «За взятие Будапешта».

3. Панфилов Петр Андреевич, 1924 г. р., Сталинградская обл., Ново-Анненский р-н, х. Дурновский; гв. казак. Место службы: Ново-Анненский РВК, Сталинградская обл., Ново-Анненский р-н, 43-й гв. каз. кавполк 12-й гв. каз. кавдивизии 5-го гв. каз. кавкорпуса. Воинское звание: гв. казак; ст. сержант. Умер в 2000 г. Награды: орден Отечественной войны I степени, медаль «За боевые заслуги», орден Красной Звезды.

4. Шалаев Валентин Егорович, 1924 г. р. Место призыва: Кохомский РВК, Ивановская обл., Кохомский р-н. Воинское звание: рядовой; гв. Казак. Воинская часть: 43-й гв. каз. кавполк 12-й гв. каз. кавдивизии 5-го гв. каз. кавкорпуса. Награды: медаль «За отвагу», медаль «За взятие Будапешта».

Округ не определен:

1. Афонин Василий Дмитриевич, 1917 г. р. Воинское звание: гв. казак. Воинская часть: 72-й гвардейский отдельный минометный дивизион 5-го гв. каз. кавкорпуса. Представлен к правительственной награде медалью «За отвагу».

Список сокращений:

- гв.** – гвардейский
- кав.** – кавалерийский
- каз.** – казачий
- кавполк** – кавалерийский полк
- кавдивизия** – кавалерийская дивизия
- с.** – село
- х.** – хутор
- ст.** – станица
- с/с** – сельский совет
- г. р.** – год рождения
- ППГ** – полевой подвижной госпиталь
- ЭГ** – эвакуационный госпиталь
- РВК** – районный военкомат

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КАРТАШОВ Юрий Ильич – член Союза писателей РФ, бывший окружной атаман Верхнедонского округа Всевеликого Войска Донского, ст. Вешенская, Шолоховский район, Ростовская область, Россия.

KARTASHOV Yuri Ilyich – member of the Writers' Union of the Russian Federation, former district ataman of the Verkhne Donsk District of the All Donsk Cossack Host. St. Vyoshenskaya, Sholokhovsky District, Rostov Region, Russia.

© Ю.И. Карташов, 2026

*Дата поступления в редакцию: 06.07.2026.
Дата принятия статьи: 23.07.2026.*